

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (КемГУ)

ЗНАК, ЯЗЫК И ДИСКУРС В ДИНАМИКЕ И СТАТИКЕ

Монография

Под научной редакцией А. Г. Фомина

Издатель:

Кемеровский государственный университет

© Коллектив авторов, 2023

© Кемеровский государственный
университет, 2023

ISBN 978-5-8353-3098-0

Об издании – [1](#), [2](#), [3](#)

Кемерово 2023

УДК 8/801.61
ББК 81.0
371

Издается по решению Научно-методического совета КемГУ

Научный редактор: профессор **А. Г. Фомин**

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии ВГСПУ
М. Р. Желтухина;

доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии УрФУ
О. Г. Сидорова;

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ЮУрГУ
Е. В. Харченко

Авторский коллектив:

Ф. Э. Абдуллаева, О. В. Байкова, В. Э. Будейко, Л. О. Бутакова, В. М. Бухаров,
А. Б. Бушев, Э. С. Денисова, А. В. Курьянович, С. А. Песина, Т. Г. Рабенко,
И. В. Тивьяева, М. К. Тимофеева, А. Г. Фомин, Е. В. Шелестюк

371 Знак, язык и дискурс в динамике и статике: монография / Ф. Э. Абдуллаева,
О. В. Байкова, В. Э. Будейко [и др.]; под научной редакцией А. Г. Фомина; Кемеровский государственный университет. – Электрон. дан. (объем 2,8 Мб). – Кемерово, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CDROM). – Систем. требования: Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей), 1,2 ГГц; 512 Мб оперативной памяти; видеокарта SVGA, 1280x1024 HighColor (32 bit); 5 Мб свободного дискового пространства; операц. система Windows XP и выше; Adobe Reader. – Текст электронный. Загл. с титульного экрана.
ISBN 978-5-8353-3098-0

Монография посвящена актуальным аспектам изучения языка, подразделяемым на четыре основных направления и соответствующим четырем разделам. Первый раздел рассматривает метафорические градации в семантической структуре слова, интерпретацию смысла сквозь призму коммуникативной концепции языка, языковое развитие в социолингвистическом, системно-лингвистическом и дискурсивно-стилистическом аспектах. Второй раздел включает исследования в области дискурса, психолингвистики, интерпретации и экспертизы текстового материала. В третьем разделе анализируется коммуникация внутри вторичных знаковых систем и лингводидактических процессов, описываются возмездственные инструменты виртуального театра, эпистолярные тексты как культурно-исторический феномен и методико-дидактическое средство обучения. Четвертый раздел посвящен перспективам разработки междисциплинарного сопоставительного словаря кон- субстанциональных терминов лингвистики. Книга предназначена для широкого круга читателей – исследователей, преподавателей, студентов, она будет полезна для тех, кто хотел бы углубиться в вопросы теоретического языкознания, семиозиса, психолингвистики, дискурсологии, терминологии.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-8353-3098-0

УДК 8/801.61
ББК 81.0

© Коллектив авторов, 2023
© Кемеровский государственный университет, 2023

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования

Компьютер: IntelPentium (или аналогичный процессор других производителей), 1,2 ГГц; ОЗУ 512 Мб; 5 Мб на жестком диске; видеокарта SVGA, 1280x1024 HighColor (32 bit); привод CD-ROM

Операционная система: Windows XP и выше

Программное обеспечение: AdobeReader.

© Коллектив авторов, 2023

© Кемеровский государственный
университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Раздел 1. Язык в аспектах метафоризации, семиозиса, языкового развития	8
Градация метафор по уровням интеллектуального восприятия.....	8
Интерпретация смысла сквозь призму коммуникативной концепции языка	30
Языковое развитие: трактовки понятия и аспекты	51
Раздел 2. Текст, дискурс, языковое сознание, интерпретация и экспертиза	91
Межкультурный анализ жанров деловой коммуникации (на примере образцов русского и китайского делового письма).....	91
Экспериментальные методы выявления лингвокультурной специфики рецепции личности писателя и его творчества (на материале восприятия Ф. М. Достоевского и его произведений носителями русского и китайского языков).....	126
Особенности лингвистической экспертизы англоязычных конфликтных политических текстов сми.....	145
Раздел 3. Коммуникация внутри вторичных знаковых систем и лингводидактических процессов	163
Виртуальный театр: прошлое и настоящее, сиюминутное и вневременное, художественное и документальное	163
Методико-дидактический ресурс эпистолярных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному (на материале частной переписки представителей русской культуры XX-XXI веков).....	193
Раздел 4. Вопросы лексикографии и терминосистем	212
Проект разработки междисциплинарного сопоставительного словаря консубстанциональных терминов лингвистики.....	212
Сведения об авторах	233

ПРЕДИСЛОВИЕ

Целью коллективной монографии является обозначить актуальные направления общего и частного языкознания на современном этапе, в том числе в областях семиозиса метафоризации, языкового знака, развития языка, психолингвистики (образов сознания и их репрезентаций), дискур-сологии, лингвистической экспертологии, речевого воздействия и дидакти-ческого потенциала вторичных знаковых систем, лингвистической терми-нологии. Материалы прошли апробацию материалов на I Международном форуме «Филологическая наука и образование в Кузбассе» и в рамках научной школы «Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения и лингводидактики: исследовательский и методический аспекты» 23–30 сентября 2022 г.

В монографии выделяются четыре основных направления, соответствующие четырем разделам. Первый раздел посвящен широким лингвистическим проблемам. В частности, здесь обсуждается семантическая структура слова как многоуровневая конфигурация, фиксируемая доминирующей инвариантной составляющей. Введено понятие лексического инварианта как совокупности базовых доминантных компонентов, образующих семантическое ядро слова. Семантические лексические инварианты образуются в результате многократного использования метафорических значений полисемичного слова, что усиливает его переносные значения и препятствует распаду структуры слова на омонимы. В первом разделе также обсуждается интерпретация смысла сквозь призму коммуникативной концепции языка. Постулируется важность внутриличностной когнитивной функции языка, а также его очевидное межличностное использование. Когнитивная функция языка связана с радикальным эмпиризмом, согласно которому множество человеческих понятий и способов мышления приобретает через родной язык и его концептуальные ресурсы в речи. Многие человеческие мысли-символы (особенно сознательные мысли человека, выраженные в виде внутреннего языка) состоят из предложений естественного языка. Вместе с тем мышление заключается в манипуляции ментальными образами, мысли наследуют свои семантические свойства от репрезентативных сил образов, которые их составляют. Предложения же гипотетически принадлежат врожденному, универсальному языку мысли – генеративной грамматике, существующему наряду с ментальным лексиконом. Наконец, в первом разделе исследуется понятие языкового развития и становления языка. Языковое развитие является во многом объективным феноменом, предполагающим внутренне присущие импульсы, признаки роста, становления и синергичного изменения в соответствии с онтологией национального языка. Вместе с тем направленность и закономерность развития делает возможным его планирование, ход, контроль. То же касается развития языка. Рассмотрены три основных аспекта языка,

позволяющих изучать языковое развитие и планировать/прогнозировать его векторы: социолингвистический, системный и дискурсивно-стилистический.

Второй раздел включает исследования в области дискурса, психолингвистики, интерпретации и экспертизы текстового материала. На материале русских и китайских деловых писем развивается идея возможного представления текста делового письма как совокупности жанрообразующих признаков, детерминированных типизированностью и регламентированностью официально-делового стиля. Обнаружены национально-специфические характеристики этой жанровой формы, в т. ч. то, что русскому деловому письму свойственна безличность повествования и сдержанность изложения, для китайского же делового письма характерно более яркое эмоциональное выражение при изложении. Во втором разделе также описываются экспериментальные методы выявления лингвокультурной специфики рецепции личности писателя и его творчества носителями русского и китайского языков. Обоснована эффективность ассоциативного направленного эксперимента как средства выявления интерпретации культурно обусловленных феноменов – творчества писателя и его личности. На примере личности Ф. М. Достоевского и его творчества показаны возможности установления сходства и различия фрагментов языкового сознания носителей русского и китайского языков. Наконец, во втором разделе рассматриваются основы лингвистической экспертизы конфликтных текстов, которая является частью комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Рассматриваются материалы, приближающиеся к экстремистским, производится анализ собственно лингвистических, прагматических и стилистических особенностей соответствующих текстов. Выявлена основная причина конфликтного характера анализируемых текстов, а именно, то, что авторы чаще всего придерживаются интенции дискредитации, используя определенные приемы для воздействия на читателя.

В третьем разделе анализируется коммуникация внутри вторичных знаковых систем и лингводидактических процессов, описываются воздействующие инструменты виртуального театра, эпистолярные тексты как культурно-исторический феномен и методико-дидактическое средство обучения. Описываются отличия средств семиотического выражения классического и документального театра начала двадцать первого века. Рассматривается документалистика в театре, как создается такой спектакль и что он дает зрителю; на материале корпуса спектаклей рассматриваются метод, механизмы создания, тематика документального театра. В этом разделе также исследуется методико-дидактический ресурс эпистолярных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному на материале частной переписки представителей русской культуры XX–XXI вв. Делается вывод о том, что изучение эпистолярных текстов способствует эффективному решению ряда образовательных задач, связанных с предметным и меж-

предметным обучением, воспитанием и личностным ростом иностранцев, осваивающих русский язык и знакомящихся с русской культурой.

Четвертый раздел посвящен перспективам разработки междисциплинарного сопоставительного словаря консубстанциональных терминов лингвистики. Рассматривается проблема пересечения терминологий разных научных дисциплин, осложняющая взаимопонимание представителей этих дисциплин в рамках междисциплинарного сотрудничества. Обсуждается проект разработки словаря, предназначенного для поддержки такого рода коммуникации и отражающего результаты сопоставительного семантического анализа терминов, параллельно используемых в разных дисциплинах. Приведены примеры анализа конкретных пар терминов, намечены перспективы исследования.

Вклад авторского коллектива в подготовку монографии: С. А. Песина, А. Г. Фомин, Е. В. Шелестюк, В. Э. Будейко (Раздел 1. Язык в аспектах метафоризации, семиозиса, языкового развития), Ф. Э. Абдуллаева, Э. С. Денисова, Т. Г. Рабенко, Л. О. Бутакова, В. М. Бухаров, О. В. Байкова (Раздел 2. Текст, дискурс, языковое сознание, интерпретация и экспертиза), А. Б. Бушев, А. В. Курьянович (Раздел 3. Коммуникация внутри вторичных знаковых систем и лингводидактических процессов), М. К. Тимофеева (Раздел 4. Вопросы лексикографии и терминосистем).

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫК В АСПЕКТАХ МЕТАФОРИЗАЦИИ, СЕМИОЗИСА, ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

ГРАДАЦИЯ МЕТАФОР ПО УРОВНЯМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Песина С. А.

Предпринята попытка определения характера отображения многозначных лексем в семантическом пространстве лексикона посредством раскрытия содержания метафор. Получили осмысление механизмы декодирования и перевода разноуровневых метафор. Приведена четырехуровневая классификация метафор, основным критерием которой явилась степень трудности их восприятия, а также степень вовлечения кристаллизованного и гибкого интеллекта в процессе их декодирования. В статье определены специфические свойства и характеристики образов, лежащих в основе метафорических значений. Показано, что обобщенность и абстрактность образа развиваются по мере приложения слова к новым переносным метафорическим значениям, то есть в процессе осмысления всей семантической структуры многозначного слова. Далее продемонстрировано использование сложной креативной (вложенной) метафоры на материале художественного дискурса. На примере романа Ф. Кафки «Процесс» представлена иллюстрация сложных многоступенчатых метафор с несколькими степенями понимания. Основываясь на наших исследованиях по раскрытию механизмов функционирования метафорических значений антропоморфного характера, верифицирована гипотеза о том, что человеческое тело в значительной степени отражает и определяет жизненно важные аспекты нашего опыта. На материале лексической структуры многозначного английского слова «a leg» продемонстрировано, что строение и функционирование человеческого организма предопределяет важнейшие аспекты человеческого мышления и в целом существования. Выдвинута гипотеза о том, что семантическая структура слова, как многоуровневая конфигурация контекстных реализаций, закрепляется доминирующим инвариантным конструктом. Анализ выполнен с использованием эмпирического инвариантно-компонентного метода, метода анализа дефиниций и интроспекции. В результате определены семантические метафорические кластеры значений этого слова и его лексический инвариант как совокупность базовых доминантных компонентов, образующих семантическое ядро слова. Лексический инвариант формируется по мере многократного использования переносных значений полисеманта, скрепляя его метафорические значения и не давая структуре слова распасться на омонимы. Результаты представленного анализа и более ранних исследований позволили сделать вывод о том, что лексический инвариант позволяет успешно декодировать метафоры любого уровня. Показано, что описание функционирования человеческого тела спроецировано на окружающие нас абстрактные и конкретные объек-

ты и явления окружающей среды. Сделан вывод о том, что языковые и концептуальные процессы нельзя рассматривать и изучать изолированно от человеческого воплощения.

Ключевые слова: семантическая структура слова, полисемант, образность, классификация метафор, лексический инвариант, семантический компонент

GRADATION OF METAPHORS BY LEVELS OF INTELLECTUAL PERCEPTION

Pesina S. A.

The paper attempts to determine the nature of polysemous lexemes in the semantic space of the lexicon by revealing the content of metaphors. The mechanisms of decoding and translation of multi-level metaphors have been comprehended. A four-level classification of metaphors is given, the main criterion of which is the degree of difficulty in their perception, as well as the degree of involvement of crystallized and flexible intellect in the process of their decoding. We define the specific properties and characteristics of images that underlie metaphorical meanings. It is shown that the generalization and abstractness of the metaphoric images develop as the frequency of their use increases. The use of complex creative metaphors is demonstrated on the material of fiction discourse. On the example of F. Kafka's novel "The Process" an illustration of complex multi-stage metaphors with several degrees of understanding is presented. Based on our research of mechanisms of anthropomorphic metaphors functioning, the hypothesis that the human body largely reflects and determines the vital aspects of our experience has been verified. We assume that the semantic structure of a word, as a multi-level configuration of contextual realizations, is fixed by a dominant invariant construct. The analysis of the polysemous English word "leg" is performed using the empirical invariant-component method, the method of analysis of definitions and introspection. As a result, semantic metaphorical clusters of meanings of this word and its lexical invariant are defined as a set of basic dominant components that form the semantic core of the word. The lexical invariant is formed as the figurative meanings of the polysemous word are repeatedly used. The lexical invariant fastens its metaphorical meanings, preventing the structure of the word from falling apart into homonyms. The results of the presented analysis and earlier studies leads to the conclusion that the lexical invariant allows to successfully decode metaphors of any level. It is concluded that linguistic and conceptual processes cannot be considered and studied in isolation from the human embodiment.

Keywords: semantic structure of a word, polysemous word, images, classification of metaphors, lexical invariant, semantic component.

Введение

Метафора, как наиболее частотный троп, занимает важное место в лингвокультурной парадигме носителей любого языка и является ведущим механизмом организации их социально-культурного опыта. Как неотъемлемое свойство человеческого мышления, метафора способна умело концентрировать и обобщать накопленный языковой опыт. Она, образно говоря, оказывает эксплицитное и имплицитное когнитивное воздействие на все сферы человеческой жизни, поскольку речевые метафоры используются во всех формах коммуникации. Базируясь на установлении ассоциативных связей, сходств и различий между явлениями мира, люди стремятся посредством метафоры уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции.

Метафоре посвящено много штудий, существуют научные общества по изучению метафор, регулярно организуются конференции. Тем не менее, метафору можно исследовать бесконечно, поскольку со временем меняются сами механизмы ее образования.

Размышляя о природе и сущности метафорических переносов, мы пришли к некоторой градации метафор (от когнитивно и семантически простых к сложным), исходя из уровня их общего понимания и с опорой на исследования о кристаллизованном и гибком видах человеческого интеллекта [Cattell 1971].

Имеет смысл интерпретировать метафору не только как средство придания высказыванию особой выразительности, но и как механизм порождения смыслов разного уровня сложности. Поэтому логично говорить о проблемах понимания разноуровневых метафор. В этой связи вектор психолингвистических изысканий разнонаправлен.

В настоящее время имеет место как бустинг исследований по гибкому и кристаллизованному видам интеллекта, так и пессимизм относительно превалирования клипового мышления и общения. В частности, констатируется отсутствие навыков систематического чтения, превалирование тестов, направленных на выбор, а не на эвристику. Все это имеет далеко идущие негативные последствия для поддержания на должном уровне концептуального и языкового сознания.

В этой связи первоочередная когнитивная и гуманитарная задача состоит в том, чтобы разорвать этот замкнутый круг, когда нежелание креативно мыслить или отказ от литературного чтения вызваны сложностью, а снятие этой сложности возможно, главным образом, через то же чтение или постановку сложных задач. Наши экспериментальные данные показывают, что даже гуманитарии зачастую владеют обрывочными данными о входящих в слово переносных значениях, не могут дать адекватные толкования метафорическим значениям и не всегда демонстрируют готовность к пониманию не только развернутых ассоциативных метафор, но и базовых интуитивных метафор, лишенных сложных образных ассоциаций [Песина, Зимарева, Баклыкова 2019].

Метафора, собственно, и представляет ту гимнастику ума, которая необходима для развития обоих видов интеллекта, поскольку метафора зачастую является единственно возможным способом понимания сложных абстракций. На сегодняшний день, предложено множество механизмов образования метафоры, которые, хотя и конкурируют между собой, в целом схожи. Так, предлагается совместить представления о разнородных предметах при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента той или иной степени яркости: «совмещенное видение двух картин», «сдвоенный денотат», «двойное видение явления», «двойное восприятие», «семантическая двуплановость» и т. п. Данные названия констатируют наличие в образном слове двух планов: собственно, значение и его ассоциат, т.е. то, что в классическом виде выглядит как взаимодействие двух доменов – «источника» и «мишени» [Lakoff, Johnson 1999].

Тезис о «двойном видении» в толковании метафоры предполагает, что при образовании метафор два значения как бы «складываются» или «накладываются» друг на друга. Ниже на практическом материале мы продемонстрируем то, как работают механизмы «сдвоенности» и как именно в сознании происходит «удержание» двух состояний. Здесь же напомним классический пример о *человеке-скале*, где мы как бы «сплавляем» воедино героя и скалу, а вслед за этим, оставив у героя признак твердости, «изымаем» из его образа все прочие свойства скалы. То же имеет в виду Б. М. Гаспаров, говоря об эффекте палимпсестного наложения одних образных представлений на другие: чем неожиданнее столкновение накладывающихся образных отпечатков, чем ярче эффект, побуждаемый таким наложением, тем более яркой и свежей ощущается нами метафоричность [Гаспаров 1996]. Вопросы, которые в этой связи волнуют лингвистов, заключаются в том, каков характер исходного и конечного образов и что представляют собой эти доминантные признаки, лежащие в основе переноса.

Фактически в процессе переноса происходит указание на одно понятие через другое посредством вычленения и перенесения какого-либо семантического компонента, который становится общим. Соотнесение в нашем сознании двух понятий, соответствующих прямому и переосмысленному значению, ведет к появлению в структуре значения семантического компонента «подобие». Важно отметить, что этот общий семантический компонент в подавляющем большинстве случаев не содержится эксплицитно в первом значении. Он считается общим чисто условно, так как имеет выводной характер. Он выводится ассоциативным мышлением из первого значения или синтезируется из семантики другой метафоры в зависимости от характера переноса – радиального или цепочечного.

Структура метафоры организована в форме кросс-доменных переносов или соответствий (mappings) между двумя концептуальными сферами. И опять-таки, в классическом понимании алгоритмов образования метафоры речь идет о главном номинативно-непроизводном значении и ассоци-

руемом с ним переносном значении, т. е. о том, что мы называем сравнением. Ниже мы попытаемся ответить на вопрос о том, существует ли иной, более эффективный механизм формирования метафор, чем «накладывание» двух значений друг на друга или сравнение нового понятия с имеющимся первым значением в структуре многозначного слова. Тем более, что, как отмечалось выше, первое значение далеко не всегда содержит в своей семантике сему переноса.

Поэтому при классическом понимании метафоры как процесса пересечения двух доменов, совмещения двух разнородных значений или накладывание образов, соответствующих двум объектам, приходится констатировать, как минимум, два когнитивных процесса. Первый включает процесс совмещения доменов или накладывания образов, а также сопоставление нового понятия с имеющимся главным значением, второй связан с выводным результирующим значением, т.е. переносом. Ниже мы попытаемся представить более эффективный механизм оперирования метафорами, поскольку убеждены, что язык всегда стремится к экономии.

Еще один интересующий нас ракурс рассмотрения метафоры заключается в попытке поиска ответа на вопрос относительно сохранения образности в процессе длительного использования метафор. Этот вопрос продолжает стоять в повестке дня у исследователей метафор. Ниже предлагается рассмотреть метафору как ключ, «отмыкающий» смыслы образов, поскольку она помогает осваивать и развивать образное мышление, лежащее в основе любого вида деятельности.

Характерная для метафоры образность и вариативность интерпретации обусловлена важными прагматическими функциями, связанными необходимостью найти символ, допускающий возможность обозначения определенного смыслового содержания, еще не имеющего в данном языке подходящей формы своего обозначения. Некоторые из этих соответствий порождаются воплощенным опытом человека, формируется образными схемами, затрагивая эмоциональную сферу человека. На этой основе человек создает новые личностные смыслы, передающие, в том числе, его субъективное отношение к миру.

Всегда ли за метафорой стоят образы?

Ресурс метафоры, как известно, состоит в сдвиге в классификации объекта, когда объект включается в тот класс, которому он не принадлежит. Соответственно, при кодировании и декодировании метафоры используются образы, которые, будучи сформированы относительно одного класса объектов, применяются к другому классу или конкретному представителю другого класса объектов.

Исследователи в области метафористики зачастую настаивают на различии между образом и метафорой. Они считают, что образ не допускает категориальной ошибки, а метафора возникает только в условиях нарушения категориальных границ. Но метафора и образность – это существенно разные феномены, имеющие, соответственно, языковую и психическую

природу. Поэтому целесообразно поставить вопрос иначе: за каждой ли метафорой стоит образ или система образов? Ряд исследователей считает, что за тривиальными частотными метафорами образности нет.

Но приглядимся пристальнее к так называемым стертým метафорам. В полном соответствии с традиционным подходом один из образов как бы «ослабевает» или стирается совсем. Если два образа накладываются друг на друга, то какой же из них ослабевает или исчезает? Исчезновение образности касается, скорее, мишени, чем источника.

Мы полагаем, что частотность употребления метафоры может привести к некоторому ослаблению стилистико-прагматической силы метафоры и ее образного потенциала, но не приводит к полному исчезновению образности. В противном случае метафора бы немедленно покинула категорию «фигуры речи» или «тропа». Так, при употреблении метафоры «змея» для характеристики злобного поведения женщины в структуре значения появляется новая сема «лицо женского пола». Если бы остальные семы, соответствующие признакам рептилии, утратились при появлении семы лица, то новое значение не приобрело бы прагматического эффекта и образности. Следовательно, прежние семы не утрачиваются, а только ослабевают в своей интенсивности и перемещаются в рамках структуры значения на второй план. Два плана в структуре значения соотносятся в нашем сознании благодаря признаку *принесение вреда посредством хитрости и коварства*, принадлежащему обоим планам (значениям *змея* и *женщина*).

По нашему мнению, за считающейся стертой метафорой «Какая змея!», обращенной к человеку, стоит обобщенный образ змеи. Он может быть не четким, размытым, может быть даже абрисом, но тем не менее сохраняться. Дело в том, что одним из краеугольных свойств языка является его экономность и стремление к эффективности. В этой связи образ – это самый быстрый способ декодирования и понимания метафоры.

Н. Д. Арутюнова указывает на отсутствие образности у «идентифицирующего» типа метафор, например, *глазное яблоко*, *ушная раковина* и т. п. [Арутюнова 1999]. Некоторые лингвисты идут еще дальше, полагая, что даже поэтическая метафора не всегда образна и может не вызывать никакого чувственного представления (например, метафора *свинцовые мысли*). Они полагают, что для возможности образного представления необходимо, чтобы слова вызывали сами по себе чувственные представления, что встречается в метафоре далеко не всегда. Эти рассуждения и легли в основу понятия, известного в лингвистике как «стертая» или «мертвая» метафора.

Наше возражение против отсутствия образности у метафор типа «глазное яблоко», «ушная раковина», «лобовое стекло» и т. п. сводится к следующему: доминантные признаки, задействованные в метафоре, например, полисеманта «яблоко» включают: *объект круглой формы, может иметь сердцевину внутри*. Эти семантические компоненты в явном виде не содержатся в первом значении, но выводятся из него и лежат в ос-

нове метафорических переосмыслений. У этой метафоры право образа на существование определяется хотя бы тем, что это объект и его можно представить. Данный образ может быть максимально стерт, обобщен, но он вполне может сопровождать актуализацию соответствующей метафоры. Представление и воображение – это всегда более быстрый и эффективный способ «помысливания» объекта, в отличие от его языковой интерпретации.

Другое дело, если метафоричны не номинанты объектов, а глаголы, прилагательные, отглагольные существительные. Последние чрезвычайно популярны в русском языке, например, *возмущать – возмущение* (моря), *раскрепощать – раскрепощение* (в результате медитации), *раздражать – раздражение* (приводить в состояние досады, озлобленного возбуждения) и т. п. Это частотные метафоры в составе полисемантов, не номинирующие объекты. Нужно напрячь воображение, чтобы в контекстно несвязанном виде за ним закрепились какие-либо образы.

Известный исследователь метафор И. Н. Горелов справедливо отказывает в образности выражениям типа *выросли цены, в обстановке полной свободы, в ряду других политиков* и пр., утверждая, что «мы ведь ни доли секунды не представляем себе ни толстой свободы среди мебели, ни политиков, выстроившихся в ряд, ни буквально падающих и буквально растущих цен» [Горелов 1997]. Но и здесь можно что-либо утверждать лишь с оговоркой: если у индивида возникает представление во время актуализации подобных метафор, то ему никто не вправе отказывать в этом.

Однако, мы не на стороне И. Н. Горелова в споре с У. Чейфом. Последний утверждает, что при осмыслении идиомы *red herring* (ложный след) сознание полностью не свободно от представлений о рыбе красного цвета. Аргументы И. Н. Горелова сводятся к тому, что, согласно проведенного им эксперимента, положение У. Чейфа верно только для детских, а не для зрелых способов восприятия речи [Горелов 1997: 40]. И действительно, случаи синестезии, берущие начало из детства, могут сохраняться и в сознании взрослых людей. Язык зафиксировал довольно много цветовых синестетических метафор, типа *green old age (happy)*, *yellow silence*, белая/черная зависть и пр. У людей, восприимчивых к синестезии, цветными могут быть буквы, цифры, конкретные объекты и абстрактные сущности.

Таким образом, шансы получить образный отклик у выражения типа *red herring* есть, так как чем предметнее, конкретнее метафора, тем ярче и нагляднее образ, заключенный в слове. И наоборот, чем абстрактнее выражение, тем схематичнее и мимолетнее стоящий за выражением образ. Но однозначно утверждать, что его не может быть мы не можем, поскольку образность, как и любое другое психическое явление, не полностью под контролем разума. Образ или представление – это в значительной степени субъективные явления. В этой связи приведем справедливое высказывание Ш. Балли: «если носитель языка видит в выражении образ, то его действительно следует рассматривать как образное» [Балли 1961: 224].

В этой связи довольно актуальна еще одна дискуссия. Так, Д. Дэвидсон придерживается мнения о том, что метафора со временем теряет свою образность, т. е. употребленная в первый раз метафора может быть довольно образной, но со временем происходит изменение референции и, употребленная в миллионный раз, она лишается образности. Лингвист утверждает, что стертая языковая метафора *he burned up* (он вспыхнул) не означает в точности то же самое, что когда-то означала живая метафора [Davidson, 1990]. Сейчас это выражение обозначает только то, что человек был очень рассержен. И. К. Архипов справедливо возражает: «Во-первых, опираясь на “состояние дел” в мире, более “живую” картинку (но уже довольно мрачного свойства) можно вообразить только как сжигание соответствующего тела. Во-вторых, о какой точности смысла метафоры можно говорить вообще? Они создаются не для этой цели. В-третьих, не пытаясь отстоять идею яркости соответствующих образов, можно, однако, отметить, что как бы “стерта” ни была эта метафора, она остается ею, потому что в ней “сохраняется отнесенность к классу” предмета». Если пытаться утверждать, как это делает Д. Дэвидсон, что эта фраза просто означает «он рассердился», тогда это случай катахрезы – вкладывания новых смыслов в старые слова. Тогда глагол *burn up* следует включить в понятийное поле «*anger*». «Однако никто не спешит это сделать, потому что составители словарей и носители языка понимают, что замены значений в подобных случаях нет» [Архипов 2001: 39].

И, действительно, признание метафоры «стершейся» привело бы к распаду полисемии глагола *burn up*, поскольку в выражении *he burned up* данный глагол перестал бы ассоциироваться с главным значением полисеманта *burn* «горение как физический процесс». Поэтому в данной дискуссии, несмотря на непререкаемый авторитет в области метафористики, какой, без сомнения, имеется у Д. Дэвидсона, мы на стороне яркого представителя семантико-когнитивной школы Санкт-Петербурга, профессора РГПУ им. А. И. Герцена И. К. Архипова.

Суммируя вышесказанное, отметим, что, говоря о переносных метафорических значениях, особенно если это дериваты в предметной сфере, следует отметить, что образность может не исчезнуть никогда. Во-первых, это чувствуют большинство составителей словарей, помещая переносное значение в одну статью с первым значением. Во-вторых, весь смысл функционирования переносного значения заключается в постоянном фоновом присутствии представления об исходном предмете, так как цель «игры» со слушателем или читателем, и особенно в случае с поэтическими произведениями, при использовании переносных значений состоит именно в демонстрации того, как далеко и для чего автор переноса ушел от «первоисточника». Действительно, если бы образ исходного предмета стирался полностью, то каждое переносное значение являлось бы омонимом и находилось бы за пределами многозначности.

Данное предназначение метафор указывают на необходимость выделения образных, концептуальных и креативных, экспрессивно и эмотивно-оценочных, научных и обиходно-сниженных, терминологических и других типов метафор. Представленная далее типология метафорических значений основана на критериях их семантической сложности, образности, креативности, задействования разных типов интеллекта, т.е. речь идет о степени трудности их декодирования и общего восприятия.

Градация метафор в зависимости от уровня вовлечения интеллекта

Ниже мы представим метафоры, ранжированные по принципу их общего восприятия – от когнитивно и семантически простых к сложным. Мы выделяем, по крайней мере, четыре типа метафор в зависимости их креативности. Данная классификация обусловлена спецификой их интерпретации в разных типах дискурса: художественном, бытийном, поэтическом, научно-публицистическом, бытовом или обиходно-разговорном, просторечном и т. п. Наши иллюстрирующие примеры будут касаться художественного дискурса.

1. Первый класс метафор – это **конвенциональные** или **условные метафоры**. Они настолько привычны, что мы их редко замечаем. Конвенциональные метафоры употребляются без особых когнитивных усилий и настолько распространены, что кажутся естественными и самоочевидными описаниями повседневной жизни. Они, как правило, не характеризуются наличием образности и креативности.

Данный вид метафор в полной мере относится к обыденным и мертвым. Например, в коротком английском предложении «I see your point» имеются сразу две метафоры, которые мы не воспринимаем как фигуры речи. Во-первых, глагол to see употреблен в переносном смысле согласно модели – «Понимать значит видеть», т. е. уподобление мысленной способности чувственной. Это довольно продуктивный метафорический механизм. Во-вторых, point – это тоже метафора, и тоже довольно стертая (от point of view). Сюда же относятся метафоры, типа, to fall into ranks, give tone to sth, display bravery, impose an embargo, fly into a rage, reckless abandon, ill deeds, придавать тон чему-л., проявлять храбрость, вводить эмбарго, впасть в ярость, злые дела и т. д.

Данные метафоры основываются на объективном опыте реального физического и социального взаимодействия носителей языка с окружающим миром и мотивирована им. Так, метафора «цены растут» является антропоморфной. При ее осмыслении произошло олицетворение цены и живого существа, способного к росту.

Из типологии, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff & Johnson 1980], в представленный нами первый класс метафор могут войти наиболее простые и очевидные ориентационные метафоры, типа I am feeling up/down, I am top shape, I have come down with the flu и т. п. Кстати, ориентационные метафоры можно пополнить механизмом important is

good, unimportant – bad. Например, всем метафорам с компонентом *head* свойственен признак *important*. Иначе говоря, если мы именуем часть объекта как *head*, будь то его верхняя часть или начало, это всегда будет его важная часть. Например, у метафоры *head of a table* «head» – это любое место за столом, которое хозяева считают самым важным: это может быть, как торец стола, так и его центр.

Кстати, представляемая здесь классификация метафор не является жесткой. В силу большой субъективности восприятия имеется большое число пограничных случаев. К ним относятся, например, и упомянутый субстантив *a head*, так же как и его русскоязычный коррелят, так как метафоры с этим элементом могут оставаться образными, несмотря на их частотность.

При декодировании конвенциональных метафор задействован **кристаллизованный** тип интеллекта, предполагающий рассуждения (обычно вербальные), основанные на предшествующих знаниях и на способности выводить вторичные реляционные абстракции, применяя ранее постигнутые первичные абстракции.

В отличие от кристаллизованного типа интеллекта, гибкий интеллект (также подвижный или текучий) включает рассуждения (часто невербальные) о новых проблемах. Гибкий интеллект способен «продуцировать» знания, отличные от имеющихся, решать новые задачи мышления и связан с таким рядом усвоенных важнейших навыков, как понимание, толкование и обучаемость [Cattell 1971]. В понимании следующего вида метафорических переосмыслений, названных нами «базовые интуитивные метафоры», задействованы обе данные формы интеллекта.

2. Второй класс метафор – это **базовые интуитивные метафоры**, которые, в той же степени, что и первые, автоматичны и воспринимаются инстинктивно, но не лишены образности. Приведем пример английских базовых интуитивных метафор: *coat/knee/sleeve of a pipe*, *nose of a ship*, *head of a mountain/river/bay*, *branch of a company*, *chain of events/ circumstances*, etc. Именно вокруг этих метафор идут многолетние споры о частичном сохранении или полной потере образности (см. примеры выше). И мы здесь на стороне частичного сохранения образности, поскольку иначе они перестали бы ассоциироваться как переносы и покинули бы свою полисемантную структуру.

По сравнению с английским метафоризация в русском языке имеет не столь масштабного характера. Так, в английском полисеманте *head* обнаружено более ста метафорических значений. В русскоязычном аналоге, даже включая дериват «головка» содержится только порядка 15–20 метафорических переносов. В русском отсутствуют такие соответствия, как *head of a mountain/river/bay/stick/valley/water* и др. Тем не менее, в русском языке, где превалируют словообразовательные модели и законы прямой номинации, простых для понимания интуитивных метафорических переносов довольно много.

Во вторую группу базовых интуитивных метафор входят также синестетические метафоры, типа *green envy, humid green, pale sound, bitter tone, low sound, bright sound*, сладостные звуки, холодный/теплый свет, легкий скрип, тяжелый гул и т. д. Данные тропы, хотя и носят лингвокультурный характер, воспринимаются обычно без особых затруднений и когнитивного диссонанса для индивидов с воображением. Например, очевидно, что объятия или иная физическая близость создают ощущение тепла, поэтому довольно частотны синестетические метафоры, основанные на уровне тактильности: *a warm/cold friendship or handshake* (теплая/ холодная дружба или рукопожатие).

Примерно с четырех лет и дети демонстрируют некоторую способность метафорически переносить значения из одной модальности в другую [Marks & Stevens 1966]. В этой связи метафора все чаще рассматривается как ранняя когнитивная функция, которая напрямую влияет на языковое развитие. Что касается синестезии, то цветовые синестетические метафоры также «родом из детства».

В данный класс метафор входят и многочисленные антропоморфные метафоры. Они, как правило, также не сложны для понимания. Антропоморфизм служит зонтичным термином для феноменов анимизма (олицетворение), аниматизма (олицетворение с наделением неодушевленных предметов или животных эмоциями и способностями человека). Приведем примеры таких метафор:

a devouring prairie;
Notre 'Dame squats in the dusk;
Mother Nature blushes before disrobing, etc.

Как показывают наши исследования [Pesina et al 2021], вектор антропоморфности двунаправлен: он может иметь центробежно-номинативный характер, ориентированный на номинацию окружающих предметов, явлений, живых существ по образу и подобию строения и функционирования тела человека и центростремительно-номинативный характер, ориентированный на обратный процесс (номинацию личностных свойств характера человека, его внешнего вида и т. п. на основе внешнего вида и качественных характеристик окружающих человека объектов и явлений).

В целом, мы пользуемся базовыми интуитивными метафорами так часто, что даже не замечаем, что это переосмысления. В процессе их декодирования так же, как и в предыдущей группе метафор, задействован кристаллизованный тип интеллекта, основанный на сформированной картине мира и имеющемся опыте восприятия действительности.

3. К третьему классу метафорических значений относятся (**развернутые**) **ассоциативные нетривиальные метафоры**, которые, в отличие от интуитивных, требуют активации произвольного внимания, т. к. предполагают значительное расстояние между доменами источников и мише-

ней. Они свежи и зачастую воспринимаются как потрясение узнавания, поскольку содержат парадокс как поиск сходств у несходных объектов. В силу высокой плотности заложенной информации для расшифровки развернутых ассоциативных нетривиальных метафор индивиду требуется несколько взаимосвязанных когнитивных процессов. В качестве примера приведем не вполне развернутые метафоры, но тропы, которым трудно отказать в свежести: «голуби на травяном увы» или «которое есть некое вскорее».

При создании более развернутых нетривиальных метафор могут использоваться несколько или, как минимум, два изначально плохо коррелируемых между собой домена, из которых в дальнейшем конструируется единый домен. Если возникающий при восприятии ассоциативных нетривиальных метафор когнитивный диссонанс или задержка декодирования информации является критической, то понимания не происходит.

К этому классу метафор относятся свежие структурные, онтологические и полимодальные (мультимодальные) метафоры, для понимания которых используются, как минимум два семиотических канала восприятия информации, например, вербальный и визуальный. У смешанных вербально-графических метафор также из двух и более доменов формируется одна идея. Это находит воплощение в метафорических мемах, различного рода свежей рекламной продукции, содержащей образные переосмысления и др. с той поправкой, что метафоры не должны быть тривиальными.

Полимодальная метафора нередко анализируется с опорой на теорию концептуальной интеграции, разработанной Ж. Фоконье и М. Тернером. Вместо двучленной схемы Лакоффа и Джонсона они опираются на систему из четырех базовых составляющих, в которой два концепта проецируют свои компоненты друг на друга, а не замещают один концепт другим как в теории концептуальной метафоры. Тем более, что полное замещение одного домена другим происходит довольно редко и через одно значение, как правило, «просвечивает» другое (эффект осциллирования или палимпсестности).

Интернет-коммуникация, продуцируемая средствами массовой информации, также зачастую метафорическая и поликодовая. Приведем пример поликодовой метафоры. Так, с одной стороны, нет особой проблемы увидев фото тигра, готовящегося к прыжку, прочитать следующую надпись: «Вот, как Ваша жена ждет Вас, когда Вы говорите, что придете через 10 минут, а приходите через 2 часа...». Мы наблюдаем антропоморфное, точнее аниматическое переосмысление, когда и качества животного переносятся на человека. Следовательно, можно данную метафору отнести ко второму типу интуитивной метафоры. Однако, здесь задействованы, как минимум два когнитивных процесса: восприятие с совмещением графической и языковой информацией. Исходя из этого критерия, подобный пример перекатегоризации чуть сложнее для восприятия и его можно отнести к данному третьему классу метафор.

При осмыслении подобных метафор используются оба вида интеллекта с превалированием гибкого интеллекта.

В целом, мы полагаем, что здесь есть поле для дискуссии, поскольку при мультимодальности можно утверждать, что графическое восприятие не мешает, а помогает понять языковое содержание. Кроме того, метафоры настолько разнообразны и укоренены в нашу жизнь, что провести между ними четкую демаркационную классификационную линию чрезвычайно сложно.

4. Четвертый класс метафор весьма близок предыдущему, но включает **сложные многоступенчатые метафоры с несколькими степенями понимания**. В таких переносах семантическая стрелка по очереди указывает на семантическое движение как на происходящий в воображении многоуровневый (двойной, тройной и т. д.) акт соединения и распространения многократно переосмысленной информации. Этот тип метафор может охватывать все литературное произведение целиком – стихотворение или прозу (ср. диафору Ф. Уилрайта или эземпластическое С. Т. Кольриджа, означающее совмещение максимально различных деталей в единую новую перспективу). При этом семантическая информация может быть упакована в целый ряд метафорических образов, взаимодействующих друг с другом самым непривычным образом. Речь идет об образовании новых комплексов последовательным сплавлением трудно соизмеримых необычных впечатлений.

Чтобы понять вложенные метафоры требуется критическое мышление, высокий уровень культуры, хорошая рабочая связка гибкого и кристаллизованного интеллекта. Требуется системное и обобщающее мышление, так как индивид должен видеть за словесным лесом обобщающую идею и обладать способностью продуцировать идеи.

Иллюстрация сложных многоступенчатых метафор с несколькими степенями понимания на примере художественного дискурса

Проиллюстрируем использование сложной креативной метафоры, функционирующей в художественном дискурсе. Речь идет о так называемой вложенной метафоре, принадлежащей четвертой группе. Так, в романе Франца Кафки «Процесс» [Кафка 1989] через чувства и мысли персонажа, материализованные в произнесенной и внутренней репрезентированной речи, просматривается обобщающая вложенная метафора. Это образ государства-монстра, в лапы которого может попасть любой самый рядовой безобидный обыватель. Чудовище методично пожирает человека, втягивая его в унизительные оправдания и вытравливая в нем все человеческое.

В рамках параллельного аллегорического понимания этого же произведения может возникать и другая метафора, когда чудовищем является грозная обвинительная машина правосудия, безжалостно перемалывающая душу человека. Многоступенчатой метафорой с множественными степенями понимания может быть непрекращающийся кошмарный сон, пробуж-

дение от которого невозможно, а единственным избавлением служит только смерть.

Вложенная метафора постоянно обогащается красками обреченности и безвыходности, схожей с узкой колеей, из которой не выбраться. Это дорога, по которой обреченно идут жертвы всегда в одном направлении.

Еще одна возникающая ассоциация связана со сходом какого-либо объекта на орбиту и вращением на ней до тех пор, пока объект не начинает приближаться к испепеляющему центру. Приближение объекта, в роли которого выступает главный герой произведения Кафки, к центру вращения также неизбежно. Центр представляется в виде черной дыры, где человек, прошедший точку невозврата, готов к тому, чтобы быть растянутым, разорванным и поглощенным навсегда. Так метафорически иносказательно Кафка гениально предсказал появление фашизма.

Возможные траектории достижения запрограммированного конца отличаются для главных героев произведений Ф. Кафки только степенью кошмара и его нюансами. Так, в романе «Америка» роковые друзья главного героя преследуют его, как в ночном кошмаре, и настигают везде и всегда. При этом сама система как бы уничтожает другие возможные варианты развития событий, т. е. другие истории, оставляя лишь одну неизбежную. С одной стороны, мы являемся свидетелями феномена множественности историй, но с другой стороны, система, в которую волей случая попадает главный герой, сама задает ему граничные условия.

Интересно, что применительно к развитию вселенной в рамках астрофизики феномен множественности историй был открыт в 1960-х годах известным физиком, одним из создателей квантовой электродинамики Нобелевским лауреатом Р. Фейнманом. При этом, сам человек, а не система, может задавать себе фатальные граничные условия. А человек может двигаться в рамках заданной траектории. Позднее, эта гипотеза получила уточнение в том плане, что граничные условия могут быть вообще не заданы. В этой связи гениальность Ф. Кафки заключается в постановке правильных вопросов, на которые человечеству только предстоит ответить.

В рамках данных произведений вложенные многоступенчатые метафоры олицетворенного ужаса постоянно присутствует на заднем фоновом плане языкового сознания. Они навязывают многоступенчатость восприятия, в том числе образного, диктуют множественность когнитивных переходов. Такие метафоры конструируют модус восприятия, как бы тонируя все происходящее. При этом читатель должен быть интеллектуально, морально-этически и культурно готов к конструированию подобных ассоциативных связей.

Вложенные многоступенчатые метафоры являются серьезной интеллектуальной нагрузкой на общее восприятие, внимание и память. Это эффективный способ уловить и содержательно определить объекты высокой степени сложности, а именно многоуровневые абстракции. Проблема заключается в том, что зачастую подобные сложные метафоры с множе-

ственными степенями понимания остаются для познающего сознания непонятыми. При их невосприимчивости складывается ситуация, когда не могут быть понятыми целые пласты культурно кодированного и этически маркированного текста, воплощенного, например, в образном или эзоповом языке.

Речь идет не только о носителях так называемой наивной картины мира или среднестатистических носителях языка, но и о тех, кто, как упоминалось выше, привык, главным образом, к клиповому общению и тем самым лишен тонкой ментальной настройки, развивающий гибкий интеллект и обогащающий кристаллизованный.

Для того, чтобы понимать и успешно декодировать метафоры третьей и четвертой группы необходимы навык и опыт извлечения подтекстовой и интертекстовой информации. Нужно уметь видеть преимущество метафорически закодированного способа передачи знания перед неметафорической прямой номинацией. Все это способствует развитию нейропластичности мозга, наработки устойчивых нейронных связей по типу того, как мы регулярно накачиваем мышцы в спортзале с той разницей, что речь идет о мыслительном айкидо.

Интересно, что на сегодняшний день имеются довольно противоречивые сведения относительно того, как уровень развития кристаллизованного и гибкого интеллекта влияет на обработку метафор. Так, Л. Трик и А. Кац [Trick & Katz 1986] обнаружили отсутствие корреляции между оценками людей в тесте рассуждений по аналогии и степенью понимания сложных метафор. Как показали их исследования, ни измерение уровня словарного запаса (кристаллизованный интеллект), ни способность словесно-аналогического рассуждения не способствовало предсказанию в плане понимания метафор (гибкий интеллект).

Напротив, исследования [Chiappe & Chiappe 2007] свидетельствуют, что как подвижный, так и кристаллизованный виды интеллекта влияют на обработку метафор. Так их реципиенты, набравшие высокие баллы в тесте на рабочую память, по показателям словарного запаса и знакомства с печатным текстом (кристаллизованный интеллект), быстрее генерировали более качественные интерпретации метафор.

Другая группа исследователей в тот же период времени продемонстрировала, что хорошая рабочая память, как и хороший уровень тормозящего контроля, определяют правильную обработку и толкование метафор [Askerman, Veier & Boyle 2005]. Данные исполнительные функции связаны с нейропластичностью мозга и отражают способность возбуждающих и тормозных нейронов (excitatory and inhibitory neurons) создавать необходимые сигнальные контуры. Данное умение тесно связанными с работой гибкого интеллекта.

В целом, как мы полагаем, в настоящее время не хватает стыка когнитивной лингвистики, лингвистической прагматики, нейролингвистики, психолингвистики, философии языка и методики преподавания языка для

постановки и решения амбициозной задачи по кардинальной перефокусировки и бустингу речемышлительных процессов людей всех возрастов. Нужны апробированные достоверные методики, которые смогут постоянно развивать образность и силу мышления. На нейролингвистическом уровне речь идет о развитии нейропластичности мозга и формировании соответствующих устойчивых нейронных контуров.

Декодирование базовых интуитивных метафор на основе инвариантной семантики

Следуя логике нашего исследования, заключительным аспектом в рамках данной монографии является поиск ответа на поставленные вопросы относительно эффективной помощи в успешном декодировании и понимании метафорических переносов, что способствует развитию как кристаллизованного, так и гибкого видов интеллекта.

В рамках инвариантной семантики мы постараемся найти ключ к декодированию базовых ассоциативных интуитивных метафор. Вместо двух когнитивных процессов, предполагающих отсылку к первому номинативно-непроизводному значению, которое в эксплицитном виде может не содержать семантических компонентов переноса, и, собственно, к выводному результирующему пониманию, мы предложим более эффективный способ декодирования метафор. Для этого необходима сфокусированность на формировании навыков видения того общего, что объединяет контекстуальные реализации переносных значений в структурах многозначных слов.

Нами предложена гипотеза декодирования базовых интуитивных метафор с целью опоры на то общее, что объединяет контекстуальные реализации переносных значений одного и того же слова. Для этого мы используем понятие «лексический инвариант», который понимаем как абстрактную языковую сущность, кластер доминантных семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе всех или ряда значений полисеманта в соответствии с интуицией среднего носителя языка.

В процессе декодирования метафоры как части речевого контекста, лексический инвариант может облегчить и ускорить понимание метафоры. Идея состоит в принятии граничного условия, предполагающего, что в контекстной метафоре реализуется один из доминантных семантических компонентов лексического инварианта. Иными словами, в контексте лексический инвариант воплощается в одном из своих комбинаторных вариантов [Solonchak, Pesina 2015a; в].

Проиллюстрируем сказанное на примере антропоморфной метафоры, принадлежащей в рамках нашей градации ко второму классу интуитивных базовых метафор. Антропоморфный подход, как известно, предполагает использование языка в тесной связи с бытием человека, когда именно индивид становится центром языковой и концептуальной картин мира и мерилом духовных и материальных ценностей. Как центр мироздания, человек воспринимает все окружающее сквозь призму своего существования. При этом жизненно важные аспекты нашего существования и взаимодей-

ствия с окружающей средой проецируются на человеческий организм (на его строение и функционирование). Описание и функционирование человеческого тела нашло отражение и в абстрактных метафорических понятиях, зачастую трудных для осмысления. Структура и состав многозначных слов, относящихся к лексико-семантическому полю «Тело человека», культурно обусловлен и различается в зависимости от языка. Поскольку, как упоминалось выше, английский язык более продуктивен в плане образных переносов, возьмем в качестве иллюстрации сказанного англоязычное слово, например, a leg (нога) анализ большого числа полисемантов этого поля) (см. в [Песина 2020]).

Итак, представим эмпирический инвариантно-компонентный анализ этого многозначного английского слова. Все метафорические значения можно разделить на пять кластеров. В каждом из кластеров конфигурация семантических компонентов несколько отлична. В результате анализа 16 значений полисеманта *leg* выявлены следующие группы метафор (курсивом выделены доминантные базовые компоненты, которые легли в основу переноса):

1) *part of an object, long, straight, acts as a support* (длинная и прямая часть, выступающая в качестве опоры), например:

– leg of a triangle – сторона треугольника, отличная от основания или гипотенузы;

– leg of a divider – ножка циркуля;

– leg of a compass – стрелка компаса;

2) *part of an object, long, straight, branching off from the main object* (длинная и прямая часть, отходящая от основного объекта), например:

– leg of a road (a way radiating from an intersection) – ответвление дороги, идущее от перекрестка;

– leg of antenna (a branch or lateral circuit connecting a communication instrument with the main line – боковая ветвь антенны, соединяющая средство связи с основной линией);

– leg of a cricket field – часть поля для игры в крикет слева и позади игрока;

3) *part of an object, long, straight, lower, acts as a support support* (нижняя длинная и прямая часть, выступающая в качестве опоры), например:

– leg of a plant – the part of a plant stem between the base and the point from which branches arrive ножка растения - часть стебля растения между основанием и точкой, от которой отходят ветви;

– leg of a table/chair/bed (the part of furniture that rests on the floor and helps to support its weight) – ножка стола / стула / кровати;

4) *a distinct portion or a stage between two stops or positions, long, straight* (длинный и прямой путь или этап между двумя остановками), например:

– leg of a long journey/flight (one of the distinct portions or stages of any course or journey) – одна из отдельных частей или этапов путешествия;

5) *part of a game, or series of games* (часть спортивной игры, гонки или серии игр), *например*:

– leg of a football game/ a dart match/ races etc. – a part of a game, a part of a race, or a game of a pair or series of games – этап футбольного матча, игры в дартс, гонок и т. д. или серия игр.

Содержание следующего значения носит максимально абстрактный характер: something resembling or suggesting a leg in use, position or appearance [ACD] (что-то напоминающее ногу человека по положению или внешнему виду); something resembling a support branch of a forked or joined object [NDWEL] (что-то похожее на опорный штырь разветвленного объекта). Данное метафорическое значение предполагает широкий круг референтов, подходящих под понятие об опоре или длинном ответвлении от чего-либо. Это значение свидетельствует о том, что со временем по мере использования метафор у индивида формируется некоторый обобщающий конструкт, который увеличивает эффективность его мышления. Этот конструкт является обобщением всех метафорических значений и формируются на основе актуализаций всех переносных значений в смысловой структуре высказывания, открывая «карт-бланш» для номинации любого предмета или явления, имеющего какое-либо сходство с номинативно-непроизводным значением. Парадокс состоит в том, что это сходство выражено не признаками главного значения, а компонентами лексического инварианта.

Следующий этап анализа предполагает собственно формулировку лексического инварианта. Он предполагает семантическую редукцию на основе устранения многообразных оттенков индивидуальных контекстных значений и выделение доминирующих метафорообразующих семантических признаков у имеющихся в структуре полисеманта значений. После компонентной редукции в составе доминантных базовых сохраняется «сама направленность» сознания на полученный конструкт, соответствующий обобщенной семантике английского многозначного субстантива a leg: *a long straight, often lower and branching off part of an object which acts as a support or part of a game or a distinct portion or a stage between two stops or positions* (длинная прямая, часто нижняя и ответвляющаяся часть объекта, которая действует как опора или отдельная часть или ступень между двумя остановками или положениями).

Данный лексический инвариант включает наиболее значимые интегральные и дифференциальные семантические компоненты и формируется на уровне системы языка посредством многочисленных контекстуальных реализаций значений (в частности, метафорических). Он противопоставлен термину «вариант», который функционирует на речевом уровне как контекстная реализация инварианта. Это противопоставление встроено в дихотомию язык – речь [Kostina, Zerkina & Pesina 2015; Pesina et al. 2021].

Полученный лексический инвариант как квинтэссенция плана содержания всей лексемы и результат проявления воплощенного сознания, решает еще один важный вопрос, связанный с семантическим тождеством многозначного слова. Данный конструкт отвечает на вопрос о том, что именно скрепляет все значения слова, не давая ему распасться на омонимы. Существование внеконтекстного инвариантного значения, имеющего общий характер, который формируется на основе функционирования слова на уровне языковой системы противопоставлен речевым контекстными реализациями отдельных значений [Solonchak, Pesina 2015б].

То есть, последний ближе к метафорам, чем главное значение. Использование лексического инварианта позволяет избежать фазы сравнения и напрямую декодировать метафору через доминантные ядерные признаки инварианта. Поскольку язык обладает свойством экономии, функционирование подобного содержательного ядра, охватывающего вместе с главным значением всю семантику слова, эффективно и оправдано. Полученный лексический инвариант как пучок ядерных доминантных компонентов способен напрямую декодировать метафорические переносы, минуя первое номинативно-непроизводное значение.

Лексический инвариант выводится из внутреннего «интуитивного созерцания» с использованием соответствующих врожденных и характерных только для человека алгоритмов мозга, передавая суть и очерчивая границы смысловой структуры слова. На лингвистическом уровне мы имеем дело с пучком или кластером семантических компонентов, а на психолингвистическом уровне имеем модель функционирования слов в лексиконе. Причем такая инвариантная модель предположительно имеет врожденный характер, поскольку иллюстрирует базовую способность человека к обобщениям (наряду со способностями к ассоциациям, категоризациям и концептуализации).

Русскоязычное эквивалентное многозначное слово «нога» не богато метафорами и имеет меньшую антропоморфную силу, чем английское. Речь фактически идет только о метафоре, типа «ножка мебели». Данный полисемант богат фразеологизмами, как и его английский эквивалент, в которых реализуются компоненты главного значения: *вверх ногами (в опрокинутом положении)*, *на широкую (барскую) ногу (жить-богато, не стесняясь в средствах)*, *на короткой (дружеской) ноге (в близких, дружеских отношениях)*, *ни в зуб ногой (не понимать что-либо)* и т. п.

Метафоры, входящие в состав русскоязычного многозначного слова, в той же степени антропоморфичны, т. е. объекты, которые они номинируют, призваны функционировать по образу и подобию того, как функционирует тело человека и как оно устроено. Поэтому приведенные метафоры и представленные фразеологизмы также относятся ко второму классу базовых интуитивных метафор. Носитель языка воспринимает их инстинктивно и автоматически, поскольку знает как устроена и «работает» его тело.

Заключение

Итак, метафора – это не просто поэтический или риторический прием, а мощное средство изменения опыта человека и его системы восприятия. В метафоре мы видим преломление обыденного мира, вскрывающего и схватывающего самую суть объекта или явления. Обеспечивая целостность контекстов, метафора служит ведущим звеном и наиболее частотным механизмом переноса, являя собой богатство структуры полисеманта и обеспечивая целостность его семантического контекста. Метафора, как мощное орудие персонификации окружающего мира, минимизирует разницу между субъектом и объектом. Без метафоры не существовало бы лексики, характеризующей абстрактные понятия.

Представленная выше градация метафор свидетельствуют об уровнях понимания человеком того мира условностей, который он сам создает. Она отражает нюансы трактовки преломленной действительности и онтологическую связь между особенностями субъективного восприятия окружающего мира и самим миром.

Имеющий место диссонанс в декодировании метафор связан с тем, что в привычной категориальной системе человека при предъявлении метафоры или полисеманта в незнакомом контексте нарушается система знаний. Преодоление дискомфорта путем расшифровки закодированной информации с использованием лексических инвариантов приведет к более структурированному мышлению и в дальнейшем позволит адаптировать получаемые знания к смоделированной семантической структуре. Так, изучающих иностранный язык следует познакомить с соответствующими лексическими инвариантами, лежащими в основе структур многозначных слов, тогда не будет необходимости заучивать десятки отдельных значений.

Преломленный мир может наделяться теми же физиологическими и духовными свойствами, что и сам человек в силу потребности в создании собственного комфортного психологического пространства и объяснения законов и механизмов функционирования зачастую враждебной окружающей среды. Человек в соответствии с антропным мировидением приспособливает свою среду обитания под себя, задействуя, по всей видимости, врожденные механизмы метафорической категоризации действительности.

Этот преломленный мир отражается и воплощается в формируемой в процессе использования слова ядерной информации о семантике этого слова, т. е. в том, что мы называем лексическим инвариантом. Последний функционирует на фоновом уровне, предоставляя эффективный быстрый доступ к семантике метафоры, скрепляет структуру полисеманта, не давая ему распасться на омонимы. Лексический инвариант предполагает обращение напрямую к доминантным ядерным признакам слова, которые лежат в основе метафор, познаются интуитивно и совершенно необходимы для успешного декодирования скрытых смыслов.

При актуализации лексического *инварианта* происходит экономия когнитивных усилий, поскольку отсутствует необходимость осуществлять

семиозис непосредственно от первого номинативно-непроизводного значения. Он позволяет уходить от двухуровневого декодирования метафоры. Лексические инварианты позволяют напрямую обращаться к доминантным признакам, лежащим в основе метафоры.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

Список источников

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999.
2. Архипов, И. К. Когнитивный и логический анализ в лексикографической практике / И. К. Архипов // Человеческий фактор в языке: учебно-методическое пособие (материалы к спецкурсу). – Санкт-Петербург: Невский институт языка и культуры, 2001. – С. 39–57.
3. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва: Прогресс, 1961.
4. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – Москва: Новое лит. обозрение, 1996.
5. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики: учебное пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Москва: Лабиринт, 1997.
6. Кафка, Ф. Избранное: сборник: перевод с немецкого / сост. Е. Кацевой; предисл. Д. Затонского. – Москва: Радуга, 1989.
7. Песина, С. А. Полисемия в когнитивном аспекте: монография / С. А. Песина. – 2-е издание, переработанное. – Москва: ФЛИНТА, 2020. – 227 с.
8. Песина, С.А. Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода / С. А. Песина, О. Л. Зимарева, Т. Ю. Баклыкова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 34-38.
9. Ackerman, P. L. Working memory and intelligence: The same or different constructs? / P. L. Ackerman, M. E. Beier, M. O. Boyle // Psychological Bulletin. – 2005. – 131. – 30–60. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.1.30>
10. Cattell, R. B. Abilities: Their Structure, Growth, and Action / R. B. Cattell. – Boston, MA: Houghton Mifflin, 1971.
11. Chiappe, D. L. The role of working memory in metaphor production and comprehension / D. L. Chiappe, P. Chiappe // Journal of Memory and Language. – 2007. – 56. – 172–188. <https://doi.org/10.1016/j.jml.2006.11.006>
12. Davidson, D. What metaphors mean / D. Davidson // The Philosophy of Language. – NY. Oxford. Oxford University Press, 1990. – P. 430–441.
13. Kostina, N. Abbreviational Worldview as Part of Linguistic Worldview / N. Kostina, N. Zerkina, S. Pesina // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 192. – 24. – P. 703–709.

14. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
15. Lakoff, G. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999.
16. Marks, L. E. *Individual brightness functions* / L. E. Marks, J. C. Stevens // *Perception and Psychophysics*. – 1966. – 1. – P. 17–24.
17. Pesina, S. A. *Representation of polysemous words in lexicon* / S. A. Pesina, L. G. Yusupova, N. V. Kozhushkova [et al.] // *Applied Linguistics Research Journal*. – 2021. – V. 5. – № 2. – P. 131–136. DOI: 10.14744/alrj.2021.93276
18. Pesina, S. A. *Functioning of metaphor through the prism of invariant theory in polysemy* / S. A. Pesina, L. G. Yusupova, S. A. Vinogradova // *Applied Linguistics Research Journal*. – 2021. – V. 4. – № 5. – P. 247–252.
19. Solonchak, T. (a) *Cognitive Properties of Images and Metaphors* / T. Solonchak, S. Pesina // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. – 192. – 24. – P. 650–655.
20. Solonchak, T. (б) *Language Ability and Word Functioning* / T. Solonchak, S. Pesina // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. Vol. – 192. – 24. – P. 447–452.
21. Solonchak, T. (в) *Lexicon Core and Its Functioning Metaphors* / T. Solonchak, S. Pesina // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. 192. – 24. – P. 481–485.
22. Trick, L. *The domain interaction approach to metaphor processing: Relating individual differences and metaphor characteristics* / L. Trick, A. Katz // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1986. – 1. – 185–213. https://doi.org/10.1207/s15327868ms0103_3
23. ACD – *American College Dictionary*. New York. Random house, 1951.
24. NWDEL – *New Webster's Dictionary of English Language*. College ed. 4th repr. Dehli: Surgeet Publications, 1989.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОММУНИКАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА

Фомин А. Г., Тивьяева И. В.

В работе используется тандем лингвистического и семиотического подходов к изучению языка как возможность рассматривать языковые единицы в качестве естественных этнокультурных элементов, раскрывающих взаимообусловленные системные и структурные характеристики. Представлена коммуникативная концепция языка, основанная на идеях ученых относительно связи лингвосемиотических процессов с мыслительными операциями, происходящими в сфере сознания, описаны существенные характеристики семантического кодирования и декодирования. В качестве вывода постулируется, что автор не только формирует сам текст, но и направляет читателя в интерпретации текста, в поиске его смысла.

Ключевые слова: интерпретация смысла, коммуникативная концепция языка, лингвосемиотический подходы, семантическое кодирование и декодирование.

INTERPRETATION OF MEANING THROUGH THE PRISM OF THE COMMUNICATIVE CONCEPT OF LANGUAGE

Fomin A. G., Tivjaeva I. V.

The paper uses a tandem of linguistic and semiotic approaches to language learning as an opportunity to consider linguistic units as natural ethno-cultural elements that reveal mutually dependent systemic and structural characteristics. A communicative concept of language is presented, based on the ideas of scientists regarding the connection of linguosemiotic processes with mental operations occurring in the sphere of consciousness, and the essential characteristics of semantic encoding and decoding are described. As a conclusion, it is postulated that the author not only forms the text itself, but also guides the reader in interpreting the text, in searching for its meaning.

Keywords: interpretation of meaning, communicative concept of language, linguistic and semiotic approaches, semantic encoding and decoding.

Введение

Понимание языка как особой системы знаков, отражающей фундаментальные принципы функционирования человеческого общества, находится в поле интересов лингвосемиотики. Именно лингвосемиотика обладает методологической и инструментальной базой, позволяющей изучать язык как антропоцентрический феномен в целом, так и каждый отдельный язык в частности. Тандем лингвистического и семиотического подходов к изучению языка дает возможность рассматривать языковые единицы в качестве естественных этнокультурных элементов,

раскрывающих взаимообусловленные системные и структурные характеристики. Исследование системы и структуры языковых единиц играет важную роль в понимании языка как совокупности взаимодействующих и взаимосвязанных языковых единиц. Лингвосемиотические процессы тесно связаны с мыслительными операциями, происходящими в области сознания.

Целью данного раздела является выявить особенности когнитивно-коммуникативной функции языка в лингвосемиотической переработке смысла при взаимодействии языка и мышления.

Диалектика языка и сознания в философии и логике

Некоторые философы полагали, что все происходящее в сознании можно свести к двум большим категориям – убеждения (вера) и стремления (желание), другие утверждали, что необходимо признать еще одну отдельную категорию – намерения (интенцию) [Bratman 1987, 1999]. Джон Сёрль утверждал, что убеждения имеют направление от сознания к миру. Они должны соответствовать миру, и если есть несоответствие, то это ложные убеждения [Searle 1983]. Стремления, напротив, направлены от мира к сознанию. Они (с точки зрения агента) должны заставить мир соответствовать им. Если мир не соответствует разуму, то это потому, что стремление не породило соответствующих изменений в мире [Brandom 1994; Voghossian 2018]. Эти понятия широко обсуждались в философской литературе [Field 1977; Loar 1981; McGinn 1982; Block 1986; Papineau 1987; Dretske 1988; Fodor 1990; Botterill & Carruthers 1999; Millikan 2005].

Коммуникативная концепция языка получила широкое распространение в работах таких деятелей, как Джон Локк (1690) [Локк 2022], Бертран Расселл (1921) [Расселл 2000], Пол Грайс [1957; 1969] и Дэвид Льюис [1969]. Говорили о ней и представители когнитивной науки, рассматривая язык как изолируемый и в значительной степени изолированный модуль разума, который имеет врожденную структуру и применяется для интерпретации и построения предложений, например, Джерри Фодор [1978, 1983 и 1987], Ноам Хомский [1988], Виллем Левелт [1989] и Стивен Пинкер [2016].

С другой стороны, если мы признаем, что естественный язык участвует в сознательном мышлении, тогда сам язык является основным средством такого мышления, что делает большинство мыслей лингвистическими. Питер Карратерс называет это когнитивной концепцией языка, поскольку она отводит естественному языку центральное место в познании [Carruthers 2015: 11]. Таким образом, язык имеет внутриличностную когнитивную функцию, а также его очевидное межличностное использование.

Когда говорящий произносит предложение, с этой точки зрения, его высказывание выражает мысль, составляя ее, а не кодируя или сигнализируя о ней. Слушатели, являющиеся компетентными пользователями того же языка, поймут высказывание на основании того,

что оно выражает те же (или весьма схожие) идеи, что и их собственные. О когнитивной концепции языка говорили такие ученые, как Л. Витгенштейн [1921, 1953], Л. С. Выготский [1934], Б. Уорф [1956], Д. Деннет [1991]. Чаще всего это связывали с радикальным эмпиризмом, согласно которому множество человеческих понятий и способов мышления, да и вообще многое из самой структуры человеческого разума, приобретается ребенком, когда он усваивает родной язык и его концептуальные ресурсы в речи.

Благодаря нейропсихологическим и другим исследованиям ученые все больше убеждаются в том, что разум является более или менее модульной структурой, построенной из изолируемых и в значительной степени изолированных компонентов [Fodor 1983; Shallice 1988]. Структура и содержание разума по существу являются врожденными признаками [Фодор 1981, 1983 и Кэри 1987], и естественный язык является одним из таких изолированных и в значительной степени врожденных модулей [Фодор 1983 и Хомский 1988].

С точки зрения когнитивной концепции язык и разум не следует рассматривать как культурные конструкции, социально обусловленные либо культурно относительные.

Если мысль независима от языка, то философия языка не может претендовать на то основополагающее положение в философии в целом, которое она занимала на протяжении большей части XX века. Напротив, философия разума должна быть более узкой, философия мысли – более фундаментальной. Из этого также следует, что изучение когнитивных механизмов, связанных с приобретением и использованием естественного языка, должно занимать в психологии не более важное место, чем изучение любых других умственных способностей, таких как зрение или память. С другой стороны, если мышление требует или включает в себя естественный язык, то многие философские вопросы могут быть лучше всего выражены в лингвистических терминах, и из этого следует, что психологи, занимающиеся изучением естественного языка, изучают один из основных механизмов человеческого познания. По мнению Фодора, язык является лишь входным и выходным модулем центрального познания, а не вовлечен в основные процессы мышления и рассуждения [Фодор 1978 и 1983]. Эти процессы не являются предложениями какого-либо естественного языка, а скорее врожденная, универсальная символическая система, которую Фодор называет «ментальной». С одной стороны, речь идет о лучшем объяснении природы мысли, а с другой – о лучшем описании характера и семантики естественного языка. Если какой-то вариант коммуникативной концепции языка верен, то должна быть возможность применить семантику для описания естественного языка в терминах предшествующих понятий – мысли и намерения.

В области семантики до сих пор нет единого мнения о независимости мышления и языка. Вопросы о соотношении языка и мышления неожиданно переплетаются с вопросами о природе

человеческого сознания. Именно сознательная мысль связана с естественным языком. Каррутерс также обсуждает теорию мышления высшего порядка, которую он называет «теорией рефлексивного мышления» [Carruthers 2015: 24]. Эта теория операционализирована в виде архитектуры человеческого познания, которая связывает сознательное мышление с разработкой предложений на естественном языке. Теория рефлексивного мышления также имеет в качестве одного из своих наиболее противоречивых последствий то, что мысли и переживания большинства животных и (вероятно) младенцев являются бессознательными.

Тезис заключается в том, что многие человеческие мысли-символы (особенно сознательные мысли человека, выраженные в виде внутреннего языка) состоят из предложений естественного языка. Поэтому, по крайней мере, некоторые символические мысли (особенно сознательно вербализованные мысли) по существу включают в себя естественный язык. Это подтверждает когнитивную концепцию языка.

Учитывая, что мысли являются реальными внутренними состояниями агента, которые взаимодействуют друг с другом, чтобы воспроизвести дальнейшие мысли и поведение, естественно возникает вопрос, как эти мысли переносятся и какими механизмами они определяются.

Один из ответов на этот вопрос заключается в том, что мысли состоят исключительно из ментальных (в основном визуальных) образов и что мысли взаимодействуют посредством ассоциаций (в основном изученных) между этими образами. Эта точка зрения очень часто встречается на протяжении всей истории философии, особенно среди эмпириков [Локк 2022, Нуме 2003 и Рассел 2000]. Те, кто придерживается такой точки зрения, поддержат коммуникативную концепцию языка. Они будут утверждать, что мысль независима от языка на том основании, что обладание и манипулирование ментальными образами ни в какой мере не должны включать или предполагать естественный язык.

Это утверждение основано на том, что все мышление заключается в манипуляции ментальными образами, и что мысли наследуют свои семантические свойства от репрезентативных сил образов, которые их составляют. Возможно, все сознательное мышление предполагает воображение, и ментальные образы так или иначе вовлечены во все сознательные мысли.

Сам образ не подкреплён предварительными знаниями и поэтому ограничен внешним восприятием мыслителя. Визуальный мысленный образ – что и как будет выглядеть; слуховой мысленный образ – представить себе звук; и т. д. Это порождает непосредственную проблему для теории образного мышления, так как многие из человеческих слов и понятий не имеют вида. Например, такие временные понятия, как «завтра», «вчера», «год»; понятия для абстрактных свойств, таких как «инфляция»

(денег), «простое число»; и числовые термины. Ни в одном из этих случаев не существует ментального образа, который хотя бы отдаленно подходит для выражения того, что имеется в виду.

Кроме того, есть много понятий, которые имеют вид, но не представляют чего-то конкретного в силу их внешнего вида. Например, концепция автобусной остановки. Автобусные остановки, конечно, имеют характерный внешний вид (хотя и разный в разных частях страны, не говоря уже о разных частях земного шара). Но если взять знак автобусной остановки и установить его в саду как украшение, это не превратит сад в автобусную остановку. Автобусная остановка – это место, где должны останавливаться автобусы. Как это выразить в образе?

Кажется очевидным, что ни одно изображение или последовательность изображений не могут сами по себе нести в себе содержание даже простой мысли, такой как «вся трава зеленая», не говоря уже о таком сложном предположении, как «жизнь может быть обнаружена на Марсе в ближайшие десять или двенадцать лет». Тем не менее, можно утверждать, что ничто не может помешать кому-то использовать образы в качестве знаков для выражения своих мыслей. Однако тогда не будет репрезентативного содержания образа как такового, определяющего содержание мысли. Конечно, кто-то может использовать изображения объектов с определенными условиями применения, что-то вроде иероглифического или идеографического письма. Но тогда это подтвердит утверждение, что мысль включает в себя естественный язык, поскольку такой образный язык, по-видимому, будет отражать правила и условности разговорного естественного языка.

Существует еще один аргумент против воображения. Это аргумент Витгенштейна, что в большинстве случаев в нормальной осмысленной речи нельзя «отделить» высказывание, чтобы оставить процесс значения открытым и неповрежденным. Даже если иногда возникают личные мысли и образы, иллюстрирующие то, что мы подразумеваем под высказыванием, это вовсе не существенно [Витгенштейн 1953, раздел 332].

Как же тогда мысли порождаются в сознании, если не ментальными образами? С точки зрения реалистов, пропозициональное отношение убеждений, желаний, и предпочтений производит поведение в отношении их семантического содержания. Вера в то, что скоро пойдет дождь, сочетается с желанием остаться сухим не случайно, но таким образом, чтобы произвести намерение найти какое-то укрытие. Но как могут пропозициональные установки обладать причинными силами, отражающими их связь с миром, а также их логическими отношениями друг с другом, отличными от их смыслового содержания? Здесь действительно возникают три различные, но тесно взаимосвязанные проблемы, требующие решения.

Во-первых, пропозициональные отношения носят систематический характер и имеют содержание, связанное друг с другом, таким образом, что

любой человек, способный верить (или мыслить) в то или иное содержание, должен быть способен верить и в ряд тесно связанных между собой содержаний. Любой, кто способен поверить, что «Екатерина любит Николая», должен также быть способен на мысль, что «Николай любит Екатерину».

Во-вторых, пропозициональность продуктивна в том смысле, что любой, кто способен мыслить вообще, должен быть способен извлекать неограниченное количество мыслей. Если человек может думать, что «у Екатерины есть мать», то он также может думать, что «у матери Екатерины есть мать», и так далее (при учете, конечно, ограничений памяти и другого когнитивного пространства). Нет конца новым мыслям, которые мыслители должны быть способны извлекать.

В-третьих, пропозициональные отношения каузально взаимодействуют друг с другом в отношении их семантического содержания. Убеждения и желания взаимодействуют, чтобы вызвать намерения, а убеждения взаимодействуют с другими убеждениями, чтобы генерировать новые убеждения, способами, которые тесно реагируют на содержание этих состояний, с помощью переходов, которые, как правило, являются рациональными.

Наиболее вероятным решением этих трех проблем является признание (как предлагал Фодор и другие ученые) что убеждения – это не образы, а отношения и внутренние установки [Field 1977; Davies 2010]. Предложения имеют содержание, и это содержание систематически определяется содержанием и правилами сочетания составляющих их слов. Если человек понимает слова и знает правила синтаксиса, он должен быть в состоянии понять новые словосочетания, с которыми он раньше не сталкивался. По этой же причине предложения продуктивны благодаря рекурсивности синтаксических правил. Если убеждения и желания состоят из предложений или структур, подобных предложениям, закодированным в разуме определенным образом, тогда не будет никаких трудностей в объяснении причинности убеждения и желания. И если предположить, кроме того, что разум устроен так, чтобы производить вычисления над этими предложениями с учетом их синтаксиса, то каузальные роли предложений будут учитывать их семантические свойства. Семантика – это, отчасти, отражение синтаксиса. Тогда становится понятным, как убеждения и желания могут играть причинные роли, зависящие от их семантического содержания. Предложения – это абстрактные сущности, относительно которых можно принять одну из двух противоположных метафизических точек зрения.

Платонистская позиция относительно абстрактных сущностей состоит в том, что они объективны, существуют обязательно и независимо от человеческого разума. Но тогда очень трудно понять, как человеческий ум или мозг может быть связан с предложением. Каково было бы отношение к обязательно существующему абстрактному объекту?

Альтернативная конструктивистская позиция в отношении абстрактных сущностей состоит в том, что они существуют в зависимости от разума. В любом случае, отношение к абстрактной сущности наиболее правдоподобно рассматривается как опосредованное.

Может показаться, что, принять сентенциализм уже достаточно, чтобы установить, что мысль, по крайней мере, в нас, по существу, включает в себя какой-то естественный язык. Но это предположение, хотя и простое, было бы слишком быстрым. Как убедительно доказывает Фодор [1978], предложения могут принадлежать не естественному языку, а врожденному, универсальному языку мысли, который он называет ментальным. Этот язык будет состоять из врожденного лексикона, или словаря, и врожденного набора комбинаторных правил для производства завершенных предложений, общих для всех людей и, возможно, для всех существ.

Иногда, конечно, мысли могут состоять из комбинации предложений и мысленных образов. Таким образом, когда человек рассуждает о какой-то практической проблеме, его может заинтересовать смешанная мысль: «Если я поставлю этот стул на стол вот так (вставить изображение), то, взобравшись на него, я смогу дотянуться вот так (вставить изображение)» [Фодор 1978: 49].

Более того, иногда осознанные мысли могут состоять только из образов объектов (а не из образов, используемых в качестве условных символов). Мысли композиторов иногда могут состоять исключительно из слуховых образов, так как они манипулируют образами мелодий и аккордов, пробуя различные возможности, пока не наткнутся на то, что их удовлетворяет. Мысли инженера или человека, пытающегося упаковать набор чемоданов в багажное отделение автомобиля, могут состоять из визуальных образов расположения предметов.

Становится очевидным, что некоторые виды мышления не производятся на языке. Существует много пропозициональных мыслей, содержание которых невозможно выразить образно. Некоторые из них могут быть относительно простыми. Поэтому, где бы такая мысль ни была обозначена в предложении, возможно, по крайней мере, заключить, что мысль такого типа не может быть представлена только в образе. То же самое можно сказать и в отношении мыслей, содержание которых не выходит за рамки того, что может быть проявлено, когда можно было бы подумать, что есть веские основания для того, чтобы их содержание было мыслимым в форме образа.

Содержание мысли, вероятно, будет индивидуализировано, отчасти с точки зрения ее функциональной или концептуальной роли. Одна мысль будет отличаться от другой при условии, что обе они вступают в различные модели умозаключений или взаимодействуют с другими мыслями различными способами, даже если эти мысли в противном случае разделяют одни и те же условия истины. Применение этого условия

предполагает, что образное и мыслительное (выражается ли оно на естественном языке или на ментальном) всегда различно.

Важно, однако, отметить, что для некоторых целей содержание мысли может быть индивидуализировано исключительно предметом или условиями истины, а не концептуальной или функциональной ролью. Если индивидуализировать их содержание таким образом, то возникает вопрос, какие типы мышления (если таковые имеются) включают естественный язык, или мысли о каких видах предмета включают язык? Круг тем, о которых мы можем думать только образно, весьма ограничен. Используя визуальные образы, мы, вероятно, не можем думать ни о чем, кроме пространственного распределения и расположения воспринимаемых объектов.

Многие из таких мыслей выражаются исключительно в естественном языке. Когда кто-то продумывает текст письма, в его сознании это представляет собой последовательность предложений из внутреннего диалога. Мысли состоят из комбинаций предложений на естественном языке и мысленных образов. Например, по дороге домой человек, возможно, размышляет о том, как переставить мебель в своем кабинете, и думает про себя: «я поставлю туда стол», где есть визуальный образ конкретного места у окна. Даже в тех редких случаях, когда единственным интроспективным средством мышления является ментальный образ, кажется, что почти всегда существует имплицитное сентенциальное встраивание, наделяющее образ определенным содержанием.

Некоторые люди сообщают, что их мысли возникают у них в виде образов различных слышимых голосов, как будто с ними разговаривают несколько разных людей или как будто они слышат себя [Hurlburt 1990 и 1993]. Например, однажды Карратерс спросил своего сына, как он думает. Он ответил: «Я думаю по-английски». На вопрос, откуда он это знает, он ответил: «я слышу свои мысли».

Именно образы предложений на естественном языке являются первичными проводниками осознанных мыслей, мы думаем и рассуждаем, прежде всего, манипулируя такими образами. Так, вероятно, что люди вообще не могли бы мыслить сознательно, если бы у них не было воображения, изучение природы ментальных образов будет гораздо менее полезным в исследовании природы мышления, чем изучение природы естественного языка. Не образ, как таковой, несет в себе содержание мысли, а то, что образно, т. е. естественно-языковое предложение.

Так, согласно интроспекции мышление включает предложения естественного языка. Предложения следуют друг за другом плавно, как часть одной и той же непрерывной цепочки мыслей, предполагающей семантическое декодирование при восприятии информации.

Сущностные характеристики семантического кодирования и декодирования

Язык – это явление исключительно социальное. Он существует в обществе и обуславливает его функционирование и само миропонимание. По словам философа Мартина Хайдеггера, мир по большей части, возможно понимать двумя способами: в терминах «вещей» и «способов их существования». Следуя этой логике «то, что существует в мире, важнее самого сущностного определения мира» [Gelven 1982: 315]. В русле языка это означает, что «именно язык и то, что говорится является средством понимания сущности существования» [Там же]. Язык обладает высокой резистентностью к любому виду формализованного научного анализа. Невозможно осуществить объективный и непредвзятый анализ мира как объекта научного исследования, так как исследователь непосредственно сам является частью этого мира. Для Хайдеггера язык не представляет что-то, а осуществляет реальные действия в мире сущностного [Kolb 1984: 35]. По герменевтическому кругу анализ складывается из понимания целого текста через детали и деталей текстов через целое [Szondi 1978]. Понимание по Хайдеггеру – это динамический процесс, взаимодействие или диалог, который никогда не завершится. Понимание, однако, не является деятельностью, которую человек осуществляет, это не то, что делается, это часть существования, бытия и языка. В таком ключе понимание становится иррациональным, даже мистическим, где «истинное понимание мира является себя» [Eagleton 1983: 64], а «язык скорее показывает, чем говорит» [Gelven 1982: 319]. «Говорить» концентрируется на референтности языка; «показывать» концентрируется на идее языка как проявления. Любой анализ же фокусируется не на самовыражении языка, а на том, что говорится на языке.

Хайдеггер погружает нас в игру языков, отказывая в каком-либо чувстве внешней реальности, за которую мы можем цепляться, если мы не останемся за пределами этого текста, захваченного в нашей собственной иллюзии реальности вне игры языков [Сильверман 1980: 135].

Решающее значение в подобном способе мышления имеет то, что на передний план выдвигается не отдельный предмет, а взаимодействие, борьба, игра. Это, таким образом, децентрализовано, и реальность вплетается в языковую игру, где ни одна интерпретация не может быть определена как правильная или неправильная. Таким образом, проявляется фундаментальный контраст с традиционной эмпирической озабоченностью фиксированными, детерминированными, неизменными значениями текста [Hirsch 1967, 1976; Altieri 1978; Bloom 1979] и озабоченностью неопределенностью и изменением, динамикой значений текста. Для текстологического анализа это означает признание языка не просто средством индивидуализированного извлечения смысла, а тем, что Иглтон называет «непрерывным мерцанием, разливом и разрядкой смысла» [Иглтон 1983: 134].

Жак Деррида вслед за Хайдеггером бросает вызов приоритизации устойчивых значений и типа мышления. Деррида утверждает, что смысл лучше всего понимается с точки зрения отношений (игры) между известным и неизвестным, присутствием и отсутствием, стабильным и нестабильным. Однако он не предполагает, что нестабильность превалирует над стабильностью. Его аргумент заключается в том, что центр не является фиксированным. Поэтому единый, фиксированный смысл не может быть определен; он постоянно откладывается. [Derrida 1967, 1973]. Тексты поэтому требуют деконструкции. Тексты, которые были созданы как «глубоко опосредованные конструкции, не доступные для понимания, за исключением изучения истории или интертекстуального характера всего письма деконструированы» [Hartman 1979: 187]. Деконструкция – это мощное выражение, используемое для описания критической практики, которая отвергает традиционную идею, предполагающую, что литературные тексты являются «структурами определенного значения, доступными объективному критическому анализу» [Раваль 1986: 119]. На практике это означает, что нет такого понятия, как полный или определенный смысл, потому что полный смысл предполагает бесконечный поиск. Как поиск слова с помощью словаря может привести к бесконечным отсылкам к другим словам, которые необходимо отследить, что приводит к постоянной отсрочке момента, когда можно сказать, что был найден полный смысл этого слова. Деррида поднимает эти вопросы, проблематизируя статус текста, писателя и чтения, предполагая, что нет единого смысла, который принадлежит тексту, написанному автором, или который принадлежит автору. Нет писательской или текстовой «сущности» смысла, которая была бы зафиксирована и определена на все времена. Статус текста не может определяться его границами; где он начинается или заканчивается, например, на странице, или где начинаются или заканчиваются значения. Его позиция заключается в том, что ни один текст никогда не заканчивается; значения никогда не завершаются текстом (в конце страницы или книги), или определениями намерения писателя, фиксируя одно значение где-то в тексте. Таким образом, текст представляет собой сложную сеть незавершенных значений, «ткань следов, бесконечно отсылающих к чему-то, кроме себя» [Деррида 1979: 84]. Понятие «текст» уже не является легким и удобным, в котором читатели распознают смысловые границы и окончания. Как следствие, чтение становится гораздо более динамичным, но неопределенным. Торжество жизни и языка в тексте проявляется не просто в необходимости прочитать и проанализировать текст ради него самого, но позволяет осознать неспособность определить смысл. Это отсылает к понятию интертекстуальности и признанию того, что «один текст читает другой» [Деррида 1979: 107], что каждый текст, каждое значение, какими бы полными они ни казались, «фактически всегда является фрагментом» [de Man 1979b: 41].

Для текстуального анализа это значит, что не существует такой конечной точки, в которой возможно было бы утверждать, что некто нашел смысл или достиг окончательного толкования. При этом, конечно, существуют границы текста, и они устанавливаются не самим текстом или автором, а институциональными практиками, которые определяют, что представляет собой смысл; что составляет, например, литературу. Деконструкция, для Деррида, не просто подразумевает извлечение смыслов, связанных с конкретными литературными или философскими текстами, она включает в себя деконструкцию самих философий. Такой подход ставит под сомнение привилегированный статус писателя [Барт 1975, 1977; Фуко 1975; Рикер 1971; Риффатерр 1973] и проблематизирует статус текстов [Барт 1975, 1981] и дискурса [Фуко 1971, 1972].

Поль де Ман указывает, что существует литературный канон, и каноническое чтение, которые являются фиксированными и неизменными [de Man 1984: 83–92]. Однако Гарольд Блум отмечает, что на практике нет текстов, только интерпретации [Bloom 1979: 7] – позиция, которая привела Джеффри Хартмана к утверждению, что критик, читая литературный текст, становится создателем текста [Hartman 1979].

Возражения Эмпсона были направлены на то, что текст и его язык должны стать прозрачными для его референтов, чтобы установить как непоколебимую истину литературную ценность текста, или, как утверждает А. А. Ричардс, установить отдельный эмоциональный язык, определяющий литературную ценность. Литература, таким образом, определялась как особый, уникальный процесс познания, т. к. эта точка зрения утверждает, что литература из-за своих форм, таких как парадокс и ирония, сдвигает нормальное восприятие от своего обычного повседневного значения в новое, уникальное восприятие. Для Эмпсона это фактически означало, что «доктринальное и политическое искажение» текстов закрыло многие варианты смысла, чтобы служить «благочестивым ортодоксальным верованиям» критиков, таких как Ливис, Ричардс и, в частности, Т. С. Элиот [Norris 1985: 38].

Ф. У. Бейтсон, обвиняя Элиота, среди прочего, в «критическом варварстве» путем неправильного прочтения литературы, рекомендует уделять больше внимания изучению истории литературы, поскольку «это дезинфицирует чувствительность» [Bateson 1972: 102]. Эмпсон верил в то, что интуиция занимает почетное место в его критической практике, но его интуиция была основана на открытости ума, глубоком недоверии к христианству и своего рода морализации, которую некоторые критики разыгрывали в своих работах. Его анализ прочно укоренился в том, что можно было бы назвать методистской традицией (в смысле как приверженности методу анализа, так и несоответствия), которая рассматривала язык более или менее в том же свете, что и рационалистические грамматики восемнадцатого века.

Лео Шпитцер писал в 1948 году: «лучший документ души нации – это ее литература, и поскольку последняя есть не что иное, как язык, записанный избранными ораторами, можем ли мы надеяться постичь дух нации на языке ее выдающихся литературных произведений?» [Spitzer 1948: 10].

Шпитцер отстаивал позицию, противоречащую большей части позитивистской критики «вневременной, безмолвной филологии старой школы», которая доминировала в университетских литературоведческих исследованиях. Он считал, что «критики должны обрабатывать текст синхронно, двигаясь от поверхности текста к своей внутренней жизни и затем, по прибытию в центр учитывать творческий принцип, который может присутствовать в душе художника» [Там же]. Как только это будет сделано, критик совершит обратный путь к поверхности текста. Этот процесс он назвал «филологическим кругом». Однако формальной схемы в этом нет; не может быть, потому что первый шаг уже сделан, как утверждает Шпитцер, читателем, «пораженным детализацией, за которой следует убеждение, что эта деталь связана с произведением искусства» [Там же: 27]. Это означает, что анализ начинается с интуитивного наблюдения, которое, в свою очередь, ставит вопрос о текстовом значении, требующем ответа. Но, как указывает Шпитцер, нет способа гарантировать «ни впечатление, ни убежденность, только что описанные: они являются результатом таланта, опыта и веры». Лео Шпитцер утверждал, что структуралистская лингвистика должна быть перевернута с ног на голову, отдавая приоритет институционально определенному дискурсу [Spitzer 1949].

Если бы дискурс был в центре внимания внутренней лингвистики, то пришлось бы переориентировать весь структуралистский аппарат, который отстаивает «традиционную, произвольную, неиконическую связь между звуком и смыслом» [Gray 1977: 235], и толерантность, проявляемая такими людьми, как Эмпсон, к альтернативным чтениям, была бы гораздо более распространенной. Шпитцеровский анализ начинается с интуиции, вдохновения о тексте, как правило, на основании некоторых мелких деталей. Это позволяет аналитикам формировать связь с текстом. Шпитцер говорит об этом как о «щелчке», и когда этот щелчок происходит, он сигнализирует, что деталь и целое нашли общий знаменатель. Таким образом, аргумент состоит в том, что для каждого текста критику необходимо отдельное вдохновение, чтобы «войти» в текст и найти там то, что «предназначено для открытия». В этом отношении такой подход является классически традиционным, утверждая, что существуют «секреты / сокровища» текста, которые необходимо раскрыть. «Формулирование наблюдений посредством слов не означает, что художественная красота испаряется напрасно; напротив, она способствует расширению и углублению эстетического вкуса. Любовь, будь то любовь к Богу, любовь к ближним или любовь к искусству, может только выиграть от усилий

человеческого интеллекта, по поискам самых возвышенных эмоций и сформулировать их. Только легкомысленная любовь не может выдержать интеллектуального определения; великая любовь процветает с пониманием» [Spitzer 1949: 30].

По мнению Шпитцера анализ литературных текстов лингвистическими средствами – это не жестокое обращение с произведением искусства, а достойное интеллектуальное исследование, которое рассматривает текст как ряд ключей к пониманию значения вне языка; за пределами того, что означают слова текста.

Ричардс полагал, что литературная критика является фактически разделом бихевиористской психологии, и, как следствие, его интересовала не эстетика критики, которая не могла достичь эксплицитности, а психологически ориентированное близкое чтение, которое, возможно, могло бы. Поэтому для него анализ текста был, в соответствии с философией А. Дж. Айера, упражнением в оценке различных формальных сложностей текста, которые контролируют реакцию читателя [Ayer 1936]. Бихевиоризм утверждает «науку о наблюдаемом». На практике это означает, что он фактически исключает научное обсуждение того, что происходит «в уме», потому что это невозможно наблюдать. Для Ричардса это в основном означает, что критик должен сосредоточиться на том, что наблюдается в тексте: его выражение. Что еще более важно, возможно, эта точка зрения также фокусирует внимание на восприятии текста. Поведение читателя, пытающегося понять послание писателя, становится решающим и может привести к научному подходу, использующему субъективные ответы при анализе объективных стимулов. Поскольку эти стимулы и реакции наблюдаемы, они также могут быть использованы в качестве битов информации и, следовательно, являются частью бихевиористской теории предсказуемого вывода. Поэтому предсказуемость, согласно бихевиористской теории, «измерима». Когда бихевиористский подход зависит от наблюдаемого, то из этого следует, что если речь идет о языке, то важным становится выражение языка, а не интериоризированные отношения, скрытые где-то в виртуальном мире. Поэтому такой подход сосредотачивается на дискурсе. Однако природа реакции в бихевиористской теории, применяемой к анализу текста, определяется культурными, социальными и эмпирическими силами, различными для каждого индивида, а не отношениями структур в языке. Таким образом, анализ текста в этом направлении будет включать анализ закодированных стимулов, что, по сути, и происходит в анализе Ричардса.

Майкл Риффатерр предложил более последовательный и теоретически строгий подход, чем Ричардс. Он утверждал, что «литературный феномен – это диалектика между текстом и читателем» [Riffaterre 1978: 1]. Ранняя работа Риффатерра, по большей части, представляла собой реакцию против формализма лингвистов, таких как Роман Якобсон, который при анализе литературного текста был главным

образом заинтересован в том, что сделало словесное послание произведением искусства [Jakobson 1960: 350]. Развивая идеи как русских формалистов, так и Шарля Балли, Якобсон в основном занимался пониманием того, как лингвистически определяется та или иная функция языка. Для литературы, утверждал он, эта функция поэтична и сосредоточена на сообщении ради него самого [Jakobson 1960: 356].

Для этого Якобсон обратился к семиотике американского философа Чарльза Пирса, который разработал теорию означения по аналогии с Соссюром, в том, что она включала означающее и означаемое, но он добавил третий компонент – интерпретатора. Это вызвало сдвиг от замкнутого мира знака Соссюра, потому что интерпретатор сигнализирует, что знак на самом деле участвует в каком-то интерактивном процессе, что позволило Якобсону утверждать, что функции языка включают отношения между сообщением и контекстом, в котором происходит сообщение. В отличие от некоторых структуралистов, он был готов к ситуативно детерминированным значениям в анализе текста, потому что его интересовало, как язык функционирует в контексте. Это привело к акценту на множественных значениях, а не на отдельных значениях, поскольку значения изменяются по мере изменения функции сообщения в данном контексте. Якобсон применил эту теорию ко всем функциям языка, кроме поэтической. Для литературных сообщений он определил, что ситуация не влияет на смысл: задействованные языковые структуры автономны; сообщение понимается не с точки зрения контекста, а с точки зрения самого себя. Дело в том, что литературный текст всегда привлекает к себе внимание как поэтический. Смысл послания в литературе, следовательно, определяется не ситуацией, а поэтическим кодом на языке [Taylor 1980: 42–62]. Для Якобсона «сущность поэзии заключается именно в поэтическом преобразовании словесного материала и в соединении его фонетического и семантического аспектов» [Якобсон и Руди 1980: 97]. Это приводит к детальному анализу структур и шаблонов текста. Классическим примером этого является анализ Якобсона и Джонса [1970] шекспировского сонета 129. В этом анализе они определяют формальные, структурные, шаблоны того, как сонет функционирует поэтически, на основе фонемического / метрического, семантического и синтаксического уровней.

Структурные отношения смысла Романа Якобсона были теоретическими, обусловленными лингвистической перспективой, вытекающей из русского формализма, структурализма Соссюра и лингвистики Пражской школы. Примечательно, что Якобсон и Леви-Стросс опубликовали в антропологическом журнале свой анализ стихотворения Бодлера.

Клод Леви-Стросс был французским антропологом, чья работа оказала огромное влияние на мышление двадцатого века [Lévi-Strauss 1955, 1958, 1969]. Его главным образом интересовал анализ мифов и утверждение, что, хотя в мире существует бесчисленное множество мифов,

они упорядочены конечным числом универсальных структур. Каждый миф может быть понят в терминах этих структур, и анализ текста можно свести к единой формуле. Анализ любого текста для Леви-Стросса является исследованием мифов с целью построения грамматики универсальных структур. Эта грамматика, как и язык Соссюра, является идеальной системой стабильного, неизменного порядка. Как и у Соссюра, смысл, в конечном счете, следует понимать в идеализированном мире. Он находится в структурных отношениях, а не в индивидуальном рациональном сознании, то есть субъекте, или в беспорядочном, «шумном» мире дискурса. Это основано на классическом принципе Соссюра, который утверждает, что «наиболее точной характеристикой элементов системы – любой системы – является то, чем другие не являются» [Saussure 1959: 117]. Отношения между элементами – вот что важно. Например, чтобы понять оркестровую музыку, необходимо понять отношения между исполнителями, а не только игру одного музыканта в изоляции. Другими словами, Леви-Стросс моделировал мир так, как если бы он работал как структуралистская модель языка. Его мышление в этом направлении, особенно под влиянием Романа Jakobsona, имело далеко идущие последствия для анализа литературного текста, главным образом в развитии теории повествования.

Барт использовал идею бинарных оппозиций, чтобы переписать (реконструировать) письмо Расина, категоризируя отношения, такие как свет / тень, монолог / диалог, сила / слабость, чтобы создать мета-текст, который концептуализирует письмо.

В своих работах по широкому кругу дискурсов, мифологий (1957) и элементам семиологии (1965) Барт пытался понять дискурс через структуралистские принципы, то есть он смотрел на систему знаков и относился к ним так, как если бы они действовали как структуралистская модель языка. Рассматривая нарратив, он формулировал структурные категории, чтобы понять их отношения с другими категориями в тексте [Barthes 1975, 1977, 1981]. Барт считал, что критика не является, как утверждают некоторые ученые, более четкой и чувствительной формой чтения. Литература для Барта, как и для Эмпсона, состоит из множественности значений.

Большая часть первых трудов по структуралистской нарратологии была реакцией на работу Владимира Проппа, который проанализировал мотивы и функции корпуса русских народных сказок. Он пришел к выводу, что функции народной сказки, а не ее мотивы (как в традиционной фольклористике), должны быть основной единицей народной сказки [Пропп 2022]. При этом он, как и лингвисты-структуралисты, работал над тем, чтобы установить иерархию структур для рассказа, категории которой определяются повествованием и историческим взглядом на то, что традиционно означали сказки. Если часть текста (мотив или функция) изменяется, например, в традиционной сказке, то это фактически меняет

смысл целого. Это классический синхронный структурализм, нарративные тексты приобретают смысл из своих частей, которые определяются выбором по парадигматической и синтагматической осям выбора. Пропп выделил тридцать одну функцию как означающие структуры народной сказки. Эти функции распределены между семью сферами действия [Hawkes 1977: 69]. В зависимости от сказки персонаж может быть вовлечен в одну или несколько сфер действия или ни в одну из них. Независимо от того, какие персонажи задействованы, всегда есть семь сфер действия. Другими словами, они являются универсальными структурами повествования, поэтому нарративный анализ состоит из последовательного отображения функций с использованием этих семи сфер, что приводит к грамматике повествования.

Греймас разработал подробную грамматику, основанную на переупорядочении семи сфер действия Проппа. Он предложил грамматику, основанную на универсалистских категориях, таких как: субъект / объект, отправитель / получатель, помощник / противник. Греймас транспонировал категории Проппа в универсальные оппозиционные концепции, которые могут создать идеализированную (виртуальную) грамматику, применимую ко всем нарративам на всех языках. Поэтому анализ нарратива, согласно Греймасу, включает анализ текста в соответствии с этими концептуальными структурами: другими словами, структурами, ориентированными на смысл [Hawkes 1977: 94]. Но это делается не для того, чтобы создать грамматику повествования реального времени, а для того, чтобы создать грамматику повествования виртуального времени – литературный язык [Hawkes 1977: 95].

Цветан Тодоров полагал: «критика – это поиск истины, а не ее откровение – поиск сокровища, а не само сокровище, ибо сокровище может только отсутствовать. Таким образом, как только мы закончим это чтение, мы должны броситься на поиски смысла, зная, что этот смысл есть не что иное, как сам поиск» [Тодоров 1983: 353]. Это предполагает процесс чтения и перечитывания в поисках множественности смыслов.

Заключение

Таким образом, для адекватного кодирования и декодирования информации необходимо соблюдение определенных прагматически ориентированных правил построения текста. Семантика и прагматика текста неразрывно связаны, значение многих слов формируется в условиях определенной речевой ситуации. Поэтому при создании текста необходимо учитывать условия коммуникативного акта.

Текст обладает определенной прагматической установкой, так как в центре коммуникативного процесса находится автор и его читатель. В зависимости от типа и жанра произведения, а также задач в нем реализуемых, текст прагматически формируется. В процессе создания текста огромную роль играет авторская модальность (отношение автора к передаваемой информации). Автор не только формирует сам текст, но и

направляет читателя в интерпретации текста, в поиске его смысла. При этом и автор и интерпретатор оценивают информацию, заложенную в тексте, по определенным оценочным критериям, формирующим у них к информации, содержащейся в тексте положительное или отрицательное отношение.

При выявлении семантического компонента, следует учитывать не только автора текста, но и его интерпретатора, так как понимание одного и того же текста у его читателей может быть различным.

Кажется очевидным, что лингвистическая теория не имеет и не должна иметь какой-либо одной единственной цели. Существует бесчисленное множество задач, к которым может быть применена лингвистика, и хотя они могут быть ранжированы с точки зрения общности, практической полезности, выгоды и т. д., ни одна не выделяется как основная. И со временем планы и интересы лингвистов меняются, иногда довольно радикально; соответственно меняются цели, для которых они изобретают и развивают теории. Ни одна лингвистическая теория не может быть оптимальной для всех целей. В качестве интеллектуальных продуктов лингвистов, работающих с определенными целями, в частности с социокультурной средой, теории будут формироваться различными способами в соответствии с этими целями. Они будут оцениваться с точки зрения этих и других целей, к которым лингвисты могут пожелать применить их. Однако лингвосомиотический метод толкования текста, обладая достаточно широким инструментарием, позволяет выявить семантический компонент, синтаксическую составляющую и прагматический элемент основных лексических единиц.

Список источников

1. Барт, Р. Ролан Барт о Ролане Барте / Р. Барт. – Москва: Ад Маргинем, 2014. – 224 с.
2. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Межличностное общение: хрестоматия. – 2001. – С. 171–194.
3. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении / Д. Локк. – Москва: Азбука, 2022. – 864 с.
4. Пинкер, С. Язык как инстинкт / С. Пинкер. – Москва: URSS, 2016. – 455 с.
5. Пропп, В. Русский героический эпос / В. Пропп. – Москва: КоЛибри, 2022. – 800 с.
6. Рассел, Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел. – Москва: Терра, 2000. – 464 с.
7. Тодоров, Ц. Семиотика литературы / Ц. Тодоров // Семиотика: антология. – Москва, 1983. – С. 350–354.
8. Altieri, C. The Hermeneutics of Literary Indeterminacy: A Dissent from the New Orthodoxy / C. Altieri // *Literary Hermeneutics*. 10:1, 1978. – P. 71–99.

9. Ayer, A. J. *Language, truth and logic* / A. J. Ayer. – London: Victor Gollancz Ltd, 1936. – 254 p.
10. Barthes, R. *A Lover's Discourse: Fragments* / R. Barthes – New York: Hill and Wang, 1977. – 234 p.
11. Barthes, R. *An Introduction to the Structural Analysis of Narrative* / R. Barthes, L. Duisit // *New Literary History*. 6:2, 1975. – P. 237–272.
12. Barthes, R. *Camera Lucida: Reflections on Photography* / R. Barthes – New York: Farrar, Straus and Giroux, 1981. – 119 p.
13. Barthes, R. *The death of the author* / R. Barthes. – London: Southampton Solent University, 1977.
14. Bateson, G. *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology* / G. Bateson. – London: University of Chicago Press, 1972. – 565 p.
15. Block, N. *Advertisement for a semantics for psychology*. *Midwest Studies in Philosophy* 10 / N. Block. – 1986. – P. 615–678.
16. Bloom, H. *The breaking of form* / H. Bloom // *Deconstruction and Criticism*. Seabury Press, 1979. – 256 p.
17. Boghossian, P. A. *The normativity of content* / P. A. Boghossian // *Philosophical Issues*. 13:1, 2018. – P. 31–45.
18. Botterill, G. *The philosophy of psychology*. / G. Botterill, P. Carruthers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 295 p.
19. Brandom, R. *Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment*. / R. Brandom – Cambridge: Harvard University Press, 1994. – 717 p.
20. Bratman, M. *Faces of Intention: Selected Essays on Intention and Agency* / M. Bratman. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 298 p.
21. Bratman, M. *Intentions, Plans and Practical Reason* / M. Bratman. – Cambridge: Harvard University Press, 1987. – 200 p.
22. Carey, S. *Conceptual Change in Childhood* / S. Carey. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987. – 240 p.
23. Carruthers, P. *The centered mind: What the science of working memory shows us about the nature of human thought* / P. Carruthers. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 290 p.
24. Chomsky, N. *Language and problems of knowledge: The Managua Lectures* / N. Chomsky. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. – 216 p.
25. Davies, E. B. *Why Beliefs Matter: Reflections on the Nature of Science* / E. B. Davies. – Oxford: OUP, 2010. – 272 p.
26. Derrida, J. *Speech and Phenomena and Other Essays on Husserl's Theory of Signs* / J. Derrida. – Evanston: Northwestern University Press, 1973. – 166 p.
27. Dretske, F. *Explaining Behavior: Reasons in a World of Causes* / F. Dretske. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1988. – 182 p.
28. Eagleton, T. *Literary Theory: An Introduction* / T. Eagleton. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1983.

29. Field, H. Logic, Meaning and Conceptual Role / H. Field // *Journal of Philosophy*. 74:7, 1977. – P. 379–409.
30. Fodor, J. A. *Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind* / J. A. Fodor. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987. – 189 p.
31. Fodor, J. A. *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology* / J. A. Fodor. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983. – 145 p.
32. Fodor, J. A. *A Theory of Content and Other Essays* / J. A. Fodor. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1990. – 286 p.
33. Fodor, J. A. Propositional attitudes / J. A. Fodor // *The Monist*. 61:4, 1978. – P. 501–523.
34. Fodor, J. A. *Representations: philosophical essays on the foundations of cognitive science* / J. A. Fodor. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1981. – 356 p.
35. Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* / M. Foucault. – New York: Vintage Books Inc. 1995. – 333 p.
36. Foucault, M. Orders of discourse / M. Foucault // *Social Science Information*. 10:2, 1971. – P. 7–30.
37. Foucault, M. *The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language* / M. Foucault. – New York: Pantheon books. 1972. – 245 p.
38. Garrett, R. M. *Language, Thought, and Other Biological Categories: New Foundations for Realism* / R. M. Garrett. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1984. – 367 p.
39. Gelven, M. The literary and the true / M. Gelven // *Man and World*. 15:3, 1982. – P. 311–322.
40. Gray, B. The 'second principle' of language / B. Gray // *Language Sciences*. Bloomington, Ind. 45. 1977. – P. 26-28.
41. Grice, H. P. Utterer's Meaning and Intention / H. P. Grice // 78:2, 1969. – P. 147–77.
42. Grice, H. P. Meaning / H. P. Grice // *The Philosophical Review*. 66:3, 1957. – P. 377–388.
43. Hartman, G. *Deconstruction and Criticism* / G. Hartman. – Seabury Press, 1979. – 256 p.
44. Hawkes, T. *Structuralism and Semiotics* / T. Hawkes. – New York: Routledge, 1977. – 176 p.
45. Hirsch, E. D. *The Aims of Interpretation* / E. D. Hirsch. – Chicago: University of Chicago Press, 1978. – 183 p.
46. Hirsch, E. D. *Validity in Interpretation* / E. D. Hirsch. – New Haven: Yale University Press, 1967. – 304 p.
47. Hume, D. *A Treatise of Human Nature* / D. Hume. – Dover Publications, 2003. – 408 p.
48. Hurlburt, R. T. *Sampling inner experience in disturbed affect* / R. T. Hurlburt. – New York: Plenum Press, 1993. – 250 p.
49. Hurlburt, R. T. *Sampling normal and schizophrenic inner experience.* / R. T. Hurlburt. – New York: Plenum Press, 1990. – 306 p.

50. Jakobson, R. *Linguistics and Poetics* / R. Jakobson. – Cambridge: MIT Press, 1960.
51. Kolb, D. A. *Experiential learning: experience as the source of learning and development* / D. A. Kolb. – London: Pearson Education Limited, 2015. – 390 p.
52. Levelt, Willem J. M. *Review of Speaking: from intention to articulation* / J. M. Levelt Willem. – Cambridge: MIT Press, 1989. – 584 p.
53. Lévi-Strauss, C. *Structural anthropology* / C. Lévi-Strauss. – New York: Basic Books, Inc. 1958. – 410 p.
54. Lévi-Strauss, C. *The Elementary Structures of Kinship* / C. Lévi-Strauss. – Eyre & Spottiswoode, 1969. – 541 p.
55. Lévi-Strauss, C. *The Structural Study of Myth* / C. Lévi-Strauss // *The Journal of American Folklore*. 68:270, 1955. – P. 428–444.
56. Lewis, D. K. *Convention: a philosophical study* / D. K. Lewis. – Harvard University Press, 1969. – 228 p.
57. Loar, B. *Mind and Meaning* / B. Loar. – Cambridge University Press, 1981. – 284 p.
58. Man de P. *Autobiography as De-facement* / Man de P. // *Comparative Literature*. 94:5, 1979. – P. 919–930.
59. Man de P. *The Rhetoric of Romanticism* / Man de P. – Columbia University Press, 1984. – 327 p.
60. McGinn, C. *The Character of Mind* / C. McGinn. – Oxford University Press, 1982. – 192 p.
61. Millikan, R. G. *Language: A Biological Model* / R. G. Millikan. – Oxford: Clarendon Press, 2005. – 355 p.
62. Norris, Ch. *The contest of faculties: philosophy and theory after deconstruction* / Ch. Norris. – Methuen, 1985. – 247 p.
63. Papineau, D. *Reality and representation* / D. Papineau. – Blackwell, 1987. – 264 p.
64. Raval, S. *Philosophy and the Crisis of Contemporary Literary Theory* / S. Raval // *The Monist*. 69:1, 1986. – P. 119–132.
65. Riffaterre, M. *Semiotics of Poetry* / M. Riffaterre. – Indiana University Press, 1978. – 228 p.
66. Saussure, F. *de Course in general linguistics* / F. Saussure. – New York: Philosophical Library, 1959. – 240 p.
67. Searle, J. *Intentionality, an essay in the philosophy of mind* / J. Searle. – Cambridge University Press, 1983. – 278 p.
68. Shallice, T. *From neuropsychology to mental structure* / T. Shallice. – Cambridge University Press, 1988. – 480 p.
69. Silverman, H. J. *Merleau-Ponty and the interrogation of language* / H. J. Silverman // *Research in Phenomenology*. – 1980. 10 (1) – P. 122–141.
70. Spitzer, L. *A Method of Interpreting Literature* / L. Spitzer. – Smith College, 1949. – 149 p.
71. Spitzer, L. *Essays in Historical Semantics* / L. Spitzer, 1948. – 316 p.

72. Szondi, P. Hope in the Past: On Walter Benjamin / P. Szondi, H. Mendelsohn // *Critical Inquiry*. – 1978. 4 (3): – 491–506 p.
73. Taylor, T. J. *Linguistic Theory and Structural Stylistics* / T. J. Taylor. – Oxford: Pergamon Press, 1980. – 111 p.
74. Todorov, T. *The Fantastic: A Structural Approach to a Literary Genre*. / T. Todorov. – Cornell University Press, 1975. – 190 p.
75. Wittgenstein, L. *Logisch-Philosophische Abhandlung*, *Annalen der Naturphilosophie*, 14. / L. Wittgenstein, 1921.
76. Wittgenstein, L. *The philosophical investigations*. / L. Wittgenstein. – Basil Blackwell Ltd, 1953. – 129 p.

ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ: ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ И АСПЕКТЫ

Шелестюк Е. В., Будейко В. Э.

Уточняется понимание терминов языкового развития и становления языка. Отмечается, что языковое развитие является во многом объективным феноменом, предполагающим внутренне присущие импульсы, признаки роста, становления и синергичного изменения в соответствии с онтологией национального языка. Вместе с тем, направленность и закономерность развития делает возможным его планирование, ход, контроль. То же касается развития языка. В работе рассмотрены три основных аспекта языка, позволяющих изучать языковое развитие и планировать/прогнозировать его векторы: социолингвистический, системный и дискурсивно-стилистический.

Ключевые слова: языковое развитие, становление языка, социолингвистический аспект языкового развития, системно-лингвистический аспект языкового развития, дискурсивно-стилистический аспект языкового развития, развитость языка

LANGUAGE DEVELOPMENT: INTERPRETATIONS OF THE CONCEPT AND ASPECTS

Shelestyuk E. V., Boudeiko V. E.

The understanding of the terms of language development and the formation of a language is clarified. It is noted that language development is largely an objective phenomenon, suggesting inherent impulses, signs of growth, formation and synergistic change in accordance with the ontology of the national language. At the same time, the direction and pattern of development make it possible to plan, organize and control it. The same goes for language development. The paper considers three main aspects of language that allow studying language development and planning/predicting its vectors: sociolinguistic, systemic, and discursive-stylistic.

Keywords: language development, language evolution, language involution, sociolinguistic aspect of language development, system-linguistic aspect of language development, discursive-stylistic aspect of language development

Введение

Дефиниция термина «развитие языка» и описание свойств соответствующего понятия во многом зависят от методологии исследования. В настоящее время в отечественном языкознании наблюдается присутствие представителей многих мировоззрений, лингвистических школ, вооружённых разными методологиями, отсюда немало противоречивых толкований и интерпретаций, которые иногда уводят авторов в сферу двусмысленных и качественно неопределённых концепций. Целью данной работы является точнее определить понятие

развития (конкретно, языкового развития), а также – и это составляет бóльшую часть работы – описать феноменологию языкового развития в социолингвистическом, системном и дискурсивно-стилистическом аспектах.

Диалектика понятия «развития» и проблема «языкового развития»

Понимание времени и протекающих во времени изменений как сочетания линейности и повторяющихся циклических процессов было свойственно древности.

О концепциях циклического времени нам известно преимущественно из философий Востока, но они были распространены и в западных цивилизациях. Например, древними греками время осознавалось тройко: как хронос (линейная длительность), янус (смена времени суток, нечто подобное циклу) и кайрос (фаза, подходящий момент). В раннем христианстве время продолжало связываться с изменениями, где цикличность преобладает над линейностью; процессы воспринимались как совершающиеся по заданной «от века» программе, воспроизводящие неизменную совокупность циклов: «Восходит солнце, и заходит солнце, и на место своё поспешает, чтобы там опять взойти; бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит на бегу своём ветер, и на круги свои возвращается ветер... Что было, то и будет, и что творилось, то и будет твориться, и нет ничего нового под солнцем» («Экклезиаст», 1, 5, 6, 9). Начиная с

Возрождения и Нового времени в Европе возобладала концепция линейности времени, закрепилось представление об изменениях как развитии, как качественных и необратимых трансформациях. Связано это было с осознанием человека как преобразователя, творца сознательных изменений, со становлением науки и техники как движителей целенаправленного преобразования окружающей среды.

В XIX в. развитие стало определяться как научный термин, включающий следующие признаки: а) постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, б) обособление от сходных и родственных явлений, в) увеличение внутреннего богатства, г) постепенное укрепление единства, д) высшая точка развития – высшая степень сложности, объединённая внутренним господствующим единством. В XX в. понятие развития было уточнено как необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов. Только одновременное наличие всех трёх указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений: а) отсутствие циклического воспроизведения постоянной системы функций; б) направленность, при которой должны накапливаться изменения, которые бы выражали единую взаимосвязанную линию; в) закономерность развития является противоположностью случайным процессам катастрофического типа и успешно преодолевает их. Процессы изменения, когда происходит циклическое воспроизведение постоянных функций, характеризуется обратимостью, что, без накопления изменений и

перехода количества в качество, не вызывает развития. Кроме того, процессы катастрофического типа могут задерживать или останавливать развитие, хотя изменения, в случае выживания самой системы, будут продолжаться в соответствии с ее онтологией. Ненаправленные изменения могут не накапливаться, и потому процесс не будет означать развития (или будет означать очень медленное, эволюционное развитие), поскольку лишается характерной для развития единой, внутренне взаимосвязанной линии [Юдин 1975: 409–410; Леонтьев 2011: 98–99].

Констатируем, что вместе с линейностью, необратимостью, направленностью и закономерностью, развитие обнаруживает свойство спиралевидной наследуемости, повторяемости, обусловленной онтологией объекта на каждом новом этапе истории.

Можно сказать, что научное понимание и изучение языка как системы наблюдаются сравнительно недолго, с XX века. Начала языка, его первоначальная история известны современной науке недостаточно, поэтому характер необратимости или цикличности языка мы объективно определить не в состоянии, ибо вся история языка (от начала до сегодняшнего момента), весь график изменений языка до настоящего времени нам полностью неизвестен. За последние триста лет язык наблюдается и изучается достаточно, относительно подробно, в разных состояниях становления процессов дивергенции, конвергенции, скрещивания и умирания языков. Как это сказывается на общем состоянии языков и языка как феномена, т. е. знаковой системы для коммуникации человечества? Ответить на этот вопрос весьма трудно, потому что необходимы ясные и определённые критерии развития языка. Направление развития языка призваны изучать лингвистические институты, которые, однако в основном изучают процессы изменения языка, выявляя общие и частные законы изменений с некоторой долей вероятности в исторической ретроспективе. Однако до настоящего времени термин «развитие языка» лингвистической наукой фактически приравнивался к языковым изменениям. Диалектика отношений между системой языка и нормой, принимаемая как догма, признаётся основным механизмом, ведущим язык к развитию. Но это далеко не так. Как частный случай, ряд исследовательских работ, проведённых нашими коллегами из Уфимского государственного университета, неожиданно доказывают постепенную деволюцию, умирание или становление русского языка в небытие, а не его развитие [Муллагалиева 2012].

Таким образом, научная филология и лингвистика призваны изучать систему языка и регулировать языковую норму, способствующую эволюции и развитию национального языка, а не его деволюции и становлению в небытие. От науки требуется постоянная аналитическая, целенаправленная работа с ясными критериями понимания и внимания к речевому материалу, при этом не всякое ситуационное или запланированное изменение надлежит закреплять нормою через актуальные научные тексты и словари. В

описании языка и речи разумно сформулировать и придерживаться общепринятых методологических правил, способных выработать критерии определения языкового развития, предполагающего прежде всего внутренне присущие импульсы, признаки роста, становления и синергического изменения в соответствии с онтологией национального языка.

Итак, основная проблема в этой связи: ясная и чёткая выработка и научное доказательство критериев развития языка. В противном случае мы будем иметь деволюцию как мнимое становление языка во всех стратах его системы и речевой деятельности, ибо слепое управление стихийным процессом не приведёт к улучшению процесса. Заметим, что выработка таких критериев для языка в целом и для каждого конкретного языка – дело будущего, и нам надлежит непременно продолжать наши исследования в этом направлении.

Социолингвистический («функциональный») аспект языкового развития

Ввиду сложности и большого объёма заявленной проблемы рассмотрим только отдельные важные аспекты становления языка с целью выявления феноменологии языкового развития: социолингвистический, системно-лингвистический и дискурсивно-стилистический. Заметим, что эти аспекты так или иначе выделялись и обсуждались многими теоретиками социолингвистики [Поливанов 1968, Щерба 2004, Аврорин 1975, Исаев 1978, Дешериев 1977, Баскаков 1988, Швейцер 1976, Никольский 1976 и др.]. Рассмотрим три обозначенных аспекта языка, позволяющих изучать языковое развитие и планировать/прогнозировать его векторы.

Социолингвистический («функциональный») аспект языкового развития предполагает анализ языковой ситуации в том или ином социуме, лингвистических и экстралингвистических факторов языковых изменений, стихийности и разумного планирования, интеграции и дезинтеграции языков, соблюдения языковых прав, создания, сохранения и накопления культурного наследия в существующих языках, развитие литературы и науки, печати, прессы, театра и кино, СМИ на национальных языках.

Языковая ситуация в социуме определяется государственным законодательством о языках, отношением населения к тому или иному языку, приоритетности и избирательности осуществления коммуникации на нём, предпочтения/выбора того или иного языка в так называемых «высоких»¹ сферах социального взаимодействия, включая образование, науку, деловую и административную коммуникацию, юридическую коммуникацию, литературу, средства массовой информации. В многонациональных государствах с территориями постоянного проживания разных народов и национальностей билингвизм и диглоссия неизбежны.

¹ Согласно социолингвисту Ч. Фергюсону, при диглоссии «высокие» разновидности языка применимы в официальных сферах, «низкие» разновидности языков являются региональными языками и диалектами, они используются в быту и в повседневном общении, [Ferguson 1959]. Из его рассуждений следует, что для «высокого» языка характерна престижность в обществе, для «низкого» языка – её отсутствие.

При этом нельзя допускать разбалансировку использования родного и второго языка в «высоких» и «низких» сферах употребления, необходимо преобладание официального использования языков в границах национальных областей и республик и соблюдение справедливого баланса между сферами употребления языков (исходя из принципов этнической мажоритарности, автохтонности, древности языковой истории).

С конца 1980-х и вплоть до настоящего времени всё возрастающую роль играет также иностранный язык как язык международного общения, прежде всего, «мировой английский», который интенсивно изучается и распространяется, фактически являясь или приближаясь по статусу ко второму/третьему языку. Конформистское признание его всемирным языком науки, связывание знания этого языка с уровнем образованности (уровнем квалификации), престижность рецепции и создания текстов на нём может наносить существенный ущерб состоянию исконных, коренных языков. Этот ущерб, который в социолингвистике также называется субтрактивностью, может проявляться прежде всего в распространении (экспансии) иностранного/второго языка на те социальные сферы, которые ранее обслуживались исконными языками, например, официальные сферы, в т. ч. написание научных публикаций и трудов, преподавание в школах и вузах, создание научно-популярных, публицистических и художественных произведений, аудио- и видеопродукции и т. п. Нередко происходит заимствование иноязычных разговорных практик, сопровождающееся трансформацией национальных языков и дискурсов, что уменьшает разнообразие языков и культур, нивелируя их под единый иностранный стандарт. Ущерб может наносить и чрезмерное неассимилированное или слабоассимилированное заимствование лексики, оборотов речи (а соответственно понятий, концептов, смыслов, идей), целых синтаксических структур и речевых паттернов в различные подязыки общественной и профессиональной деятельности, а также в обыденный язык.

В ситуации, когда исконным языкам угрожает опасность деградации или уничтожения, деволюции и медленного умирания, на передний план выходят вопросы языкового планирования и целенаправленного развития. В ответ на деградиционные процессы предлагаются меры и появляются энтузиасты, пытающиеся на основе исторически накопленного языкового наследия воссоздать и развивать исконные языки.

В качестве примеров приведём движение пуристов – просветителей, писателей и филологов, продвигавших исконные языки и культуру в условиях иноязычного и инокультурного засилья, что имело место в Европе в периоды народно-освободительных и национально-объединительных движений XVII–XIX вв.

Так, в Норвегии, в течение более 550 лет (начиная с середины XIV века и до 1905 г.) находившейся под властью Дании и Швеции, роль официального языка, языка образования, науки и культуры выполнял датский. Пуристическое движение началось здесь в последних двух третях

XIX в. Пуристы отстаивали норвегизацию литературного языка, норвежское произношение, вводили в свои произведения лексические и грамматические норвегизмы, обрабатывали и записывали произведения фольклора, сказки, эпос. Во внедрение норвежских языковых форм внесли большой вклад Х. Вергеланн, П. К. Асбьёрнсен, Ё. Му, К. Кнудсен, а также создатели новонорвежского языка И. Осен, О. Винье, А. Гарборг, писатели, писавшие на датско-норвежском букмоле (риксмоле) – Х. Ибсен, Б. Бьёрнсон, А. Хьелланн, Ю. Ли. Культивирование норвежских норм национально-ориентированными деятелями культуры дало определённый результат, однако до сих пор датско-норвежский риксмол используется в 90 % повседневного письменного языка. В целом, норвежская реформа, призванная своеобразно национализировать язык, признаётся европейским научным сообществом не слишком удачной, её критика направлена прежде всего против комбинации исконно-морфемного пуризма и жёсткого нормализаторства: «Объективно реформа ставила перед собой утопическую задачу изменить речевую практику взрослых людей, уже владеющих литературным языком, и приучить к “радикальным” языковым формам детей, которые приходят в школу с уже сложившимися языковыми навыками. Новая официальная норма, в общем, не имела престижа, так как она не была поддержана авторитетом языка и языковой деятельностью наиболее значительных писателей, учёных, деятелей культуры и политики. Напротив, язык литературы и прессы, сравнительно единообразный, в основном, игнорирует реформу. Характерно, что “нормализаторы языка”, насаждающие “радикальные” формы (в первую очередь школьные учителя) сами обычно пользуются вне стен школы довольно “консервативным” букмолем. Не случайно многие школьники вне уроков норвежского языка не пользуются “радикальными” формами» [Арсеньева и др. 2000: 148].

Однако есть много примеров успешных реформ пуристической направленности: в той же Дании – метрополии Норвегии в течение 5 столетий – пуристы успешно противостояли засилью немецкого языка. В середине XVIII в. началось очищение датского языка от иностранных элементов, замена германизмов датскими кальками (Ф. К. Айльскоу и Е. Снедорф, журнал «Den patriotiske Tilskuer»), например, *valgsprog* 'девиз' (нем. *Wahlspruch*), *fordom* 'предрассудок' (нем. *Vorurteil*), *sandsynlig* 'вероятный' (нем. *wahrscheinlich*) и т. д.

Примечательна история исландского языка, произошедшего из древнесеверного и более всего испытавшего влияние древненорвежского, в котором благодаря островной замкнутости Исландии и целенаправленной пуристической политике удалось сохранить почти в первоизданном виде язык и образцы литературы древних северных германцев.

Успешными были и реформы немецких пуристов, во многом предопределившие объединение немецких княжеств и курфюршеств в единое национальное государство в эпоху О. Бисмарка (1871 г.). В XVII в. в Германии началось пуристическое движение, которое обогатило немецкий

язык многочисленными словами, заменившими иностранные заимствования, что также способствовало синонимическому разнообразию немецкой лексики. Образую новые слова, грамматисты-нормализаторы и писатели обращались ко внутринемецким источникам пополнения и обогащения языка, к морфологическому и лексическому материалу территориальных диалектов. Преобладавшие до того времени сепаратистские тенденции в языковом становлении отступили. В XVIII в. периодические издания способствовали распространению результатов нормализаторской и пуристической деятельности. И. Готшед, И. Аделунг, другие грамматисты и лексикографы XVII–XVIII вв. обозначили нормы нововерхненемецкого литературного языка, удачно сформулировали правила его употребления, на немецком языке стало осуществляться преподавание, он стал самостоятельной учебной дисциплиной. Через среднюю школу правила становились достоянием всей нации. В XVIII–XIX вв. писатели, поэты, историки, теоретики литературы и искусства, философы Г. Э. Лессинг, И. В. Гёте, Ф. Шиллер, К. М. Виланд, Ф. Г. Клопшток, И. И. Винкельман, И. Г. Гердер, Г. Гейне и другие создали классическую немецкую национальную литературу. В период буржуазной революции 1848 г. распространилась общественно-политическая литература. В XIX в. северогерманское произношение приобрело через книгу и школу авторитет образцового; а унификация произношения произошла благодаря «сценическому немецкому» (закон о единстве произношения был принят в 1898 г.).

Нельзя не отметить успешный пример пуристической политики Франции, доказавший, что государственный закон (закон Тубона) 1994 г., с чёткими рычагами исполнения и прописанными санкциями за нарушение, а также специально созданные государственные органы (Консультативный совет по французскому языку, Генеральная делегация по французскому языку, Верховный совет по франкофонии, Государственный секретарь по делам франкофонии и т. д.) оказались способны благотворно влиять на судьбу и развитие французского языка. В результате языковой политики Франции, несмотря на определённые отступления, французская культура и французский язык успешно сопротивляются глобализации *a l'anglaise*. Это проявляется в т. ч. в рамках франкофонии, в которой, подобно русскоязычной цивилизации, «единая языковая система объединяет множество разных культур, разных *видений* мира, разных способов поведения, общения и освоения знаний» [Клоков 2009].

В истории греческого языка за последние 300 лет также наблюдаются некоторые лингвокультурологические и социолингвистические движения, на которые полезно обратить наше внимание. С XVIII в. влиятельные деятели греческой культуры полагали, что духовное возрождение греческого народа, долго находившегося под турецким игмом, возможно только при возвращении к истокам духовной культуры своих предков, поэтому древнегреческий язык (*ἀρχαῖζουσα γλῶσσα* – древняя речь/язык)

стал основой возрождения эллинской национальной культуры. Например, деятельность Евгениоса Вульгариса (1716–1806) была направлена на комментирование и переводы античных и современных ему европейских авторов по истории, философии, музыке, богословию. Его огромный труд «Логика» был написан на древнегреческом языке, поскольку Е. Вульгарис полагал, что философия может изучаться только на этом языке. Этот тезис поддерживали И. Мисиодакас, Д. Катардзис и другие. Именно в это время на волне освободительного движения создаётся литературный греческий язык «проаттического» направления, получивший наименование кафаревусы (от др-грч. καθαρῆύω «очищаю» > καθαρῆύουσα γλῶσσα «чистая речь/чистый язык»), когнитивно-стилистически противопоставленной димотике (устной народной речи). Идея освобождения Греции, её восстановления и объединения подкреплялась государственной письменной кафаревусой. Афинский университет (создан в 1837 г.) стал оплотом распространения благородной и чистой кафаревусы, поскольку стилистически низкая димотика содержала много заимствований из иностранной лексики (из турецкого, а также романских и славянских языков). Умеренное движение под руководством греческого просветителя Адомантиоса Кораиса (1748–1833) предлагало καθαρῆύσις – очищение языка от турецких и европейских заимствований и замену их древними или вновь созданными греческими словоформами. Церковь, научные и государственные институты долго придерживались кафаревусы и древнегреческого языка, поскольку идея высокой культуры способствовала духовному единству народа, говорившего на разных диалектах (ср. подобную идею в Германии Нового времени), а также способствовала культурному подъёму общественного устройства. Основной принцип греческой орфографии – этимологический – сохраняется до сих пор (несмотря на упрощенческую реформу графики 1983 г.) на том основании, что перемена письма в пользу фонетического принципа означала бы омографический хаос непонимания, разрыв традиции, разрыв многовекового культурного предания. «Неполный (относительный) билингвизм, характеризовавший в течение многих веков языковую ситуацию в грекоязычной среде, лишней раз демонстрирует силу архаизирующих тенденций греческого языка и важность изучения его древнегреческого состояния: древнегреческий язык никогда не осознавался носителями греческого языка как другой язык (даже при наличии переводов с древнегреческого на новогреческий). Степень не только грамматической и лексической, но и, если так можно сказать, духовной близости древнегреческого языка и современного греческого всегда была и продолжает оставаться намного более тесной, чем степень близости, например, древнерусского и современного русского языка, что связано с особенностями политической и культурной истории Эллады» [Славятинская 2014: 218].

Наконец, уникальный пример языкового строительства представляет Израиль, воскресивший или восстановивший иврит из канонических образцов культового, священного литературного языка. При этом языковое развитие иврита претерпело реверснакуляризацию, то есть разработку новых разговорных форм. Одновременно было индуцировано изменение отношения евреев всех диаспор к этому языку как основному, образцовому. Укрепив авторитет в XX–XXI вв., современный иврит государства Израиль распространяет лексикон, дискурсивные маркеры и систему произношения на еврейские общины по всему миру [Venor, Nary 2018].

Подытоживая обсуждение социолингвистического аспекта языкового развития, констатируем, что, как правило, во внешне относительно благополучной этнополитической обстановке становление и развитие живых языков практически не регулируется, но происходит стихийно. Попытки регулировать, направлять развитие языков происходят при осознании их регресса, инволюции или утраты, в т. ч. в связи с угрозой лишения государственного суверенитета в культурной и языковой основе.

Язык – важнейшая особая форма общественного сознания, и, на наш взгляд, его развитие, как и развитие других форм общественного сознания и культуры, не должно быть пущено на самотёк. Помимо прямого государственного законодательства, в капиталистическом обществе регулирование языкового развития возможно осуществлять избирательным финансированием, по аналогии с выделением финансов на создание произведений культуры. Средства можно было бы направлять на сохранение и развитие исконных лексических систем, лексикографический учёт и регистрацию идиоматики, паремий, прецедентных фраз и высказываний, фольклора, афоризмов, ценных архаизмов, удачных неологизмов и окказионализмов на исконной морфологической основе; создание обширных и пополняемых в реальном времени корпусов, тезаурусов, словарей исконных языков (например, до сих пор недостаточно полных словарей неологизмов и окказионализмов, синонимов и антонимов, комбинаторных, идеографических, этимологических, диахронических (на исторических принципах)). Целесообразно проводить централизованные конкурсы «Слова́ года», где регистрировались бы и определялись на выбор наиболее удачные лексические единицы, созданные на словообразовательной основе национальных языков России, не забывая, конечно, и о нашем русском языке.

Ряд современных свободно пополняемых переводчиками словарей, например, multitran.ru, показывает, что по количеству синонимов и антонимов русский язык не столь значительно менее объёмен, чем английский. Вместе с тем идеографические словари-тезаурусы русского языка не имеют непротиворечивой теоретико-методологической базы, полноты и системности, а словари синонимов и антонимов до недавнего времени давали лишь ограниченное число вариантов, вероятно, по соображениям нормативности/литературности лексики. Также есть

сложности в уточнении происхождения слов, поскольку в настоящее время нет полного этимологического словаря русского языка – хотя и имеется великолепный «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О. Н. Трубочёва, – как и словаря русского языка на исторических принципах.

Разработка полных и разнообразных словарей, корпусов и тезаурусов весьма актуальна. Возможно, в этом плане были бы полезны программы «майнинга» слов русского языка (включая нечастотные слова) в больших массивах текстов онлайн и оффлайн. При этом словари должны быть основаны на русскоязычном материале, хотя лексика может быть сопоставлена с англоязычной и др. по нюансам значений, идиоматике, эмоционально-экспрессивными коннотациям и прочим факторам. Впрочем, подвижки в этом направлении очевидны, например, последние ресурсы синонимов и антонимов, в т. ч. основанные на корпусах русского языка, уже достаточно репрезентативны, ср. «Словарь синонимов русского языка» (sinonim.org).

Наиболее важным аспектом проективного языкового развития нам представляется поддержание, стимулирование творческой деятельности в области литературы, словесности на национальном/родном языке. Такие действия предполагают финансирование программ создания произведений словесности на национальных/родных языках; создание исследовательских и образовательных культурологических учреждений, призванных изучать, разрабатывать и развивать систему национальных образов, архетипов, символов, сюжетов и героических идеалов; обучение разных групп населения высокой культуре письма, ораторского мастерства, ведения дискуссий и т. п., проведение национальных и ведомственных конкурсов произведений словесности и т. п.

Заметим, что прецеденты активного побуждения, в том числе непрофессиональных авторов, к сочинительству дают западные страны, особенно Великобритания и США, писатели которых достаточно основательно, в исторической и эстетико-суггестивной перспективе описывают принципы стихосложения, сочинения прозаических произведений, языковых игр, создания новых «языков» (ср., например, Frye Steven. *The Ode Less Travelled: Unlocking the Poet Within*. London: Arrow Books, 2007; Peterson D. J. *The Art of Language Invention*. London: Penguin Books, 2015). Возможно, англосаксонские страны исходят из более глубокого осознания, что действительно выдающиеся и гениальные произведения бывают «штучными», единственными, и создать их способны как профессионалы, так и непрофессионалы, фактически любой человек в порыве наивысшего вдохновения и при удачно сложившихся обстоятельствах. Именно эти страны активно работают над изучением, разработкой и преподаванием архетипной образности, мифологических сюжетов, символического иносказания, поэтических и прозаических форм, особенностей речевого ритма и фоносемантики. Они уделяют большое

внимание оценке и отбору наилучших произведений словесности. Тот факт, что со второй половины XX в. культурные учреждения англоязычных стран стали признанными мировыми «фабриками грёз», а их писатели и деятели культуры – «властителями дум», ясно показывает, что такое культуртрегерство, распространение и культивирование национальной и культурно насыщенной словесности вполне оправдано².

Наша позиция в отношении творческого и плодотворного использования родной речи согласуется с мнением И. Г. Милославского, что: «общественная практика, стимулируемая <...> научно-техническими достижениями в виде современной информационной техники, требует продвижения в области обеспечения *продуктивных* (выделено нами – Е. Ш., В. Б.) речевых действий. Актуальной задачей повышения "речевой культуры" говорящих на русском языке является не столько требование формальной правильности и даже не соблюдение "речевого этикета" (эти задачи глубоко осмыслены и в значительной степени решены), но смысловая сторона коммуникации: 1) точное и полное понимание предъявленного реципиенту сообщения и 2) адекватное замыслу продуцента и условиям коммуникации создание собственного сообщения» [Милославский 2020: 21].

Но если представленное нами выше предложение о креативном использовании речи носит лингводидактический характер, то И. Г. Милославский акцентирует стимулирование языковой креативности с помощью развития лексикографических (прежде всего, идеографических) средств: «В этих условиях создание разного рода идеографических описаний русского языка, разного рода словарей и грамматик, как связанных между собой, так и самодовлеющих, выступает как первейшая задача. Однако эти произведения могут возникнуть лишь на основе уже имеющихся семасиологических описаний... Главная же цель таких исследований – обеспечить смысловую адекватность и формальную правильность речевых произведений, создаваемых человеком на русском языке как на родном, так и на неродном, а также автоматическим устройством (в частности, при автоматическом переводе на русский язык)» [Там же].

Системно-лингвистический аспект языкового развития

Системно-лингвистический аспект языкового развития подразумевает развитость языковой системы (одновременно с речевой деятельностью и языковым материалом как составными частями языка по Л. В. Щербе) в национальных языках, что предполагает поддержание устойчивого и благоприятного статического состояния и динамического

² Есть также ощущение, что многие талантливые англоязычные писатели «отрабатывают» конъюнктурные темы на заказ, популяризируя их для читателя: зелёная повестка, феминизм, ЛГБТ, определённый образ жизни, те или иные идеи, персоналии и т.д., вплоть до предметов потребления и брендов. Ср., например, произведения Д. Лоджа, Дж. Барнса, П. Баркер, Д. Митчелла, М. Макинтайра. Такая практика имеет явный воздейственный эффект и поэтому является заслуживающей внимания.

развития языка как знаковой системы на фонографическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Языковые процессы отражают две диалектически противоположные тенденции: вариативности (дифференциации) языковых средств для выражения богатства смыслов и их сокращения (конвергенции), унификации, упорядочения в целях экономии речевых усилий и языковых средств (А. А. Уфимцева, В. М. Солнцев, В. Г. Гак, Г. Пауль, О. Есперсен и др.). В обычной ситуации язык развивается стихийно, направляемый, в первую очередь, социолингвистическими процессами. Мы постулируем необходимость управления этими в большой степени стихийными процессами и при этом соблюдения постоянного баланса между двумя тенденциями, дабы не размыть языковые нормы и стандарты чрезмерной дифференциацией языковых средств, с одной стороны, и не обеднить, и не обездвижить живую речь чрезмерным «уменьшительным» нормализаторством, т. е. селекцией или конвергенцией вариантов, с другой.

В настоящее время актуально исследование разделения рецептивной и продуктивной деятельности человека и оценка управления языковыми средствами именно с точки зрения этих видов деятельности. Выясняется, что «лексическая и грамматическая многозначность исключительно важны для рецепции, но не для продукции, а синонимия, напротив, важна для продукции, но отнюдь не для рецепции. При рассмотрении основных грамматических категорий русского языка в рецепции показана различная ценность этих характеристик при соотнесении их с действительностью» [Милославский 2020: 21]. При этом «укоренившееся в нашей науке и идейно, и организационно “уровневое” представление о языке, предполагающее деление и самого объекта, и соответствующих специалистов на фонетику, грамматику (словообразование, морфологию, синтаксис) и лексику, перекрываемое уже межуровневыми стилистикой, социолингвистикой, лингвокультурологией, ортологией и др., уже давно уличается во внутренней противоречивости и в пригодности по преимуществу лишь для рецептивной речевой деятельности» [Там же]. Продуктивные же виды речевой деятельности следует изучать на ономазиологическом принципе, то есть исходя из синтеза разнообразных языковых средств для номинации либо коммуникации некоего объекта. Признавая частичную справедливость такого вывода, мы, тем не менее, в данной работе всё же будем исходить из традиционного уровневого подхода к языку, поскольку в этой иерархии удобно анализировать языковые процессы и их потенциал в отношении языкового развития.

Если говорить о скорости языковых изменений по уровням языка, то быстрее всего трансформируется лексическая система (включая идиоматику и паремию), меняются значения слов, их семантическая структура, появляются неологизмы, другие слова, напротив, становятся архаизмами и постепенно исчезают из обихода. Вслед за лексикой с

некоторым отставанием меняются морфология (значимые морфемы) и стилистическая дифференциация слов.

Медленнее меняются словообразовательные и словоизменительные средства, а также синтаксис. Исследования в рамках исторического синтаксиса показывают (по крайней мере, в большинстве ностратических языков) следующие закономерности: исходным материалом построения сложного предложения является простое; первоначально языки знали только простые предложения, следующие друг за другом без союзов; затем появились бессоюзные сложные предложения, далее – сочинительные союзы, подчинительные союзы, местоимения, наречия; личная глагольная форма стала преобразовываться в причастную, деепричастную и глагольно-именную форму. С ранних этапов развития языков существовали как личные, так и безличные предложения. В словосочетаниях не было четкой границы между именной и предикативной группами, два рядом стоящих имени образовывали одно понятие, причем иногда трудно определить группу слов как словосочетание или предложение. В историческом развитии сложного предложения выделяются (условно) три этапа: 1) абсолютное преобладание простого предложения, 2) появление следов зависимых трансформ, разнообразных переходных конструкций, грамматически не устоявшихся, 3) оформление зависимых трансформ, исходным импульсом развития которых является объединение двух предложений по способу примыкания в самом раннем периоде исторического развития. Процесс трансформации и появления союзов, хронологически совпадающий с процессом развития сложного предложения, связан с развитием письменной речи. Трансформация подразумевала, что появлялись два (или более) грамматически выраженных подлежащих (соединялись два самостоятельных простых предложения); существовала также неполная трансформация, когда грамматическая целостность сказуемого сохранялась, но трансформировались вспомогательные средства, которые придавали конструкции подчинительное значение [Гаджиева, Серебренников 1986; Серебренников 1968].

Особо медленно меняется фонологическая система языка, хотя и эти изменения ощутимы. В разные периоды звуковые изменения или звуковые законы действуют по-разному, оставляя следы в сохраняющихся словоформах. Так, в XIII–XV вв. в русском языке действовал закон, согласно коему гласный [e] изменился в [o] после мягких согласных перед твёрдыми согласными: несь – нёсь, песь – пёсь, береза – берёза. Однако после действия этого звукового закона, то есть после XV в., произношение [e] в прежнем положении стало возможным: лѣсь – лес, верьхъ – верх, женьскій – женскій, включая заимствованные ‘аптека, библиотека, игротка, каверна, калека, карета, картотека’. Сохранились и следы этого звукового закона по настоящее время: сельский – сёла, веселье – весёлый, темень – тёмный. В современном русском языке действует ряд звуковых

законов, которые указывают на непрерывное и целостное единство истории языка и определяют своеобразие его фонетической системы. Например, в русском языке это закон слогового сингармонизма (со времён последней фазы праславянского языка, IX в.), закон регрессивной ассимиляции (сочетаемости глухих шумных согласных только с глухими шумными, а звонких согласных только со звонкими), аканье, редукция безударных гласных и т. п. Недостаточное изучение причин звуковых изменений связано с их (причин) множеством, включая психологическую тенденцию к аналогии, которая может перевесить много иных причин, а именно: внутриязыковые (так называемые, идиоматичные причины), а также влияние других языков и диалектов [Иванов 2003: 136-137]. В целом, фонетические изменения, наряду со словоизменением, носят наиболее регулярный характер на чисто лингвистическом уровне. Однако, как и прочие языковые уровни, фонетический уровень подвержен изменениям не только в силу лингвистических, так и в силу экстралингвистических причин, последние связаны с языковыми контактами (влияние фонетики языка-субстрата, языка-суперстрата), в том числе, в некоторых случаях они возникают в результате моды на подражание иностранному (ср.: англоязычная локализация артикуляции звуков у современных русскоязычных эстрадных певцов).

Графические изменения национального письма, напротив, более всего подвержены изменениям и рациональному/разумному вмешательству, планированию, однако ряд факторов закрепляет консервативность письма и не даёт письму постоянно изменяться в угоду произношению. Ср. соотношение фонетического и фонематического, морфологического и традиционного принципов орфографии, их непонятная в теории грамматики пропорция и исторический синтез, а также не изученные в философском и культурологическом аспектах идеи и принципы графики и традиции исторического письма: алфавита, графики, правописания.

Рассмотрим подробнее закономерности лексических изменений в русском языке, поскольку именно лексика наиболее активно участвует в процессах языковой инновации. Выделяют три главных способа изменения (расширения) словарного состава:

1. Семантический способ, включающий в себя семантические изменения (сужение, расширение, улучшение, ухудшение значений) и ономазиологические преобразования – первичную номинацию предметов и явлений, вторичную номинацию предметов и явлений путём их обозначения уже имеющимися в языке словами (как правило, на основе метафорических и метонимических сдвигов). Семантические изменения и переименования позволяют избежать ненужной избыточности лексических единиц в языке [Языковая номинация I, II].

2. Морфологическое словообразование – образование новых слов языка путем использования префиксов и суффиксов, словосложения, сокращения, конверсии и прочих морфологических средств.

3. Заимствование – процедура перенесения слова из одного языка в другой, а также непосредственно сам компонент, перенесённый с одного языка в иной. Потоки иностранных слов, проникающих из языка в язык, чаще всего соответствуют периодам политических изменений, технологических открытий, культурно-социальных реформ.

Если говорить о генетических лексических слоях внутри языка, то следует выделить слой лексики языковой семьи, слой лексики языковой группы, слой уникальной исконной лексики, возникшей именно в этом языке, и слои заимствований.

Уникальность русского языка заключается в том, что помимо становления собственной лексики он с самого начала строился, активно заимствуя слова из языков тех народностей, с кем русский народ непосредственно соприкасался. Так лексический состав русского языка исторически пополнялся словами греческого, латинского языков, а также тюркских, финноугорских, западноевропейских языков. В настоящий момент, как мы полагаем, унифицирующая ассимиляция языков мира к англоязычному стандарту, который декларирует себя как общемировой тренд, для русского языка, как и для других языков мира, в большей степени имеет отрицательные последствия, ведущие их в инобытие.

По происхождению лексики в русском языке важное место занимают славянизмы (около 59 %), тюркизмы (присутствие обширно, но точно определить сложно, возможно, 5 %), латинизмы (около 13 %), грецизмы (около 15 %), галлицизмы (около 2 %). Славянизмы в русском языке подразделяются на ранние: время формирования народности (VI–XVIII вв.), старославянские (церковнославянские) – книжные, зачастую абстрактные слова, относящиеся к эпохе становления христианства на Руси (X в.), поздние – исконные и заимствования, в основном из польского (XVII–XVIII века) и позднейшие (XIX–XX вв.). Существенную роль в увеличении числа абстрактных слов-понятий в истории русского языка сыграла христианская церковь. Так, просветители святые равноапостольные Кирилл и Мефодий в IX в. при переводе Священного Писания и богослужебных книг создавали и заимствовали из греческого и древнееврейского в церковнославянский абстрактные и конкретные (включая терминообразные) слова-понятия (например, авва, аггелъ, безводный, безвѣстный, беззаконновати и проч.).

Традиция тяготения к иностранному слову, латинскому или греческому, признание их научно убедительными, «терминогенными», т. е. способными к ёмкому и логически чёткому обобщению, началась в XVIII в., когда в России имело место повышенное внимание к текстам античного наследия и текстам естественно-научного свойства на латыни, их тщательное изучение и взятие за образцы. В то же время утвердилась мода на номинацию терминов с помощью фонографического конструирования или заимствования (транскрипции, транслитерации, калькирования) из латинского, греческого, позднее – из немецкого в русский философский и

научный дискурс, из французского в литературный, публицистический дискурсы, дискурсы культуры и искусства и, наконец, из английского.

Любопытно, что в немецком и особенно английском языках со времен протестантизма и пуританства (XVI в.) возобладало противоположное стремление к отходу от латинского, греческого и французского терминообразования и переходу на словотворчество на исконном морфологическом материале, которое только укрепилось в Новое и Новейшее время. «Креативный» пуризм, или «креативная» коренизация, в духе отрицания латинизмов, грецизмов, галлицизмов, а также греко-римской традиции пышной риторики, культивирование простого и ясного языка Библии, переведённой на национальные языки протестантами в Новое время, сыграли большую роль в становлении современной западной (прежде всего, англоскандинаво-германской) стилистики и риторики, западной словесности в целом. Тенденцию стимулирования «креативной коренизации» лексики мы сочли бы желательной и для русского языка ³.

В диахроническом разрезе в течение столетий словарь обогащался, смысловые отношения между словами множились, усложнялись и утончались. Как следует из рассуждений [Касаткин и др. 1989], эти изменения носили частично рациональный характер. Однако в семантических изменениях была и есть изрядная доля иррационального: многие из них, как мы увидим из примеров ниже, происходили посредством метонимических или метафорических переносов на основе случайных, необязательных отношений между первичным и вторичным значением, с синкретичными связями «смежность в пространстве», «сопредельность во времени», посредством алогической метафоры на основе случайных, необязательных связей между значениями. Рациональным здесь было преимущественно целеполагание – подыскивание имени для нового или видоизменившегося предмета, объекта. Здесь напомним также этапность языковых (в данном случае, лексических) изменений и основные процессы, характерные для каждого из этапов, выделенные рядом западных когнитивистов: репликация единицы – интеракция (общение,

³ Особо значимым периодом в утверждении национальной лексики в литературно-художественном творчестве была Гражданская война в Англии в 1642–1652 гг. и установление пуританства. Так, если до этого периода английская драма придерживалась традиций эвфуистического стиля, то после пуританского правительственного акта 1642 года, запретившего театральные постановки, драма пришла в упадок. Далее, в 1664 году в Англии был создан специальный комитет, целью которого была нормализация и улучшение английского языка (не столько в духе рестрикций, сколько в духе перехода с латинско-греческих на национальные формы). Значительную роль в регуляции норм сыграли нормативные грамматики, появившиеся в этот период, в том числе, «*Grammatica Linguae Anglicanae*», написанная на латыни Джоном Уоллисом (1653 г.), который выступал против слепой имитации латинских и греческих образцов. Джон Фелл в своем «Эссе по английской грамматике», опубликованном в 1784 году, заявлял: «Безусловно, дело грамматиста – выяснять, а не создавать законы языка». В этой работе автор не примеряет на себя роль законодателя лингвистических норм и стандартов, но пытается предстать дотошным регистратором и компилятором разрозненных фактов и закономерностей языка (цит. по [Galperin 1977]).

взаимодействие) – селекция (отбор наиболее удачного варианта из нескольких) – преемственность (наследование) [Hull 1988, Croft 2000]⁴.

Рассмотрим номинативные процессы на примере русского языка⁵.

1. Изменения в способах номинации. Названия могли даваться по различным (в том числе необязательным) признакам: по форме, свойствам, материалу, смежности, сопредельности и т. п. Ср. *стакан* (*достоканъ* – «из досок», от *дъска); *ведро* (родственно водá, нем. Wasser и проч.); *горшок* (от слав. *гъгпъ, горн); *блюдо* (от гот. biudan "предлагать"; ср фин. заимств. röytä "стол"). В более позднее время распространилось наименование предмета по функции, и оно демонстрирует «прозрачность», мотивированность структуры (самолет, паровоз, ледокол и т. п.).

2. Изменения в гипо-гиперонимических, родовидовых отношениях между понятиями, ср. стол, скамья, лавка, кресло, ложе, одръ, кровать (из *ср-грч.* κρεβάτι), с XVIII в. также диван, шкаф, буфет, табурет и др. объединяются под гиперонимом «мебель» (*франц.* meuble > *нем.* Möbel).

Организация слов по родовидовым признакам возрастает на последующих этапах развития русского языка (шапка, шляпа, кепка, папаха, фуражка... – головной убор; магазин, лавка, ларёк, палатка, лоток... – торговая точка; поезд, самолет, автомобиль, теплоход... – транспорт и т. п.).

Такого рода категоризация, оформленная языком, осуществляется на протяжении всей истории становления национальных сообществ. Значения гипонимов некоторых категорий, особенно абстрактных понятий, нередко нечётки, размыты (fuzzy). Некоторые из них не пересекаются и не сходятся по содержанию и объёму; порой у когипонимов отсутствуют гиперонимы. Ср. знаменитый пример Л. Витгенштейна для членов категории «игра»; также *ср.* слова «заклинание», «аффирмация», «мантра», «заговор», «настрой» и проч. – гиперонимы «аутотренинг»(?), «языковое самопрограммирование»(?). Многие абстрактные понятия, хотя и имеют установленное происхождение и встроены в систему неких теорий, верований и мифов, активно проникают в другие сферы, видоизменяя значения, *ср.* «синергия» (из теологии в теорию систем и другие науки), «эпифания» (из теологии в психологию), «окна Овертона» (из политологии

⁴ Ср. также максимы Руди Келлера, соответствующие упомянутым процессам в лингвистике: нормальная репликация: Максима 1: «Говорите так, чтобы вас понимали»; инновация: Максима 2: «Говорите так, чтобы вас заметили», Максима 3: «Говорите так, чтобы отличаться от других членов группы», Максима 4: «Говори в забавном, смешном и т. д. ключе, Максима 5: «Говори вежливо, приятно, очаровывай»; изменённая репликация: Максима 6: «Говорите так, чтобы не тратить лишнюю энергию»; селекция: Максима 7: «Говорите так, как говорят другие», Максима 8: «Говорите так, чтобы вас признали за члена престижной группы». В результате этих процессов происходит массовое принятие изменений из-за стремления населения идентифицироваться с престижной социальной группой [Keller 1994].

⁵ Примеры семантических изменений/номинаций в русском языке взяты из [Касаткин и др. 1989], [Словарь Филолога URL: <https://slovarfilologa.ru>], а также из собственных материалов.

в социологию, культурологию), «эгрегор» (из оккультизма, эзотерики в культурологию и социальную психологию) и др.

3. Изменение синонимических отношений слов. Как отмечается в [Касаткин и др. 1989], на смену дублетности как свободной вариативности приходят отношения на основе «функциональной необходимости»; это слова, несколько отличающиеся по значению и употреблению, представляющие собой идеографические и стилистические синонимы с разнообразием семантических оттенков и объединяющиеся в синонимические ряды. Полагаем, что в приведённом рассуждении богатство оттенков значений оценивается по достоинству, но в качестве критерия прогрессивного развития абсолютизируются обособление значений, привязка значений к тем или иным употреблениям, функциональный принцип номинации. В таком взгляде преувеличивается статика и структура, не учитывается динамика бытования, «дух» языка. В динамике синонимия с тонкой нюансировкой значений способна обогатить язык, а отсутствие синонимии может обеднить его. Это касается даже областей, где преобладает однозначность и строгость понятий, например, терминологических систем. Ср. исследование, сопоставляющее синонимы лесоведческих терминов в русском языке, где действует принцип «нулевой синонимии» в терминологии, и в немецком языке, где синонимия терминов допускается [Тилова 2021].

Приведём примеры упорядочивания дублетов. В древнерусском языке глаголы «помышляти, размышляти, думати» имели общее значение ‘думать’; в языке XVIII–XIX вв. они приобрели разные значения и закрепились за разными контекстами (ср.: «Я и не помышлял о таком успехе! Ср. также строки из письма А. С. Пушкина П. А. Плетнёву: «во сколько комнат нужна мне квартира? Был бы особый кабинет – а прочее мне всё равно» (совр. рус. «отдельный»)) [Касаткин и др. 1989].

При пополнении языка заимствованиями происходит увеличение синонимических рядов, причем отношения между «своим» и «чужим» сказываются на семантике и стилистической окраске. Замечено, что «чужое» тяготеет к книжному стилю, а «своё» – к нейтральному и разговорному. Приведём примеры А. П. Крысина: французское «boutique» в переводе на русский язык означает «лавочка», но при использовании слова в русском языке приобретает более престижное, солидное определение «магазин модной одежды», ср. также shop – шоп, hospice – хоспис и проч. Ученый отмечает: «Ощущаемый многими большой социальный престиж иноязычного слова, по сравнению с исконным, иногда вызывает явление, которое может быть названо повышение в ранге: слово, которое в языке-источнике именуется обычным, рядовой объект, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более

престижному»⁶. Так тяготение к иностранному слову и признание его термином оборачивается своей гротескной стороной.

4. Развитие полисемии и широкозначности (эурисемии). Полисемия в русском, как и в любом другом языке, развивалась на основе комбинации категориального и прототипического изменения значений [Geeraerts 1985, 2017], при этом первое носило более размытый и сглаженный характер, тогда как второе знаменовало более резкий и одномоментный переход. Пример категориальной полисемии: гладкий (о поверхности, море и т. п., волосах, чешуе, коже, стиле, речи), ткани (без рисунка), материи, работе (= слаженный), функции, работе механизма, мышцах и т. д.); пример прототипической полисемии: ручка (человека, пишущая, ведра, чайника, ложки, кресла, двери, ящика, лопаты, механизма, штурвала, регулировки, инструмента, кайлы, молотка и т. д.). В целом, семантическая структура и морфологический состав слов могут варьироваться от употребления к употреблению, они во многом являются размытыми, зыбкими, несущими потенциал видоизменения и номинации новых предметов и явлений. Чёткое разграничение значений, без зыбкости, размытости, зон неопределённости касается преимущественно прототипических (денотативных) значений и не касается значений категориальных (сигнификативных). Поэтому прототипическим структурам значений слова свойственна многозначность, а категориальным структурам в большой степени – широкозначность. Но даже прототипические семантические изменения и прототипическая полисемия в диахронии демонстрируют постепенное, частичное семантическое варьирование.

Такого рода размытость значений демонстрируют статьи некоторых ранних англоязычных словарей. Ср. статьи в одном из словарей Merriam-Webster ⁷, где значения не выделяются, но даются толкования слов. Семантические нюансы, порой энантиосемичные, приводятся в нем через перечисление, причём как в абстрактных словах (*apparent*, *discursive*, *estimate* и т. д.), так и в словах, обозначающих конкретные понятия. В качестве примеров:

Apparel < [ME < OF < L *apparare* < a-, 'to' and *parare* 'to fit'.] Clothing; vesture; garments; dress; external array. Naut. the garments > the masts, sails, furniture, etc., of a ship.

Apparent – [ME < OF < L *apparens*, *apparentis*, < *apparere* 'appear'] Visible to the eye; within sight or view; appearing to the eye or to the sight or to the judgement, seeming, often in distinction to real; obvious, plain; capable of being understood; evident: in the latter case now used only as a predicate. – Heir apparent, the heir who is certain to inherit if he survives the present holder; one who has a claim и т. д.

⁶ Крысин Л. П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. Пермь: Перм. ун-т, 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin02.htm>

⁷ New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. Delhi: Surjeet Publications, 1993.

Исходя из закономерности языкового развития, предполагающей внутренне присущий слову импульс становления и роста в соответствии с онтологией языка, отметим разумность краткой историко-культурной интерпретации значений в словарях, по крайней мере, диахронических, построенных на исторических принципах. Возможна также демонстрация некоторой «текучести» в дефинициях многозначного слова и слов-синонимов, приведение оптимального числа его контекстуальных употреблений, при этом (желательно) постоянно обновляемых в реальном времени по мере пополнения языковых корпусов.

5. Увеличение омонимии и паронимии. Фонетические и морфологические изменения, а также заимствования способствуют возникновению омонимов, ср. 'есть' – 'принимать пищу' и 'есть' – 'имеется' (ѣсти > ѣсть); 'вѣдро' – 'ясная погода' (цслав. ведръ 'ясный', родственно д.-в.-н. wetar, нов.-в.-н. Wetter 'погода') и ведрó (др.-русс., ст.-слав. Вѣдро, σάμνος, родственно вода́). Заметим, что омонимия в русском языке в связи с его синтетическим характером не столь выражена, как в аналитических языках. В синтетическом русском языке такого рода неоднозначность и семантическая амплификация появляются скорее в результате паронимии – сходства, но не омонимической идентичности звучания/написания слов. Например, ровный – равный, ср.: авест. ravañ- ср. р. 'свободное пространство, простор', ravasčarāt- 'то, что движется на свободе', ирл. róe, róí 'ровное поле' (*rovesiā), лат. rūs, rūris 'земля, поле, сельское поместье, деревня', др.-прусс. argwīs 'настоящий, определённый', англосакс., д.-в.-н. gūm 'помещение'.

6. Изменение лексической сочетаемости. Ещё более вариативным, чем границы значений слова, его морфологический состав и дублетность/синонимия, представляется употребление. Как отмечается в [Касаткин и др. 1989], если ранее словам была свойственна большая свобода сочетаний, с развитием языка возрастает избирательность слова в его сочетаемости и усиливается идиоматичность (устойчивость коллокации и коллигации) самих словосочетаний. «Произвести влияние», «производить панику», «случилась радость», «очень помню вас», «совершенно понимал своего приятеля», «слишком знаю их точку зрения», «пачка ключей», «безвыходное уныние» – эти и подобные обороты можно встретить не только у А. И. Герцена, Д. И. Писарева, Г. И. Успенского, раннего Л. Н. Толстого, но и в письмах А. Блока, рассказах А. И. Куприна, повестях А. Н. Толстого. Ср. нормативная сочетаемость этих слов в современном языке: оказывать влияние, сеять панику, случилось радостное событие, хорошо, отчётливо помню вас, хорошо (вполне) понимал, слишком хорошо знаю, связка ключей, безысходное уныние.

Таким образом, лексическая сочетаемость становится утончённее, нюансированнее, и в то же время обязательнее. Словесные средства, составляющие коллокации, становятся разнообразнее, но и более жёстко нормированными. Однако стандартизация сочетаемости, подобно

чрезмерной нормированности и стандартизации номинаций (в том числе, фиксированной сочетаемости словообразовательных морфем), обедняет язык, сокращая способы выражения и пресекая нестандартные употребления. Тем самым, на наш взгляд, обедняется и лишается точности сама мысль и её глубина. Так, ещё в XIX–XX вв. учёные, как правило, излагали свои мысли свободным и ясным языком, понятным и неспециалистам⁸. Их ясные и чёткие высказывания выгодно контрастируют с часто встречающимися маловнятными пассажами из современных филологических диссертаций, обусловленными как канонами стиля и жанра, так и (что немаловажно) жёсткими ограничениями сочетаемости.

Особо остановимся на таком свойстве номинации в русском языке, как дедуктивность. Проявляется она в следующем. Русский язык в связи со своим синтетическим строем стремится к более чёткому закреплению значения за тем или иным обозначением, к меньшей полисемии и эурисемии. Словари показывают наличие большей чёткости в разграничении словарных значений слова в русском языке, чем в английском. В английском как аналитическом и индуктивно-номинативном языке нередко наблюдается слияние, размытость значений. *Ср.* примеры словарных статей выше из словаря *New Webster's Dictionary of the English Language (College Edition)*, где оттенки значений (семантические варианты) приводятся перечислением через запятую.

Есть основания утверждать, что когнитивно-концептуальные различия народов отражаются в их языках и, наоборот, языки обуславливают когнитивно-концептуальные особенности (из недавних исследований в области «лингвистической относительности» см. [Thibodeau, Voroditsky 2015; Voroditsky 2003]). Сам стиль мышления различается в зависимости от языка и культуры. Культурологи считают, что англоязычный когнитивный стиль (равно как и английский язык) является индуктивным в логическом аспекте, а русскоязычный и немецкоязычный стили мышления – в большей степени отражают дедуктивный логический тип (см. на примере научного стиля [Силкина 2021]). Это отражается и в текстах, и в речи, и в дискурсах, создаваемых в рамках тех или иных культур. Согласно семантическим и контент-анализам, в среднем в

⁸ Ср. стиль изложения в рассуждениях: «Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим, <...> речь основана на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам, ему подобным, то есть другим людям» (И. А. Бодуэн де Куртэнэ); система языка – это «...некая социальная ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы, объективно данное в условиях жизни этой группы» (Л. В. Щерба, с. 24–25); «Только рассматривая высшие психические функции как продукт синтезов, мы научаемся правильно распознавать их отношения с низшими, или элементарными процессами. Связь эта двоякая. С одной стороны, высшие психические функции возникают не иначе, как на основании низших: в конечном счёте, они представляют собой не физиологические процессы нового сорта, а известное сложное сочетание, сложный синтез тех же элементарных процессов» (Л. С. Выготский); «В наших исследованиях мы обратили внимание на существенное отличие поведения ребенка в шимпанзеподобной ситуации. Оказалось, что ребёнок, стоящий перед задачей овладеть какой-либо целью с помощью орудия, не только действует с ним, но и разговаривает» (ibid.).

семантическом ядре текстов на английском языке содержится большое количество конкретно-понятийной и антропоморфной лексики, а также местоименных, дейктических и служебных слов. В русскоязычных же текстах в среднем наблюдается баланс конкретных и абстрактных слов с некоторым преобладанием абстрактной (или обобщённой) лексики, при этом антропоморфная лексика используется реже (см. на примере поэтических текстов [Шелестюк, Шкарин 2021]). Бесконтрольное заимствование языковых единиц, структур, речевых практик из английского языка в русский предположительно воздействует на сам когнитивный стиль русскоязычных носителей, делая его более индуктивным, однако такие трансформации непредвиденны, «контингентны», их польза сомнительна.

Дедуктивность русского языка и индуктивность английского любопытным образом преломляются и в своеобразии этапов их изучения и употребления – они, собственно, объясняют разные уровни сложности этих этапов. Так, автор книги “Why Russians Do Not Smile” Люк Джонс уподобляет русский и английский язык прямой и перевернутой пирамидам. Изучение русского языка достаточно трудно начинать в связи со сложной грамматикой, морфологией и множеством исключений, но, если начальный период успешно преодолен (что, по наблюдению, достигается отнюдь не многими западноевропейцами), то затем обучение приобретает более простой характер в связи с достаточно эксплицитной, логичной и при этом стандартизированной и нормализованной речью. Английский же язык на начальном этапе изучать проще (за исключением, возможно, фонетики), в нём более простые по сравнению с русским грамматика и морфология, однако на уровне речи английский язык изучать и употреблять, возможно, труднее, поскольку он характеризуется большой смысловой имплицитностью, структурным и лексическим разнообразием и идиоматичностью. Таково субъективное мнение англичанина, не лишённое рационального зерна. Мы полагаем, что указанная закономерность связана именно со свойствами дедуктивности и индуктивности соответствующих языков и речи на них. В дедуктивности русского языка одновременно его сила и слабость. Сила – в ясной логической концептуализации и языковом выражении окружающего мира, слабость – в недостаточной гибкости семантических изменений, периодическом «закостенении» номинаций и употреблений понятий, перестающих отвечать реальности и целям развития.

Рассмотрим теперь роль субъективных факторов в развитии языка как системы. Как утверждают [Касаткин и др. 1989], принципом нормализации в русском языке в течение длительного времени являлось избавление от избыточных средств языка. Этот факт можно считать ориентацией на рецепцию, а не на производство речи. Ведь в процессе речевой деятельности человек исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего. При этом интересы говорящего и слушающего не совпадают и даже противоположны: говорящий заинтересован в экономии речевых усилий, в

свёртывании форм высказывания, а слушающий, напротив, хочет, чтобы всё выражаемое говорящим было максимально понятно, и, следовательно, в интересах слушающего получать эксплицитные, явно выраженные сообщения от говорящего [Панов 1963, Крысин 2021].

Ограничительный нормализаторский подход, применяющийся к русскому языку, касается всех языковых уровней. При этом за аксиому берется естественное становление языка; факт редкого употребления связывается с тем, что язык «сам очищается от средств, не способствующих эффективной коммуникации», например, от так называемых лексических «дублетов». Такая точка зрения отражается в указанном выше учебнике [Касаткин и др. 1989], в котором отмечается, что по сравнению с современной древнерусская лексика была менее организованна как система, вещь, свойство, понятие могли обозначаться не одним, а несколькими словами, между которыми не было каких-либо чётких смысловых различий (облестъ и обманъ; поличити и уличити; свѣтъ, сіяніе и свѣтительство; требуемый, нужный и полезный; благый, добрый и милосердый, заблужденіе и блудъ, по образу и подобию и т. п.). В более позднее время ещё сохранялась дублетность лексических средств (например, в XVIII в. толщина, толстота, толстость), но по мере развития русский литературный язык вместе с его грамматистами избавлялся от дублетности, вариативности названий в соответствии с коммуникативными потребностями. «В лексике сохранялось лишь то, что было связано с различием смысла или со стилистическими оттенками» [Там же]. Что касается XIX–XX вв., а также современности, то можно констатировать, что русский язык становится всё более жёстко нормализованным и ограниченным в отношении словообразования и словоупотребления.

Но является ли этот процесс языковой редукции всецело объективным, закономерным? На наш взгляд, нет. Важную роль здесь играет целенаправленная деятельность составителей словарей и справочников, которые продолжают исключать из словарей «избыточную», «дублетную», «квазисинонимическую» лексику, наряду с архаизмами и окказионализмами.

Между тем, против жёсткой нормализации, конвергенции и унификации языковых средств можно привести несколько аргументов.

Во-первых, помимо собственно денотативной семантики, в структуре значения важны коннотации, семантика внутренней формы (этимона), фоносемантика, морфосемантика. В этой связи длинные ряды идеографических, стилистических и смешанных синонимов очень ценны. Синонимы отличаются по дистрибуции, коннотациям, стилю, они могут привносить в высказывания специфический смысл, противоречивые оценки, вплоть до противоположных.

Во-вторых, нечёткость смысловых различий, текучесть и семантическая размытость – неотъемлемое свойство семантики слова, которое затрагивает и лексическую парадигматику: семантические поля,

паронимию, синонимию, антонимию, гипо-гиперонию, метонию, энантиосемию. Размытость, перетекание семантики отражает нелинейную логику языка, которая, в свою очередь, обеспечивает его коммуникативную гибкость. В этом смысле отбрасывать парадигматические варианты – «дублиеты» – значит, отрицать законы этой внутренней логики языка.

В-третьих, семантическая структура слова – это, собственно, совокупность окружающих его смыслов в существующем языковом материале, во всех встретившихся контекстах его употребления, эффективно регистрируемых и накапливаемых в настоящее время в национальных корпусах текстов. Различия словоупотребления в определённом контексте закрепляются за словом в виде словарного значения, однако получившиеся фразы полуустойчивы и полусвободны, т. е. допускают определённое варьирование. Эти фразы сродни фразеологическим сочетаниям по В. В. Виноградову, готовые речения с различной частотностью и встречаемостью в дискурсах. Таким образом, использование синонимов часто определяют сами фрагменты дискурса – контексты, в которых более уместны одни варианты и менее – другие.

Всё это означает, что избавление от т. н. «избыточной» лексики и значений в окказиональных употреблениях посредством строгой нормализации и стандартизации языка обедняет его лексический состав, морфологические и словообразовательные средства, лишает язык/речь динамики и делает менее успешной коммуникацию в смысле недостаточно тонкого выражения смысловых нюансов в зависимости от контекстов и целей говорящих.

Кроме того, нормализация в виде избавления от «избыточных» слов не способствует, а препятствует исконной языковой креативности, ведёт к «усыханию» собственно языкового и речевого творчества, во всяком случае, со стороны обычных непрофессиональных носителей. С другой стороны, как явную тенденцию следует констатировать неконтролируемый процесс заимствований в русский язык из других языков (прежде всего «мирового» лингва франка – английского), порой без ассимиляции. Это, на наш взгляд, способствует форенизации самого типа мышления принимающей части русскоязычной культуры.

Английский язык, например, не избавляется от дублиетов, образованных с помощью разных словообразовательных или заимствованных средств, но превращает их в идеографические/стилистические синонимы или закрепляет в семантически изменённом виде. Кроме того, английский язык свободно актуализирует в стилистически подходящих контекстах устаревшие и устаревающие слова и за счёт гибкости словообразовательных средств легко порождает неологизмы и окказионализмы. Активное включение всей лексики, включая архаическую, окказиональную, специальную, диалектальную, жаргонную и проч. в речь и словари расширяет нормы и увеличивает количество зарегистрированных слов в словарях английского языка по сравнению с

другими языками, включая русский. Так, Oxford English Dictionary содержит около 500 000 словарных статей, а в Большом академическом словаре русского языка зафиксировано 150 000 слов, хотя, судя, например, по свободно пополняемому словарю multitrans.com, их намного больше, возможно, лишь немногим меньше, чем в английском.

Уместно напомнить, что информационная функция языка осуществляется с помощью регулярных, повторяющихся, стандартных средств, а экспрессивная, напротив, обеспечивается средствами необычными, нерегулярными, выбивающимися из стандарта; в речевой деятельности человека и в функционировании языка две эти тенденции постоянно сталкиваются, конкурируют [Панов 1963, Крысин 2021]. Однако экспрессивная функция языка может перетекать в информационную, добавляя определенную прагматическую информацию, видоизменяя фактологическую. Жёсткая нормализация языка и речи препятствует реализации экспрессивной функции языка, одновременно ограничивая функцию собственно информирования.

Лексическая семантика и употребление текучи и многосмысленны, они призваны гибко приспособляться к выражению смыслов говорящих. В этом плане нами отрицается жесткая лексическая нормализация как принцип обеспечения чистоты речи, влекущая за собой элиминацию лексических дублетов, слишком решительное, радикальное избавление от архаизмов и слишком осторожное введение неологизмов и окказионализмов, что в совокупности сокращает количество и контекстуальное нюансирование лексики и, соответственно, выражаемых ею смыслов. Мы считаем, что о развитии языка можно говорить, если происходит усложнение лексической системы, накопление лексики, отражающей приумножение понятий и концептов, обозначенных этой лексикой.

Если определенную неупорядоченность и усложненность можно считать достоинствами в лексике (семантике, парадигматических и синтагматических отношениях лексических единиц), то в грамматике их в большой степени можно отнести к недостаткам. Речевая деятельность – основная составляющая языка в широком понимании, именно она способствует развитию языковой системы, с одной стороны, и выступает индикатором успешности выполнения языком коммуникативной функции, с другой. В настоящее время можно констатировать достаточно большие препятствия для коммуникации без помех на русском языке по сравнению с английским языком. Препятствием к развитию является, прежде всего, методологическая неполнота русской грамматики, а именно, избытие недостаточных форм при расширенной, разветвлённой системе склонений и спряжений. Недостаточные формы в свою очередь порождают ограничения сочетаемости, а значит, недостаточную гибкость словоупотребления.

Кроме того, заметим, что для разных аспектов синтаксиса и морфологии действуют разные закономерности коммуникативной успешности языка. Разнообразии тех или иных словообразовательных средств может свидетельствовать об эволюции, прогрессе, развитии языка (они способствуют увеличению лексики в историческом становлении, в диахронии). Повышает коммуникативный потенциал языка и обилие синтаксических оборотов, союзов, выражающих те или иные логические связи. В то же время, изобилие словоизменительных морфем, сложные системы склонения и спряжения, множественные исключения из правил, неполные парадигмы, недостаточные формы отдельных частей речи затрудняют выполнение языком его коммуникативных функций, следовательно, тормозят языковую эволюцию и нуждаются в решении, преодолевающим силу тенденции языковой энтропии.

Итак, обогащение и разнообразие словообразовательной и синтаксической систем могут свидетельствовать о языковой эволюции, а чрезмерная усложнённость словоизменительной системы, нарушение последовательности применения языковых законов и обилие исключений из грамматических правил (в т.ч. как следствие пристрастной нормализаторской деятельности) могут вести к языковой деволуции.

Каково положение аспектов словообразования, синтаксиса и словоизменения в русском языке в настоящее время? Следует констатировать, что современное русское словообразование является довольно закостеневшим и реактивным, способным выстраивать гибридные заимствованно-исконные лексемы, но слабо работающим на исконном корневом материале – если говорить о литературном языке. Исконный синтаксис литературного регистра русского языка также находится в «анабиозном» состоянии, синтаксические структуры застыли на уровне канцелярита XX века, также распространено заимствование англоязычных синтаксических паттернов путём «сплошной кальки». Что касается словоизменения, то в русском языке оно является сложным, причем имеет множество исключений, что затрудняет коммуникацию, не позволяет языку эффективно выполнять его основную – коммуникативную – функцию.

Находящийся в таком положении русский язык, как нам кажется, может не преодолеть достаточно агрессивное внедрение в него англоязычной лексики и синтаксиса и не сумеет ассимилировать их. В этом случае мы вновь можем говорить о возможной незапланированной перестройке лингвокогнитивного строя русскоязычных носителей.

Выходом из создавшегося положения, на наш взгляд, должен стать *планомерный* подход к развитию каждого из языковых аспектов и уровней, а также к развитию языка и речи в совокупности, в перетекании одного языкового умения в другое. При этом в целенаправленном развитии каждого уровня языка стоит учитывать как целесообразность, так и принцип *фасцинативности* – привлекательности, эмотивности, загадочной или аллюзивной эвокативности семиотических объектов на языке. Например,

возрождение интереса к древнерусской, церковнославянской письменности можно осуществлять с помощью разработки эстетикодекоративной графики наподобие готического письма, но не на германо-латинском, а на отечественном, церковнославянском, кириллическом материале. В совокупности с многовековым знанием, которое даёт раскрытие содержания каждой буквы, для молодого человека может таить несказанное очарование и эстетическое удовольствие начертание и созерцание таких писем, а от такого начертания и созерцания затем легче перейти к прилежному, глубокому чтению и постижению смысла древних русских и славянских рукописей.

В целом подсознательные процессы в восприятии «своего» и «чужого» в языковом развитии и взаимодействии языков должны изучаться с большей тщательностью. В частности, стоит изучить результаты высокой степени привыкания к иностранным словам и, напротив, отвыкания от исконных, фактически, порождающего инверсию восприятия «своего» и «чужого» у носителей национальных языков. Важный психологический закон таков, что нам нравится то, что дает эффект узнавания и привлекательно по форме, и не нравится то, чего мы не узнаём, что кажется странным и несообразным. В настоящее время можно констатировать, что попустительство внедрению латиницы в кириллические тексты привело к восприятию такого положения как нормального, латинский шрифт в кириллических текстах воспринимается людьми, даже не знающими как следует английского языка, как должное.

Более того, русский язык перестает ассимилировать заимствованные из английского наименования. В настоящее время мы наблюдаем на законодательном уровне проникновение в кириллические тексты латинских графем и символов: Covid-19, QR-code, а также систему обозначений автомобильных знаков и номеров, разнообразные рекламные тексты и т. п. Аналогично на латинице в современных информационно-публицистическом, научном и официально-деловом стилях часто пишутся имена собственные, связанные со странами, где принята латиница.

Внедрение английского языка в раннее обучение порождает более богатое и разнообразное лингвистическое и культурологическое образование на нём по сравнению с родным языком, благодаря чему даже тексты на древнеанглийском воспринимаются как более знакомые, чем на древнерусском и церковнославянском, которые не изучаются в средней школе и в меньшей степени, чем древнеанглийские, изучаются в высшей школе. К сожалению, изучение истории родного языка даже на филологических факультетах университетов оставляет желать лучшего.

Завершая пункт о системно-лингвистическом аспекте языкового развития, заметим, что многообразие языков отражает и выражает многообразие мировидения идеального и материального миров. Утрата языков, как и утрата элементов языков: прежних слов, эйдосов, концептов – обедняет общечеловеческое мировидение, делает язык как совокупность

аспектов мира ущербным для принятия мудрых решений общемирового характера. Это понуждает нас беречь исконные языки, а также историю, прошлое языков как залог грядущего языкового развития.

Дискурсивно-стилистический аспект языкового развития

Дискурсивно-стилистический аспект языкового развития означает развитие разнообразных форм речевой деятельности, накопление и анализ языкового материала, развитие норм и стандартов речевой коммуникации, разнообразие стилей, жанров, дискурсов, подязыков внутри различных сфер общественной деятельности. Обсудим этот аспект на материале истории русского языка. В отличие от западноевропейских стран, в которых эталоном для формирования высокого стиля была латынь, на Руси в качестве идеала, эталона утвердился византийско-греческий высокий стиль через церковнославянский язык Святого Писания и Предания. Становление национальной формы русского литературного языка длительное время проходило эволюционно на основе синтеза древнеславянской (церковнославянской) и русской языковой стихий. В X–XVII вв. огромное влияние на древнерусский, а потом и русский литературный язык оказывали византийские («эллинославянские/греко-славянские») стили церковнославянского письменного богослужебного и литературного языка.

Начало русской книжной традиции было обусловлено христианизацией Руси. Датой крещения Руси (988 г.) знаменуется первое южнославянское влияние на русский язык. С принятием христианства в качестве государственной религии церковнославянский язык получает статус языка официального культа, что создаёт предпосылки для его функционирования в качестве литературного языка восточных славян [Успенский 2002]. Второе южнославянское влияние в истории русского литературного языка (XIV–XVII вв.) может рассматриваться «как попытка регенерации старых языковых норм, восходящих к кирилло-мефодиевской эпохе (южнославянский извод церковнославянского языка воспринимается при этом как более архаичный)» [Там же].

Из южнославянского церковнославянского языка брались модели, которые стимулировали производство новых слов и выражений, – словообразовательные, стилистические, орфографические и т. д. Новая манера письма и устной речи характеризовалась как своеобразное «плетение словес», она создала особый *витийственный*, или витиеватый, стиль, широко использующий сложные слова, аллюзии, метафоры, риторические украшения, синонимические повторы, параллелизм и т. д. В церковнославянском языке появилось множество неологизмов, «внешне имеющих приметы церковнославянского происхождения, но в действительности никогда не употреблявшихся в церковнославянских текстах» [Там же]. Непродуктивные аффиксы стали продуктивными, *ср.* суффиксы -тель, тельн- [Keipert 1970: 151, 39], например, читатель,

хвалитель, основатель, разсудитель; оболгательный, разсудительный и др.⁹; приставки со- и воз-.

Появилось значительное количество сложных слов, состоящих из двух и более элементов, не заимствованных из какого-либо церковнославянского текста, а представляющих собой неологизмы, например, *младорастущая ветвь* (Епифаний Премудрый), *всегорделивый*, *каменноградный*, *благоумильный* и т. д. Появление сложных слов непосредственно обусловлено ориентацией на греческий язык, они следуют традиции, идущей от второго южнославянского влияния.

Также наблюдался рост литературного значения «светских» (деловых, публицистических, повествовательных) стилей русского письменного языка, расширение литературных прав бытовой речи. Две тенденции своеобразно переплелись. Образованные книжники из монашества, духовенства и высшая знать культивировали высокие риторические стили церковнославянского языка, продолжая традицию византийского «совершенного витийства». По «внутренним формам» ощущалась связь церковнославянского языка со среднегреческим. В эллино-славянских/греко-славянских стилях русского литературного языка культивировалась «высота», «извитіе словесъ», преобладали торжественные, нередко сложные слова: *разнопестровидный*, *разумоподательный*, *върокръпительный* и т. п. у Ф. Поликарпова: *рикохудожествовать*, *адоплетенный*, *тельцоліяніе* и др. у Епифания Славинецкого; *гордовысоковійствовати*, *всевидомиротворокружная* и т. п. у Кариона Истомина, риторически изощренные, цветистые фразеологические обороты, ср. *сумма-воздержанія*, *богокованный цѣломудраго воздержанія гвоздь* и другие усложнённые синтаксические конструкции. Грамматические формы образуются и употребляются в соответствии с нормами, определенными «славянской грамматикой» Мелетия Смотрицкого [Виноградов 1945, 1958]. Образность, символы, метафоры, аллегории, аллюзии, да и семантика, фразеология и синтаксис в целом отличали эллино-славянские/греко-славянские стили от латино-славянских. Сложившаяся система органически вошла в смысловой строй высоких стилей славянских языков.

Много сложных неологизмов остались на уровне окказиональных образований, нередко состоящих из большого числа компонентов. Ср. созданное в эпоху Петра I грамматическое сочинение «Технология» Федора Поликарпова (1725 г.), которое приводит примеры таких сложных слов: *всепокорнослужимый*, *премудростенаставляющебогатодарователь* и др. Но многие сложные слова, возникшие в этот период, закрепляются и из

⁹ Продуктивность этого суффикса проявляется в том, что он стал выступать средством номинализации глагольных конструкций с сохранением у имени деятеля модели глагольного управления, ср. в сатире XVII – начале XVIII в. «Служба кабаку»: «Нагие, веселитесь, се бо вам подражатель явися, голоду терпитель» (Адрианова-Перетц, 1977, с. 38); ср. еще характеристику Ф. Ю. Ромодановского в «Гистории о царе Петре Алексеевиче...» Б. И. Куракина: «Превеликой нежелатель добра никому» (Архив Куракина, I, с. 65).

церковнославянского языка попадают в русский [Виноградов 1958: 109–110].

Во время церковного раскола всё больший вес приобретали формы латинского высокого стиля, чему активно противились сторонники византийско-греческих образцов. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»), один из вождей и мучеников раскола, пишет: «...Он, Никон, словенское наречие превращал и будто лучшее избирал и печатал вместо *креста – древо*, вместо *церкви – храм*, вместо *обрадованная – благодатная* и прочие речи изменил...». Протопоп Аввакум подчёркивал своё «небрежение о красноречии», «о многоречии красных слов», называл свой язык «просторечием», «природным» т. е. исконным русским языком, противопоставляя его «виршам философским». В его речи стили разговорно-бытового русского языка сочетались с церковнославянскими, но не витийственными стилями. Вообще, в демократических раскольничьих стилях русской литературной речи XVII в. живая народная речь была вовлечена в смысловую атмосферу церковнокнижного языка и, так сказать, «освящена» им [Виноградов 1945, 1958].

Можно констатировать, что создалась своеобразная атмосфера идеологического «освящения» народного языка церковнокнижным, возвышения его до уровня литературного. В целом, следствием эллинославянского языкового взаимодействия стало то, что великое множество переводов с церковногреческого и среднегреческого на церковнославянский образовало основу для постепенного создания сложной парадигмы функциональных форм существования тогдашнего русского национального языка и его внутренней диалектической оппозиции: древнерусский (в его двух формах: разговорно-обиходной и культурно-обработанной) и церковнославянский (в его разных стилистических, жанровых и диахронных формах) варианты. Такая диалектическая противоположность подобна оппозиции в греческом языке Средних веков и Нового времени: койнè/аттицизм, а позднее димотика/кафаревуса. Главный признак такой противопоставленности – высокая языковая норма противостоит различным обиходным формам, то есть духовное противопоставляется обмирщённому (т. е. свѣтскому, мірскому). Присутствие «высокого языкового идеала» стало основным условием высокой, одухотворённой словесной деятельности, своеобразным способом воспитания духовности.

Итак, между высокими и разговорными стилями в русском языке осталась значительная граница. Данная проблема как нельзя более актуальна для современной русской словесности. Напомним о непрекращающихся попытках ввести не просто обиходные, но низовые формы языка в язык литературных произведений, о попытках стереть различия между высокими и низовыми языковыми идиомами (то есть функциональными вариантами языка), о “поновлении” церковнославянского языка [Славягинская 2014: 188–189]. Стоило бы

оценить эту направленность количественно и качественно через лексические изменения и через аналитику состояния высокого стиля в национальном языке.

В целом, у идеи смешения «высокого» стиля с «низким» в русской словесности было большое количество оппонентов, считавших такое положение смертью культуры языка. Поэтому, в отличие, например, от англоязычных стран (см. пункт выше «Системно-лингвистический аспект языкового развития»), разговорный стиль в России так и не проник в большой степени в литературный язык и высокую словесность.

С конца XVII в. русская лексико-фразеологическая система начала приспособлять к словообразованию церковнославянского языка заимствования из западноевропейских языков, преимущественно из немецкого, с помощью калькирования. Ср. в пьесе «Юдифь»: *живи благо* (lebe wohl); *отключити* (aufschliessen); венцы *осажденные* (besetzt); осадят пути стражею; *беспохвальный народ* (unlobliches Volk); *отмиуся над* сими псами (sich rachen), в пьесе «Сципио Африкан, вождь римский, и погребение Софонизбы, королевы нумидийския»: *счастье-падение* (Gluckfall); побеждение на обе стороны *висело* (schwebte) и др.

В XVII–XVIII вв. шло достаточно активное заимствование русским языком западноевропейских понятий из официально-письменного, публицистического, общественно-делового, светско-бытового стилей литературной речи. Произошло стилистическое расслоение в письменно-книжном языке, промежуточном между церковно-литературной речью, социальными разновидностями письменно-бытовой речи и устным просторечием. Свою обеспокоенность будущностью языковой культуры отмечал К. С. Аксаков: «...язык церковнославянский становится орудием произвольных вымыслов... поразительно звучат в нём, резко противопоставляясь с его характером и формами, тривиальные народные и иностранные слова и выражения, на которых лежит печать современности... Этот беспорядок, это странное, будто бы разрушающееся состояние указывает на новый порядок, на новую жизнь, уже ближущуюся и смутившую прежнее состояние...» (цит. по [Виноградов 1945]).

Теория трёх стилей М. В. Ломоносова сгладила противостояние, отведя каждому языку, точнее «подязыку», или «штилю», свою сферу применения («высокую», «среднюю» и «низкую»). Трёхстилевое упорядочение вело к выработке фонетических, морфологических и иных грамматических и лексико-фразеологических различий. Для высокого слога разрабатывались особые риторические приёмы. Это, как отмечал В. В. Виноградов, противоречило речевой практике образованных слоев общества, хотя и приближало обиходную речь русского общества к уровню литературной в семантике русского литературного языка [Там же].

Тяготение к отвлечённым, абстрактным словам и оборотам, созданным по церковнославянским образцам, сохранялось на протяжении всего существования русского языка. В этом видятся отголоски религиозно-

культового, священно-символического отношения к словам в их богословско-схоластической интерпретации. Экспрессивность разговорной речи не смогла заместить или вытеснить высокого риторического пафоса слов и оборотов церковнославянских образцов, которые утвердились и до сих пор преобладают в высоких стилях русского языка. Так, В. К. Третьяковский совершил несколько неудачных попыток переустройства литературного языка на основе разговорной речи образованных слоев города в 1750–1760 гг., но вернулся к культу церковнославянского языка.

Внедрение французского языка и его стилистической культуры несколько осложнило языковую ситуацию второй половины XVIII в. Это внедрение сопровождалось настойчивыми опытами синтеза с церковнославянской культурой. Проявлялась и тенденция отрыва от славянского синтеза, рожденного первым и вторым историческим южнославянским влиянием, и сближения русского общественно-бытового языка с французским. Французский элемент в речевом обиходе высших слоев общества, «дворянский салон» и бытовавший в нём «щегольской жаргон», сопровождался распространением галлицизмов. Это, вкупе с перестройкой жанровой системы русской литературы XVIII в., привело к распаду системы «трёх стилей» и вытеснению её из литературно-языковой практики. Произошла модификация высокого и среднего стилей на основе амальгамации церковнославянского языка, южнославянских высоких форм, русской бытовой речи и европейской литературной стилистической системы. Можно констатировать определенное сближение русской литературной речи с формами европейской словесности (как и русской культуры с европейскими культурами), хотя проникновение упрощённых обиходных форм в высокие стили, свойственное, например, английскому языку, так никогда и не стало отличительной чертой русского языка, в котором стилистическая дифференциация оставалась чёткой.

С конца XVII века для обозначения разнообразных филологических понятий в филологической науке стали использоваться термины «стиль», «стилистика». В XVIII–XIX вв. в России широко применялась теория «трёх стилей» М. В. Ломоносова, классифицировавшая лексические и другие средства языка с точки зрения принадлежности к трем стилям. При этом стилистические исследования были связаны с практической стилистикой (нечётко отделённой от поэзии и риторики) и со стилистикой художественной речи (анализ стиля писателя, характеристика использованных писателем стилистических пластов и единиц языка). Проводились исследования о стиле художественных произведений, о стиле автора (Ф. Прокопович, В. К. Третьяковский, Ф. И. Буслаев).

Таков в схематических чертах путь развития русского литературного языка до XX в. Отличные построения эволюции русского литературного языка встречаем в концепциях Г. О. Винокура и Б. В. Томашевского. Винокуровское исследование было дано сквозь призму литературного

процесса, сложной, но достаточно чёткой системы жанров XVIII в. [Винокур 1959], а у Б. В. Томашевского особое внимание уделялось литературно-стилистическим направлениям и течениям («архаисты» и «новаторы»).

Важным компонентом дискурсивно-стилистического аспекта языкового развития является стилистическая дифференциация лексики, ср. увеличивать (капитал) – нейтр., приумножать – книжн., округлять – разг.; ловкий (в работе) – нейтр., хваткий, хватистый, сноровистый – разг.; угождать (кому-либо) – нейтр., ублажать (кого-либо) – разг., потрафлять (кому-либо) – просторечие. Пока в языке не было чёткой и детальной дифференциации стилей, стилистические границы между подобными словами были размытыми [Касаткин и др. 1989].

Заметим, что в целом в развитом языке бывает полезно проникновение живых идиоматических форм в литературный язык, оно обеспечивает значительную номинативную и экспрессивную гибкость речи, например, нельзя однозначно отрицательно оценивать идиоматичность и литературно-разговорные обороты, широко используемые в газетно-публицистическом, да и научно-популярном стилях англоязычных изданий. Но при этом подчеркнем, что важен не столько факт проникновения разговорных форм в высокие стили, сколько сам принцип пополнения лексики этих стилей с помощью *исконного языкового материала*. Вместе с тем, традицию достаточно строгой дифференциации высоких и обиходных стилей, сложившуюся в русском языке, целесообразно сохранять и поддерживать и впредь.

К сожалению, в настоящее время в русском языке стилистическая дифференциация обнаруживает явный дисбаланс: большая часть новых слов из исконного морфологического материала народов России создаётся и бытует в разговорном стиле и его подстилях, высокие же стили пополняются заимствованиями, причём преимущественно транскрипцией/транслитерацией (с русифицированной суффиксацией и словоизменением), которые кроме всего прочего вносят весьма осложнённую проблематику в русскую орфографию.

Развитие языка предполагает накопление и разнообразие словесных произведений, а также развитие стилей. В этом особую роль играет богатство лексики, как можно более обширный ресурс слов, с помощью которых можно выразить сколь угодно сложные смыслы. Развитию исконной литературной лексики способствуют своевременные попытки регистрировать неологизмы, удачные окказионализмы, возродить важные архаизмы на исконном словообразовательном материале, и тем самым обогащать русский язык на лексическом уровне. На наш взгляд, в отношении пополнения лексического запаса русского языка пристального внимания заслуживают три источника.

Первый источник, из которого высокие стили русского национального языка могли бы почерпнуть ресурсы, предоставляет богатое наследие

произведений, написанных на церковнославянском языке, а также в имитирующем его витийственном стиле. Ценны и сами способы словообразования и словосложения из старославянских основ. Мы полагаем, что правомерно возрождать выразительные и семантически точные, хотя и считающиеся устаревшими и не имеющие хождения слова и обороты, по крайней мере, в книжных стилях – беллетристике и публицистике. С этой целью целесообразно скрупулезно и подробно компилировать корпуса русского языка и национальных языков России разных эпох, анализировать их и отбирать заслуживающие возрождения лексические единицы и речения.

В качестве второго источника пополнения литературного языка назовем практику неологизации, создания неологизмов и художественных окказионализмов на основе исконного словообразовательного материала. Яркий пример преднамеренной деятельности по созданию удачных неологизмов, в том числе из исконных словообразовательных основ, представляет «Проективный словарь русского языка» М. Н. Эпштейна, задуманный в 2000 г. и призванный регистрировать и творчески расширять «лексические, грамматические и концептуальные возможности русского языка». Словарь включает слова, «которых в языке еще нет, но которые могли бы в нем быть, а иные – и должны быть, а некоторые уже вошли или входят в язык»¹⁰. Такого рода словарь целесообразно было бы совмещать с ресурсом, где проводился бы ежегодный конкурс «Слова́ года», на котором пользователи и авторитетное жюри могли бы определять наиболее яркие, семантически точные, концептуально полезные лексические единицы и фразеологические обороты, появившиеся в текущем году.

Третьим полезным источником пополнения литературного русского языка мог бы стать и постоянно обогащающийся повседневный и просторечно-жаргонный язык. В этом отношении ценность представляет «Словарь языка интернета» М. А. Кронгауза с соавторами [2018] и подобные ему компиляции. Будучи усовершенствованными до возможностей пополнения в реальном времени, такие словари могли бы предоставить богатый материал насущных живых речений и ярких слов из разнообразных форумов, блогов, обсуждений, где пользователи нередко употребляют семантически точные лексические инновации и риторические

¹⁰ Эпштейн М. Н. Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна // URL: <https://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon> (01.05.21). Ср. приведенные М. Эпштейном «креативные» неологизмы, включая сложные слова по аналогии с эллино-славянскими композитами: злобвечный – то, что составляет злобу века или вечности; начекизм (от «начеку») – сверхбдительное отношение к любым отступлениям от политической корректности; разномирный, разномирец – человек, принадлежащий другому миру (обществу, культуре, системе ценностей); мы с ним разномирцы; расприроднить (кого, что) – изъять из природы, упразднить природное начало: техническая цивилизация все больше расприроднивает человека; ужаток – ужатый в объеме или весе товар; перлопечатник (ср. первопечатник) – тот, кто печатает только перлы; автор или издатель со строжайшими критериями отбора: перлопечатников мало на свете; безупречный – тот, кто не склонен к упрекам, никого не упрекает; душеядность – стремление подчинить себе чужую душу, присвоить ее энергию, витальность; самотушитель – человек, погашающий свой собственный дар, истребляющий себя духовно и т. д. [Эпштейн Интернет-ресурс].

ценные образцы речи. Наиболее удачные из них можно было бы популяризировать и рекомендовать к использованию и в литературном языке. Однако в отношении литературного языка такие источники следует использовать с осторожностью из-за сниженного регистра большинства лексем и большого количества форенизмов.

Заключение

Сделаем некоторые выводы из вышеизложенного.

1. Развитие есть явление, в котором сочетаются повторяемость определённых базовых функций системы и линейность количественно-качественных изменений, оно предполагает изменения системы в сочетании со спиралевидной наследуемостью ее базовых характеристик. При этом качества системы, появляющиеся в результате развития, демонстрируют необратимость, направленность, закономерность, без актуализации этих признаков речь может идти об изменениях без развития. Из этого следует возможность и в определенном отношении обязательность управления, стимулирования и контроля процессов развития. Все вышесказанное относится и к развитию языка как системы.

2. В социолингвистическом (функциональном) аспекте языкового развития следует учитывать, что в настоящее время развитие живых языков часто не регулируется, но происходит стихийно. Попытки регулировать, направлять развитие языков происходят при осознании их явного регресса, инволюции или утраты, в т. ч. в связи с угрозой лишения государственного суверенитета в культурной и языковой основе. Но язык – важнейшая форма общественного сознания, функционирование и развитие которой не должны быть пущены на самотёк и в отсутствие очевидных угроз. Помимо прямого государственного законодательства, регулирование языкового развития возможно осуществлять избирательным финансированием, по аналогии с выделением финансов на создание произведений культуры. Для решения проблемы деволюции национальных языков необходим пересмотр отношения к «мировому английскому», поскольку достаточно очевидны экспансионистское подавление и форенизация культур и родных языков. Полагаем, что в перспективной языковой политике нужно более категорическое решение проблемы определения лингвизма (языковой дискриминации) и лингвицида (языкового этноцида). Противоположностью этому будет выработка положительного отношения к пуристической языковой направленности в пределах национальной и этнической языковой политики, которая должна включать и усилия консервативной направленности, сохраняющей прошлый языковой опыт, и новые творческие движения в области словотворчества и сочинительства. Эту направленность возможно оценивать количественно. Как свидетельствует история, пуризм, движение в культуре, направленное на очищение языка от иностранных заимствований и изучение родного языка в его древнем состоянии, способствовали народному единству в тяжёлые периоды войн,

национально-освободительных процессов, стимулировали рост созидательного национального самосознания.

3. В системно-лингвистическом аспекте важно учесть существование разнонаправленных внутриязыковых процессов вариативности (дифференциации, дивергенции) языковых средств для обеспечения гибкого выражения речевого замысла, с одной стороны, и их унификации (конвергенции или отбора) с целью экономии языковых средств (речевых усилий), с другой. Необходимо соблюдать постоянный баланс между двумя тенденциями, дабы не размыть языковые нормы и стандарты чрезмерной вариативностью, дифференциацией языковых средств, с одной стороны, и не обеднить, и не обездвижить речевой и креативный потенциал языка избавлением его от так называемой «избыточной» исконной лексики посредством строгой «уменьшительной» нормализации и стандартизации языка. Уменьшение лексического состава, ограничение словообразовательных средств делают менее успешной коммуникацию в связи с недостаточно тонким выражением смысловых нюансов в зависимости от контекста и целей говорящих. Кроме того, ревностная нормализация в виде избавления от «избыточных» слов («дублетных» синонимов, архаизмов, окказионализмов) может препятствовать исконной языковой креативности, вести к «усыханию» собственно языкового и речевого творчества, во всяком случае, со стороны обычных непрофессиональных носителей. С другой стороны, явной тенденцией становится неконтролируемый процесс заимствований в русский язык из других языков (прежде всего «мирового» лингва франка – английского), порой без особой формальной ассимиляции. Это, на наш взгляд, способствует форенизации, остранению как языка, так и самого типа мышления принимающей части русскоязычной культуры. Чрезмерные заимствования следует контролировать.

В отношении системы языка требуется сочетание нормализации и либерализации. Грамматика нуждается в упорядочении, выведении логичных правил с минимальными исключениями и ограничениями и жёсткой регламентации. Лексике же должна отводиться большая свобода употребления и развития, наряду с чёткой лексико-семантической структурой должна быть представлена и расширенная семантика слов, включая культурные-символические, исторические и контекстуальные значения, синонимическое разнообразие.

Важно изучение лексической системы национального языка в ономасиологическом аспекте, прежде всего, в связи с номинацией с помощью исконных лексем и морфем, нацеливание ее на развитие в гармонии с онтологией этого языка. В семасиологическом аспекте важно оценивать развитость синонимических и антонимических рядов, семантических полей. Необходима разработка обширных национальных идеографических словарей и тезаурусов, словарей синонимов и антонимов и проч.

4. Рассуждая о дискурсивно-стилистическом аспекте языкового развития следует отметить, что здесь преобладает влияние традиции. Если в протестантских странах граница между высокими и разговорными регистрами оказалась размыта (благодаря императиву говорить «библейский языком»: ясно, просто, идиоматично, доступно для людей), то в русской традиции сохранилась достаточно чёткая граница между разговорной (включая литературно-разговорную) речью и речью чисто литературной (книжной, публицистической, официальной, научной). На наш взгляд, из традиций и истории развития стилей в конкретном языке следует исходить в планировании языкового развития. В русском языке присутствие «высокого языкового идеала» стало условием высокой, одухотворённой словесной деятельности, своеобразным способом воспитания духовности. Данная проблема как нельзя более актуальна для современной русской словесности.

Развитию национальной литературной лексики способствуют своевременные попытки регистрировать удачные неологизмы, окказионализмы, возрождать ценные архаизмы на исконном словообразовательном материале, тем самым обогащая русский язык на лексическом уровне. В отношении пополнения лексического запаса русского языка внимания заслуживают возрождение и имитация церковнославянских моделей словообразования; производство семантически точных и выразительных неологизмов и окказионализмов на исконном морфемном материале, калькирование иноязычных заимствований; отслеживание и компиляция в реальном времени удачных лексем и оборотов в живом интернет-общении на исконном морфемном материале.

Список источников

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики / В. А. Аврорин. – Ленинград: Наука, 1975. – 276 с.
2. Арсеньева, М. Г. Введение в германскую филологию / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков [и др.]. – Москва: ГИС, 2000. – 321 с.
3. Баскаков, Н. А. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация / отв. ред. чл.-корр. АН ТССР Б. Чарыяров; Академия наук Туркменской ССР, Институт языка и литературы им. Махтумкули. – Ашхабад: Ылым, 1988. – 140 с.
4. Берков, В. П. Современные германские языки / В. П. Берков. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: АСТ: Астрель, 2001. – 336 с.
5. Виноградов, В. В. Великий русский язык / В. В. Виноградов. – Москва: ОГИЗ: Государственное издательство художественной литературы, 1945. – 172 с.

6. Виноградов, В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка / В. В. Виноградов. – Москва: Изд. Акад. наук СССР, 1958. – 138 с.
7. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – Москва: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
8. Гаджиева, Н. З., Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис / отв. ред. Э. Р. Тенишев; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1986. – 283, [1] с.
9. Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика: к основам общей теории / Ю. Д. Дешериев. – М.: Наука, 1977. – 382 с.
10. Иванов, В. В. Звуковые законы // Русский язык: Энциклопедия / под редакцией Ю. Н. Караулова. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 136–137.
11. Исаев, М. И. О языках народов СССР / М. И. Исаев. – Москва: Наука, 1978. – 221 с.
12. Касаткин, Л. Л. Русский язык: учебник в 2 ч. / Л. Л. Касаткин, Л. П. Крысин, М. Р. Львов [и др.]. Ч. I. Введение в науку о языке. Русский язык. Общие сведения. Лексикология современного русского литературного языка. Фонетика. Графика и орфография / под редакцией Л. Ю. Максимова. – Москва: Просвещение, 1989. – 287 с.
13. Клоков, В. Т. Современный взгляд на развитие французской языковой политики. Часть II / В. Т. Клоков // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2009. – Т. 9. – № 3. С. 3–10.
14. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург: Юна, 2002. – 444 [3] с.
15. Кронгауз, М. А., Мерзлякова, В. Н., Литвин, Е. А. Словарь языка интернета.ru / под редакцией М. А. Кронгауза. – Москва: АСТ-Пресс, 2018.
16. Крысин, Л. П. О русском языке наших дней / Л. П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. – Пермь: Перм. ун-т, 2002. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>
17. Крысин, Л. П. Михаил Викторович Панов (К столетию со дня рождения) / Л. П. Крысин // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2021. – Том 80. – № 2. – С. 116–122.
18. Леонтьев, К. Н. Храм и Церковь / К. Н. Леонтьев. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. – 480 с.
19. Милославский, И. Г. Постулаты лингвистики на службе речевой деятельности на русском языке / И. Г. Милославский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2020. – Т. 79. – № 3. – С. 13–23.
20. Муллагалиева, Л. К. Онтологическое содержание становления русского языка в небытие: диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук по ВАК РФ 09.00.01. – Уфа: УфГУ, 2012. – 325 с.

21. Никольский, Л. Б. Синхронная социоллингвистика (теория и проблемы) / АН СССР, Ин-т востоковедения / Л. Б. Никольский. – Москва: Наука, 1976. – 168 с.
22. Панов, М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века / М. В. Панов // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1.
23. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – Москва: Наука, 1968. – 376 с.
24. Серебренников, Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка / Б. А. Серебренников / АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1968. – 128 с.
25. Силкина, О. М. Структура научной аннотации: интегральная модель (на материале английского, немецкого и русского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. – Челябинск, 2021.
26. Славятинская, М. Н. Древнегреческий язык в Греции XVIII–XX вв. Роль древнегреческого языка в формировании норм новогреческого литературного языка / М. Н. Славятинская // Двойной портрет – IV (Константы русской культуры: классический греческий язык и эллинский мир. Эллинисты: языковеды и педагоги): сборник статей. – Москва: Филоматис, 2014. – С. 210–218.
27. Славятинская, М. Н. Типы русско-греческих языковых отношений на Руси/в России / М. Н. Славятинская // Двойной портрет – IV (Константы русской культуры: классический греческий язык и эллинский мир. Эллинисты: языковеды и педагоги): сборник статей. – Москва: Филоматис, 2014. – С. 174–192.
28. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
29. Тилова, Г. А. Синонимия лесоводческих терминов (на примере немецкого, русского и узбекского языков) / Г. А. Тилова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 9 (455). – Филологические науки. – Вып. 126. – С. 184–191.
30. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.
31. Швейцер, А. Д. Современная социоллингвистика / А. Д. Швейцер. – Москва: Наука, 1976. – 174 с.
32. Шелестюк, Е. В., Шкарин, Д. Л. Концептуальный состав англоязычной поэзии о Второй мировой войне в сопоставлении с советской военной поэзией // Когнитивные исследования языка. – № 2 (45), 2021. – С. 553–565.

33. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
34. Эпштейн, М. Н. Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна. – URL: <https://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon>
35. Юдин, Э. Г. Развитие / Э. Г. Юдин // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва: Сов. энциклопедия, 1975. – Т. 21. – 635 с.
36. Языковая номинация / кн. I: Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – 359 с.
37. Языковая номинация / кн. II: Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – 356 с.
38. Benor, S. V. A Research Agenda for Comparative Jewish Linguistic Studies / S. V. Benor, V. Hary // Languages in Jewish Communities, Past and Present. Mouton de Gruyter, 2018. – P. 672–694.
39. Boroditsky, L. Linguistic relativity / L. Boroditsky // Nadel L. Encyclopedia of cognitive science. – London: Macmillan, 2003. – P. 917–922.
40. Croft, W. Explaining Language Change: An Evolutionary Approach / W. Croft. – London: Longman, 2000. – 287 p.
41. Ferguson, Ch. A. Diglossia / Ch. A. Ferguson // Word. 15:2, 1959. – P. 325–340.
42. Frye, Steven. The Ode Less Travelled: Unlocking the Poet Within. London: Arrow Books, 2007. – 220 p.
43. Galperin, I. R. Stylistics / I. R. Galperin. – Moscow: Vysshaya shkola, 1977. – 334 p.
44. Geeraerts, D. Conceptual Structure and Conceptual Variation / D. Geeraerts. – Shanghai: Foreign Language Education Press, 2017. – 333 p.
45. Geeraerts, D. Cognitive restrictions on the structure of semantic change / D. Geeraerts // Historical semantics. Historical word-formation / ed. by Jacek Fisiak. – Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1985. – P. 127–154.
46. Hull, D. L. Science as a Process: An Evolutionary Account of the Social and Conceptual Development of Science / D. L. Hull. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – 586 p.
47. Keipert, H. Zur Geschichte des kirchenslavischen Wortguts im Russischen / H. Keipert // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 35, H. 1, 1970. – S. 147–169.
48. Keller, R. On Language Change: The Invisible Hand in Language / R. Keller. – London: Routledge, 1994. – 182 p.
49. Peterson, D. J. The Art of Language Invention / D. J. Peterson. – London: Penguin Books, 2015. – 292 p.
50. Thibodeau, P. H., Boroditsky, L. Measuring Effects of Metaphor in a Dynamic Opinion Landscape. PLoS ONE 10(7), 2015: e0133939. doi: 10.1371/journal.pone.0133939

РАЗДЕЛ 2. ТЕКСТ, ДИСКУРС, ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЭКСПЕРТИЗА

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЖАНРОВ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗЦОВ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ДЕЛОВОГО ПИСЬМА)

Абдуллаева Ф. Э., Денисова Э. С., Рабенко Т. Г.

Настоящий материал нацелен на описание делового письма как жанра письменной деловой коммуникации, рассматриваемого в сопоставительном аспекте. На материале русских и китайских деловых писем развивается идея возможного представления текста делового письма как совокупности жанрообразующих признаков, детерминированных типизированностью и регламентированностью официально-делового стиля. Однако при некоторой однотипности (формально-структурной, содержательной, языковой) представляется возможным обнаружение и национально-специфических характеристик этой жанровой формы. Анализ деловой корреспонденции осуществляется по ряду параметров. Среди них выявление речевой интенции автора делового письма с учетом языкового воплощения текста; описание структурных элементов делового письма; рассмотрение этикетных речевых формул, используемых в эпистолярном тексте; выявление признаков сходства и различия на языковом (лексическом и грамматическом) и формально-структурном уровнях реализации письма; определение возможных дополнительных семиотических средств текстового воплощения письма. Осуществляемое с позиции межкультурной коммуникации данное исследование обнаруживает сходство и различие деловой корреспонденции в русском и китайском языках. В силу того, что деловая корреспонденция подчинена международному стандарту, в рамках жанровой организации эпистолярного текста деловое письмо в его русском и китайском вариантах существенных различий не обнаруживает. Выявляется некоторая однотипность русских и китайских деловых писем, обусловленная стандартизованностью и регламентированностью официально-деловой коммуникации. Эта однотипность проявляется в наличии трехчастной структуры эпистолярного текста, этикетной рамки (речевые формулы приветствия в начале письма, прощания при его завершении и пр.). Однако при всей типизированности делового письма данный жанр письменной деловой коммуникации обнаруживает и национально-специфические черты, что проявляется в наличии особых конструкций, свойственных одной из лингвокультур. Русскому деловому письму свойственна безличность повествования и сдержанность изложения. Для китайского делового письма характерно более яркое эмоциональное выражение при изложении (о чем свидетельствуют речевые формулы пожелания, благодарности и просьбы), стремление к подробному описанию всех деталей и точности изложения.

Для китайского благодарственного письма наличие обращения к адресату строго обязательно, в русском благодарственном письме обращение факультативно, но употребление его желательно, исходя из задач речевого этикета.

Ключевые слова: деловое письмо, электронная деловая переписка, официальная деловая переписка, частная деловая переписка, китайский язык, межкультурная коммуникация, цифровой этикет

CROSS-CULTURAL COMPARATIVE ANALYSIS OF BUSINESS COMMUNICATION (BASED ON THE RUSSIAN AND CHINESE BUSINESS LETTER SAMPLES)

Abdullayeva F. E., Denisova E. S., Rabenko T. G.

The study is aimed at describing a business letter as a genre of written business communication, considered in a comparative aspect. Based on the material of the Russian and Chinese business letters, the idea of a possible text presentation of a business letter as a set of genre-forming features determined by the typification and regulation of the official business style is developed. However, with some uniformity (formal-structural, content, linguistic), it seems possible to detect national-specific characteristics of this genre form. Analysis of business correspondence is carried out according to a number of parameters. Among them, it is the identification of the speech intention of a business letter's author, taking into account the linguistic embodiment of the text; description of the structural elements of a business letter; consideration of etiquette speech formulas used in the epistolary text; identifying signs of similarity and difference at the linguistic (lexical and grammatical) and formal-structural levels of writing implementation; determination of possible additional semiotic means of the textual embodiment of the letter. Carried out from the standpoint of intercultural communication, this study reveals the similarities and differences between business correspondence in Russian and Chinese. Since business correspondence is subject to the international standard, within the framework of the genre organization of the epistolary text, a business letter in its Russian and Chinese versions does not reveal significant differences. Some uniformity of Russian and Chinese business letters is due to the standardization and regulation of official business structure. This uniformity is manifested in the presence of a three-part structure of the epistolary text, an etiquette frame (speech formulas of greeting at the beginning of a letter, farewell at its completion, etc.). However, despite the typification of a business letter, this genre of written and business communication also reveals national-specific features, which is manifested in the presence of special structures characteristic of one of the linguistic cultures. Russian business letter is characterized by impersonal narration and restraint of presentation. Chinese business letter is characterized by a more vivid emotional expression in the presentation (as evidenced by the speech formulas of wishes, gratitude and requests), striving for a detailed description of all the elements and

accuracy of presentation. The presence of an appeal to the addressee is strictly necessary in a Chinese grateful letter; in a Russian grateful letter the appeal is optional, but its use is desirable, based on the tasks of speech etiquette.

Keywords: commercial letter, electronic business correspondence, official business correspondence, private business correspondence, Chinese, intercultural communication, digital etiquette

Введение

Настоящее исследование посвящено рассмотрению специфики делового письма в бизнес-коммуникации. Являясь частью делового общения, бизнес-коммуникация подразумевает деятельность, направленную на «достижение определенных интересов и целей в профессиональной бизнес-сфере» [Романова 2017: 78]. Будучи жанровым воплощением делового дискурса, деловое письмо рассматривается с позиции его типологизированности, обусловленной принадлежностью к официально-деловой сфере с ее стандартизованностью и унифицированностью, и вместе с тем с позиции его идиоэтнической специфики, сопряженной с функционированием делового письма в различных национальных бизнес-сферах.

Под деловым (иначе служебным) письмом понимается «письменное обращение к должностному лицу (представляемому им предприятию, организации, учреждению), подготовленное в соответствии с правилами переписки» [Васильев 2011: 5].

Деловое письмо имеет давнюю традицию научного изучения. Оно рассматривается с различных исследовательских позиций: жанроведения [Дербишева 2014; Замуруева 2013], межъязыковой коммуникации [Абдуллаева 2019; Дятлова 2013; Калинина 2014; Корец 2010; Ненашева 2018; Суцзюань 2015; Тан Хань 2011], документной лингвистики [Колтунова 2017; Кузнецов 2012; Отургашева 2012; Рабенко 2015; Сологуб 2009; 张保忠 2010], лингводидактики [Готлиб 2006; Горелов 1979; Дашевская 2011; Голев 2014; Голев 2015; Ли Гэнвэй 2017], речевого и сетевого (цифрового) этикета [Балакай 2001; Кронгауз 2012; Карепина 2019; Лукинова 2020; Кожеко 2020; Денисова 2022].

Данное исследование вписывается в контекст современной документной лингвистики, направленной на изучение лингвистических особенностей документооборота, знаковых средств, специфики и закономерностей их использования в документных текстах. Помимо этого, принимаемое исследование включается в парадигму современного жанроведения. Жанр трактуется как тип построения и оформления текста, определяемый конвенциями социокультурной ситуации, целеустановками коммуникантов и их коммуникативными стратегиями [Бахтин 1996].

Материал и методы исследования

Фактологическую базу настоящего исследования составляют личные архивные материалы авторов статьи – всего 110 единиц: 40 русских и 40

китайских электронных деловых писем, относящихся к официальной сфере общения (письмо-подтверждение, письмо-запрос, письмо-просьба), а также 15 русских и 15 китайских электронных деловых писем, относящихся к неофициальной (частной) сфере общения (письмо-приглашение, благодарственное письмо, поздравительное письмо). В целях соблюдения конфиденциальности используемого материала все названия, имена и телефоны организаций изменены. Авторами статьи осуществлен перевод архивных материалов электронной деловой переписки с китайского языка на русский язык.

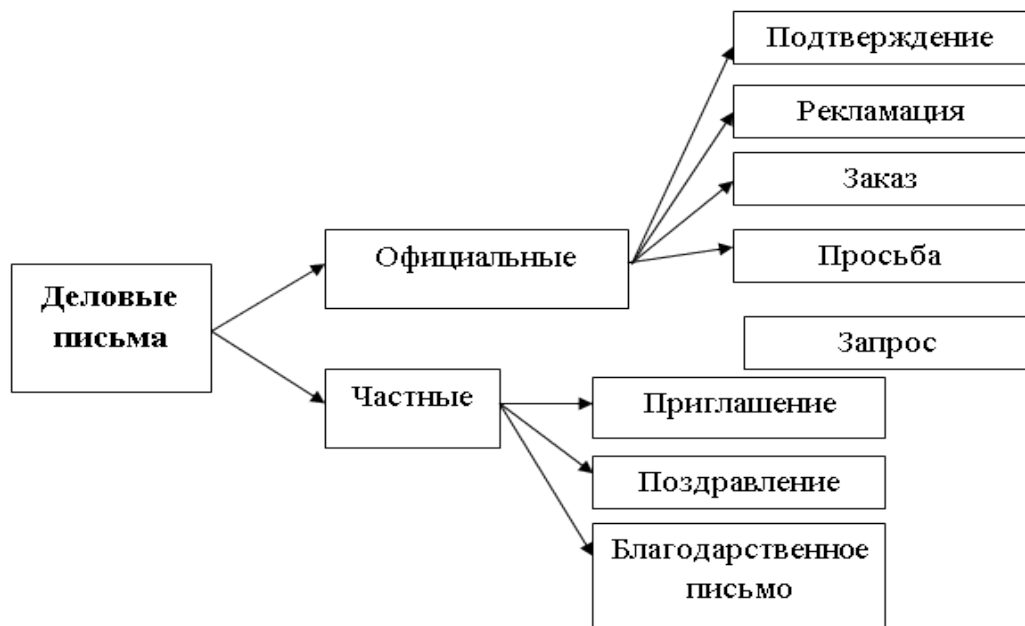
В данной работе используется ряд методов: метод научного описания, сопоставительный метод, метод классификации разнородного языкового материала.

В рамках исследования сопоставительный анализ деловой корреспонденции на русском и китайском языках осуществляется по ряду параметров. Алгоритм рассмотрения деловых писем включает следующие этапы:

- 1) выявление речевой интенции автора делового письма с учетом языкового воплощения текста;
- 2) описание структурных элементов делового письма; выделение главных частей письма: введения, основной части, заключения;
- 3) рассмотрение этикетных речевых формул, используемых в эпистолярном тексте;
- 4) выявление признаков сходства и различия на лексическом и грамматическом уровнях реализации письма, на уровне его структурной организации;
- 5) определение дополнительных семиотических средств текстового воплощения письма.

Результаты исследования

Установлено, что деловое письмо является средством общения между бизнес-партнерами, и оно, как правило, отвечает на многочисленные вопросы, решаемые в рамках бизнес-общения. Этим обуславливается многообразие видов деловой корреспонденции (см. схему «Классификация деловых писем»).

Официальные деловые письма

Официальные деловые письма предназначены для осуществления коммуникации между участниками бизнес-процессов. Официальная деловая корреспонденция (электронная и бумажная) формализована, стиль изложения характеризуется лаконичностью и ясностью. Как правило, текст письма содержит специализированную терминологию.

Электронные письма считаются наиболее эффективным инструментом деловой коммуникации, так как отличаются скоростью передачи информации и позволяют практически мгновенно решить множество рабочих вопросов различного характера (организационных, коммерческих, технических, юридических и т. п.). В структуре делового электронного письма выделяются следующие компоненты:

- тема письма [Лукинова 2020: 16];
- обращение (приветствие) [там же: 38];
- текст (короткий и информативный) [там же: 15];
- благодарность в конце переписки [там же: 39];
- прощание («С уважением...») + подпись (фамилия, имя, отчество, должность, название организации, альтернативный способ связи) [там же: 98];
- прикрепленные файлы (если в тексте есть формулировка «прикрепляю к письму...») [там же: 48].

Использование таких форм вежливости, как «обращение, приветствие, представление, прощание, подпись» носит обязательный характер во время любой электронной переписки, за исключением дублирования компонента «представление», если письмо является ответом на другое [там же: 15]. Также в деловом письме рекомендуется обращение к партнеру на «Вы», если адресат – один человек, и на «вы» – если адресатов несколько.

В этих характеристиках проявляется «близость электронного делового письма с традиционным деловым письмом» [Кожеко 2020: 124].

Ниже проанализированы 3 разновидности официальных деловых писем – письмо-подтверждение, письмо-запрос и письмо-просьба.

Письмо-подтверждение и его структурно-содержательная характеристика

Письмо-подтверждение – служебное письмо, в котором адресат подтверждает получение сведений, документов или других материалов, подтверждает ранее достигнутые договоренности, намерения, например, «согласие с условиями договора, участия в конференции, а также наличие места в гостинице, аренду зала, предоставление льгот и др.» [Нечаева 2022: 93].

Обязательной частью электронного письма является тема сообщения, служащая облегчению поиска и идентификации деловых писем [Лукинова 2020: 16]. Тема формулируется лаконично и отражает основную идею письма. В приведенном ниже примере темой деловой переписки является 招标确认书 zhāobiāo quèrèn shū – подтверждение тендера (см. Письмо № 1).

Письмо № 1. Письмо-подтверждение

投标确认书

 16:42
Кому: вам

尊敬的Fatima Abdullayeva,

请告知尊敬的Vadim Mikhailovich, 我公司承诺如下:

- 一、我公司已于2018年04月16日报名参加贵方“AUK Glonass”招标工程的招标工作。
- 二、我公司将积极响应贵方参加本工程招标。现派柳功权到贵方接洽, 购买招标文件。
- 三、我公司拟派项目负责人为招投标部首席专家。

祝您们工作顺利!

联系人: 珠相索, “金地”集团股份有限公司, 招标部秘书家

E-mail: XXX@gemdalepi.com

联系电话: 0755-23138921/18988457974

日期: 2018年04月17日

Перевод письма:

Тема: *Подтверждение тендера*

Текст: *«Уважаемая Фатима Абдуллаева,*

Прошу проинформировать уважаемого Вадима Михайловича о том, что наша компания подтверждает следующее:

1) наша компания зарегистрировалась для участия в торгах Вашего тендерного проекта «АУК Глонасс» 16 апреля 2018 года;

2) наша компания будет активно реагировать на Ваше участие в торгах по данному проекту. На данном этапе направляем для связи специалиста Лю Гуңцюань, который получит документы по тендерному проекту;

3) наша компания намерена направить ответственного за проект в качестве главного эксперта тендерного отдела.

Удачи в работе!

Контактное лицо: Чжу Сянсо, "Golden Land" Group Co., Ltd., секретарь тендерного отдела

Электронная почта: XXX@gemdalepi.com

Контактный номер: 0755-23138921/18988457974

Дата: 17 апреля 2018 г.

В рамках фактологического материала обнаруживаются письма, где тема отсутствует или обозначается в вводной части текста в качестве заголовка к документу (см. Письмо № 2).

Письмо № 2. Подтверждение заказа

Оригинал	Перевод на русский язык
<p>发件人: Belov A. D. 日期: 2018 / 05 / 14, 11:36 收件人: 李子轩 主题: ----- 尊敬的李经理, 您好! 关于订购数量。第一阶段, 公司准备在 2018 年 5 月 30 日前采购 1000 个玩具塑料袋。</p>	<p>От: Белов А. Д. Дата: 04.05.2018, 11:36 Кому: Ли Цзысюань Тема: ----- Уважаемый директор Ли, здравствуйте! <u>О количестве заказа.</u> Наша компания на первом этапе готова закупить 1000 экземпляров пластиковых пакетов для игрушек в срок до 30.05.2018.</p>

Можно предположить, что выше представленное письмо является ответным и предмет обсуждения уже известен коммуникантам, тем не менее, для более эффективной деловой переписки следует указывать тему сообщения в соответствующей строке электронного послания.

Вводная часть письма. В вводной части делового письма содержится входная информация, объясняется причина написания письма. Вводная часть является небольшой по объему, кроме того она служит логическим переходом к основной части письма [Рогожин 2009: 49].

Текст делового письма начинается с приветствия и / или обращения к адресату: «Уважаемый господин Тунгусов» или «Здравствуйте, господин Тунгусов» [Кронгауз 2012: 72]. Ввиду того, что большинство участников письменной деловой коммуникации связывают строго официальные отношения, то и обращение к собеседнику носит сугубо формальный характер.

Для русского делового этикета в ситуации приветствия нейтральной считается формула «имя + отчество + приветствие» («Иван Сергеевич, доб-

рый день») или в обратной последовательности («Доброе утро, Анна Владимировна»), что связано с грамматическими особенностями русского языка [Кронгауз 2012: 66].

Употребительной формулой официального обращения в русской деловой коммуникации выступает «господин / госпожа + фамилия + приветствие» («Глубокоуважаемый господин Орлов, приветствую Вас от лица компании...»). Данное обращение характерно для сферы делового общения людей, «принадлежащих к странам с различным общественно-политическим устройством» [Балакай 2001: 109]. Использование подобных знаков связано не только с этикетной составляющей, но и обращает внимание на высокий статус адресата.

В рамках китайского делового этикета важнейшая роль отведена статусно-ролевому общению и соблюдению субординации. Поэтому при приветствии конкретного человека стоит употребить формулу «фамилия + должность + приветствие» («恋秘书, 您好!»). Однако при приветствии группы людей наиболее частотным является использование нейтральной формы приветствия «大家好!». Иероглифы 大家 dàjiā в дословном переводе звучат как «большая семья», таким образом, сочетание этих иероглифов несет в себе смысловую нагрузку множественного числа. Поэтому при употреблении 大家好 в использовании других слов-указателей множественного числа нет необходимости, что, однако, не исключает их полного отсутствия.

Если в роли участников деловой коммуникации выступает коллективный адресат, то русская этикетная форма обращения состоит из элементов «(уважаемые) коллеги + приветствие»: *Уважаемые коллеги, доброе утро.* Вежливое обращение *коллеги* употребляется в русском деловом письме по отношению «к сослуживцам, товарищам по работе, совместной учёбе в высшей школе, по профессии» [Балакай 2001: 223].

В китайском деловом этикете идентичными формулами являются следующие конструкции:

– 尊敬的同事们 / 同工们, 大家好! zūnjìng de tóngshìmen / tóng gōngmen, dàjiā hǎo! – уважаемые коллеги, здравствуйте!

– 尊敬的先生们, 大家好! zūnjìng de xiānshengmen, dàjiā hǎo! – уважаемые господа, здравствуйте!

– 尊敬的女士们, 大家好! zūnjìng de nǚshìmen, dàjiā hǎo! – уважаемые дамы, здравствуйте!

– 尊敬的同志们, 大家好! zūnjìng de tóngzhìmen, dàjiā hǎo! – уважаемые товарищи, здравствуйте!

– 尊敬的合作伙伴们, 您们好! zūnjìng de hézuò huǒbàn, nín hǎo! – уважаемые партнеры, здравствуйте!

Следует отметить, что обращение «同志 tóngzhì / товарищ» в настоящее время редко употребляется как в сфере русского, так и в сфере китай-

ского делового общения. Данный этикетный знак, обладая идеологической составляющей, долгое время являлся распространенной формой обращения, уравнивающей людей по классу, полу, званию [Кронгауз 2012: 64–65]. Сейчас этикетная форма часто встречается в письменной речи, публичных выступлениях политических деятелей. Например:

“尊敬的阮生雄国会主席，

各位代表，

同志们，朋友们：

大家好！有机会来到越南国会，同各位代表同志见面，我感到十分高兴。 [URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-11/06/c_1117067928.htm].

Перевод письма:

«Уважаемый председатель Национальной ассамблеи Нгуен Шинь Хунг, делегаты, **товарищи** и друзья, здравствуйте!

Я очень рад возможности приехать в Национальную ассамблею Вьетнама и встретиться со всеми представителями и **товарищами**» (Выступление Си Цзиньпина в Национальном собрании Вьетнама).

Китайское обращение «同志» позже было вытеснено словом «师傅 shīfu/мастер», применимым к представителям сферы услуг и физического труда: продавцам, водителям, рабочим и т. п. В русском языке обращение «товарищ» сохранилось в качестве «официального уставного обращения к военнослужащему Российской армии» [Балакай 2001: 525].

В настоящее время наиболее универсальными в китайском деловом общении считаются такие этикетные формы обращения, как «先生 xiānsheng / господин» и «女士 nǚshì / госпожа», отсюда «女生们, 先生们 / Дамы и господа!». Обращение к женщине «女士 / госпожа» в переводе с китайского языка обозначает «образованная, интеллигентная женщина» и применимо в ситуациях официального общения. Обращение к незамужней, молодой девушке строится по схеме «фамилия + 小姐 xiǎojiě / барышня, мисс», которое соответствует международной норме используемых социальных обращений.

Лексема «先生 / господин» дословно означает «рожденный раньше меня», является формой обращения к мужчинам в следующих случаях:

а) если лицо – общепризнанный авторитет в области науки, культуры и т. д.;

б) в ситуациях деловой коммуникации является формой обращения как к китайскому, так и иностранному партнерам.

Кроме того, в деловом этикете встречаются и такие формы обращений, как «老板 lǎobǎn / босс, начальник», «经理 jīnglǐ / директор, управляющий, менеджер», «合作伙伴 hézuò huǒbàn / партнер», «董事长 dǒngshìzhǎng / председатель правления, президент совета директоров», «主

席 zhǔxí / председатель», «部长 bùzhǎng / начальник отдела» (см. Письмо № 3).

Письмо № 3. Подтверждение заказа буклетов

Оригинал	Перевод на русский язык
<p>收件人: 李伟小姐, 广告部, 东方”公司 地址: 中国, 北京, 松画路, 8 号。 主题: 广告册子 李小姐, 我公司决定于 2009 年 10 月 1 日参加区域展览会。 因此我们需要 200 份贵公司发行的关于北京和上海的广告册。 距展览会开幕仅剩很短时间, 所以我想请您在 9 月 15 日前把这些小册子寄到我公司。 如果您能够在下周确认我的订单和付款方式我将不胜感激。 此致, 安娜·尼利纳, “奢华·旅行”公司经理</p>	<p>Кому: Ли Вэй, отдел рекламы компании «Восток» Куда: КНР, г. Пекин, ул. Сунхуа, 8. Тема: рекламные буклеты Мисс Ли! Наша компания решила принять участие в региональной выставке 1 октября 2009 г. Для участия в выставке нам нужно по 200 рекламных буклетов о Пекине и Шанхае, которые выпустила Ваша компания. До начала выставки остается совсем мало времени, и я хотела бы, чтобы Вы прислали нам буклеты до 15 сентября на адрес нашей компании. Буду очень признательна, если Вы подтвердите мой заказ и способ оплаты в течение следующей недели. С уважением, Анна Нилина, директор компании «Люкс-Тур» [Корец 2010: 67].</p>
<p>收件人: “东方”公司董事会 地址: 中国, 北京市, 金维路, 10 楼, 632 办公室。主题: 参加“东方”公司股东大会的邀请信收悉 尊金德先生们! 您邀请我出席“东方”公司年度股东会议(时间: 2009 年 11 月 25 日, 地点: 公司办公室, 中国, 北京, 金维路, 10 栋, 632 办公室)的邀请信收悉。 以此确认我将参加此次会议, 请您为我在“梅花”宾馆预定一个单人房间, 时间为 2009-11-24 2009-11-27, 同时请在 2009-11-25 上午 9:00 派车到宾馆接我。</p>	<p>Кому: Совет директоров компании «Восток» Куда: КНР, г. Пекин, ул. Цзинвэй, дом 10, офис 632. Тема: подтверждение получения приглашения на собрание акционеров компании «Восток» Уважаемые господа! Я получил Ваше приглашение присутствовать на ежегодном собрании акционеров компании «Восток», которое состоится 25 ноября 2009 г. в офисе компании по адресу: КНР, г. Пекин, ул. Цзинвэй, дом 10, офис 632.</p>

<p>此致， 斯尔盖·伊瓦赫</p>	<p>Я подтверждаю свое участие в собрании и прошу забронировать для меня одноместный номер в гостинице «Мэйхуа» с 24 ноября 2009 по 27 ноября 2009 г., а также прислать за мной машину к гостинице 25 ноября 2009 в 9:00.</p> <p style="text-align: right;">С уважением, Сергей Иванов [Корец 2010: 38–39]</p>
------------------------	---

При выборе обращения особая роль отводится степени официальности / неофициальности общения и характеру отношений между коммуникантами. В русском деловом письме интенсификатором официально-вежливого обращения выступает этикетный эпитет «уважаемый», ср.: *Уважаемый Станислав Владимирович, добрый день. Сообщите о дне сдачи экзамена.* Данная форма обращения оценивается в русском языке как «средняя степень вежливости» и употребляется «обычно в сочетании с именем-отчеством адресата, со словами *господин* (+ *фамилия адресата*), *товарищ* (+ *фамилия адресата*), *коллега*, с наименованиями по должности, званию, социальному положению» [Балакай 2001: 531].

Этикетный эпитет «尊敬的... / уважаемый (-ая)» характерен и для китайского делового письма, например: “*尊敬的张先生，感谢您按照我们询盘作出的商务报盘。*” («Уважаемый г-н Чжан, спасибо за ваше деловое предложение в соответствии с нашим запросом»).

В русском деловом письме использование этикетного эпитета «*дорогой* (*дорогая, дорогие*)» возможно в составе ласкательного, дружеского, приветливого обращения к знакомому в полуофициальной обстановке [Балакай 2001: 148], ср.: *Дорогая Фатима Эйвазовна, в ответ на ваш запрос высылаю информацию о студентах, обучающихся на контрактной основе.*

В китайском деловом письме включение этикетного эпитета «*亲爱的...!* / *Дорогой*

(- ая)...» в состав формулы обращения также мотивировано неофициальными (дружескими) отношениями с адресатом (см. Письмо № 4).

Письмо № 4. Подтверждение приглашения

Оригинал	Перевод на русский язык
<p>亲爱的法蒂玛老师，您好！ 我正在向您的学生组发送邀请。 一切顺利！ 李林</p>	<p><i>Дорогая преподавательница Фатима, здравствуйте!</i> <i>Я сейчас отправлю приглашение Вашей группе студентов.</i> <i>Успехов!</i> <i>Ли Линь</i></p>

Для выражения наивысшей степени уважения в китайской бизнес-сфере используется форма «贵公司 / 贵工厂 / 贵方», которая означает «драгоценная (-ое) компания / предприятие / сторона», например:

– 我们确认向**贵方**购买.....，随函附上订单确认书供参照 – *Мы подтверждаем покупку у **Вас** (т. е. «уважаемой стороны») ..., подтверждение заказа прилагается для справки;*

– 我们盼望能成为**贵公司**的.....供应商 – *Мы с нетерпением ждем возможности стать поставщиком **Вашей компании**.*

Этикетный эпитет «драгоценный» не используется в русском деловом письме, поскольку употребляется «в составе эмоционально-возвышенных комплиментов, обращений» («гость драгоценный») или «в значении существительного в ласковом или интимном обращении» («моя милая, драгоценная») [Балакай 2001: 153].

В вводной части китайских деловых писем-подтверждений, наряду с формулами обращений, нередко встречаются клишированные выражения «敬启者 jìngqǐzhě / имею честь сообщить [что...]» или «致有关人士、敬启者 zhì yǒuguān rénshì, jìng qǐzhě / для заинтересованных лиц; заинтересованным лицам», которые указывают на официальный тон общения (см. Письмо № 5). Подобные клише характерны и для русских деловых писем [Отургашева 2012: 17].

Письмо № 5. Подтверждение бронирования авиабилетов

Оригинал	Перевод на русский язык
<p>收件人: 机票预定部 地址: "中国国际航空公司" 敬启者, 请您预定 2 张莫斯科-北京-上海-莫斯科的机票, 舱位为经济舱。 出发日期: 莫斯科-北京-2009-10-25 返回日期: 上海-莫斯科-2009-11-2 乘客姓名及证件号码: 1. 库茨聂切夫. 伊戈尔, 伊万诺维奇 - 出生日期 12.11.1960, 护照号码</p>	<p><i>Кому: отдел бронирования авиабилетов</i> <i>Куда: авиакомпания «AIR CHINA»</i> <i>Уважаемые господа, имею честь сообщить и попросить Вас забронировать 2 билета экономкласса по маршруту Москва-Пекин-Шанхай-Москва. Вылет: Москва-Пекин – 25.10.2009.</i> <i>Возвращение: Шанхай-Москва 02.11.2009.</i> <i>Билеты необходимо забронировать</i></p>

<p>111111 颁发日期 11.12.2007, 有效日期截止到 11.12.2012.</p> <p>2. 伊万诺夫. 彼德. 尼古拉耶维奇- 出生日期 14.12.1970, 护照号码 222222.</p> <p>请您确认机票预定成功, 价格是每张机票 30000 卢布。</p>	<p>для:</p> <p>Кузнецов Игорь Иванович – дата рождения 12.11.1960, паспорт 111111 выдан 11.12.2007, действителен до 11.12.2012.</p> <p>Иванов Петр Николаевич – дата рождения 14.12.1970, паспорт 222222.</p> <p>Просим Вас подтвердить бронирование билетов и стоимость каждого авиабилета по 30000 руб. [Коррец 2010: 27].</p>
---	--

Таким образом, этикетная форма приветствия в вводной части русского и китайского делового письма во многом сходна по формальным признакам.

Основная часть письма. В этой части адресат подтверждает получение сведений, документов и иных материалов, подтверждает ранее достигнутые договоренности. Если подтверждается предварительная договоренность, в тексте письма следует коротко изложить ее суть, если же подтверждается получение документов, необходимо назвать их.

Ключевой языковой формулой этой разновидности писем является: «Подтверждаем (получение документов, предварительную договоренность, согласие на ...)».

Письмо-подтверждение (как, впрочем, и другие виды писем) содержит типизированные конструкции, связывающие отдельные части текста:

事实上, 事实上 shìshí shàng, shì jì shang – фактически;

第一, 第二 ... dì yī, dì èr ... – во-первых, во-вторых, ...;

在这种情况下 zài zhè zhǒng qíngkuàng xià – в данном случае;

毫无疑问 háo wú yíwèn – несомненно, без всякого сомнения;

基于 jīyú или 基于此 jīyú cǐ – основываться на...; на основании, согласно, по;

除此之外 chú cǐ zhī wài / 此外 cǐwài – кроме того;

同时 tóngshí – одновременно, наряду с этим;

事情是这样的 shìqíng shì zhèyàng de – дело в том, что ...;

因此 yīncǐ – следовательно;

应该指出的 yīnggāi zhǐchū de – следует заметить;

终于 zhōngyú – в конечном счете;

特别是 tèbié shì – в особенности и т. д. (см. Письмо № 6).

Письмо № 6. Фрагменты текстов из писем-подтверждений

Оригинал	Перевод на русский язык
<p>基于此建议您签署运输服务更新合同，合同附件。合同基本条件同以前一样，因此新合同的签署不过是让我们的合作得以继续。</p>	<p>В связи с этим предлагаем Вам подписать обновленный контракт на транспортные услуги, который прилагается к этому письму. Основные условия остаются прежними, поэтому подписание нового контракта просто не даст приостановиться нашему сотрудничеству [Корец 2010: 29].</p>
<p>除此之外，还将提供一张桌子，三把椅子和一个展览加用来摆放展品。</p>	<p>Кроме того, просим подтвердить, что будет предоставлен один стол, три стула и один выставочный стеллаж для размещения экспонатов [там же].</p>
<p>事情是这样的，广州之行我们在九月份就已经计划好了，提前预定了机票及酒店。</p>	<p>Дело в том, что поездку в Гуанчжоу мы планировали еще в сентябре, заранее забронировали авиабилеты и гостиницу [там же: 40].</p>
<p>同时我们非常看重同贵公司的合作，所以想帮助您。</p>	<p>В то же время мы очень ценим сотрудничество с Вашей компанией, поэтому хотели бы помочь Вам [там же: 60].</p>

Письмо-подтверждение может заканчиваться просьбой, пожеланием, предложением:

«Вы успешно зарегистрированы на рейс. Благодарим Вас за то, что Вы воспользовались сервисом. Ваши посадочные талоны (в формате PDF) во вложении. Пожалуйста, обратите внимание, что при прохождении контроля безопасности, таможенных формальностей и паспортного контроля вам необходимо иметь распечатанный посадочный талон. Желаем Вам приятного полета. Аэрофлот».

“请把学生名单发给我们，我们可以给你们邀请函。还需要别的文件吗？如果需要，也请告诉我们。如果有什么问题，请告诉我。

祝你工作顺利！

李梅，

Program Officer,

School of International Education and Exchange,

China Youth University for Political Sciences.

25 Xisanhuan Beilu, Haidan District,

Beijing, 100089 China

Tel: 86-10-8856-9006

Fax: 86-10-88569201”.

Перевод письма:

«Пожалуйста, пришлите нам список студентов, и мы сможем выслать Вам приглашения. Вам нужны какие-либо другие документы? Пожалуйста, сообщите нам, если вам это необходимо. Пожалуйста, сообщите, если возникнут какие-либо вопросы.

Удачи в работе!

Ли Мэй,

Сотрудник программы,

Школа международного образования и обмена,

Китайский молодежный университет политических наук.

25 Сисаньхуань Бэйлу, район Хайдань,

Пекин, 100089 Китай

Тел: 86-10-8856-9006

Факс: 86-10-88569201».

Как видно из примеров, представленных выше, русскоязычный текст письма содержит 3 компонента: благодарность за выбор услуг данной авиакомпании, указание, рекомендацию к совершению конкретного действия (распечатать посадочный талон) и пожелание счастливого полета.

Заключительная часть китайскоязычного текста письма представляет собой просьбу и пожелание. Обязательным элементом является указание реквизитов адресанта письма.

Письмо-запрос и его структурно-содержательная характеристика

Письмо-запрос – это коммерческое деловое письмо, которое составляется с целью получения необходимой информации от адресата по поводу какого-либо вопроса: узнать подробно характеристики товара, условия поставки, уточнить его наличие, сроки поставки, способ доставки, получить прайс-лист, каталоги и образцы продукции и т. п. [Нечаева 2022: 93]. При составлении данного вида делового письма желательно в подробностях изложить суть вопроса с целью экономии времени получателя на составление письма-ответа и ускорение его получения.

Вводная часть данного вида письма с его этикетной рамкой аналогична вводной части выше рассмотренного письма-подтверждения (см. Письма № 1, 3, 4, 5).

Анализ основной части текстов писем данного типа показывает, что к отличительным признакам можно отнести наличие в русском тексте глаголов изъявительного наклонения (*мы рассмотрим данное предложение; я направил запрос в...*), в китайском – сослагательного (*您是否... / не могли бы Вы...; 我们愿与贵公司... / Мы хотели бы с вашей компанией...; 要是 / если бы; 可以 / можно ли*) (см. Письмо № 7).

Письмо № 7. Фрагменты текстов из писем-запросов

Оригинал	Перевод на русский язык
<i>Запрос информации</i>	
<p>1.我们对贵方的新产品.....甚感兴趣, 希望能寄来贵公司的产品目录及价目表。</p> <p>2.我们从.....看到贵公司的广告, 但愿能收到产品的价目表及详细资料。</p> <p>3.获知贵公司有.....已上市, 希望能赐寄完整的详细资料。</p> <p>4.如蒙赐寄贵公司新产品的详细资料, 我们将深表感激。</p>	<p>1. Мы очень заинтересованы в вашем новом продукте... и надеемся выслать вам каталог продукции вашей компании и прайс-лист.</p> <p>2. Мы увидели рекламу вашей компании в ... и надеемся получить прайс-лист и подробную информацию о продукте.</p> <p>3. Известно, что ваша компания ... внесена в список, надеюсь, вы пришлете полную информацию.</p> <p>4. Мы были бы очень признательны, если бы вы прислали подробную информацию о новых продуктах вашей компании.</p>
<i>Запрос (просьба) стать агентом компании</i>	
<p>1.我们深盼与德国公司接洽, 希望成为其销售代理商之一。</p> <p>2.如蒙考虑担任销售你们.....代理商, 我们将十分高兴。</p>	<p>1. Мы с нетерпением ждем возможности связаться с немецкой компанией, надеясь стать одним из ее агентов по продажам.</p> <p>2. Мы были бы очень рады рассмотреть возможность работы для вас в качестве агента по продажам....</p>
<i>Запрос о стоимости товара</i>	
<p>1.兹函请提供.....的报价。</p> <p>2.请将定期供应.....之报价赐知。</p> <p>3.请将下列货品的最低价格赐知。</p> <p>4. 随函寄上询价单一份。</p> <p>5.如果贵方对.....感兴趣, 请告具体询价。</p> <p>6.一收到贵方具体询价单, 我方马上航空邮上样品册并报价。</p>	<p>1. Пожалуйста, предоставьте коммерческое предложение на...</p> <p>2. Пожалуйста, сообщите нам о расценках на регулярные поставки...</p> <p>3. Пожалуйста, дайте мне знать самую низкую цену на следующие товары.</p> <p>4. Копия формы запроса прилагается.</p> <p>5. Если вы заинтересованы в..., отправьте конкретный запрос.</p> <p>6. Как только мы получим ваш конкретный запрос, мы немедленно отправим образец буклета авиапочтой и сделаем предложение.</p>

В случае если участники деловой коммуникации – давние партнеры или письмо является ответом на другое, то необязательно представлять себя и компанию в основной части текста [Лукинова 2020: 15], важно конкретно обозначить просьбу, указать сроки и перечислить условия запроса. Если запрос отправлен в незнакомую организацию, то следует сначала представить свою компанию, объяснить причину написания письма и запросить нужную информацию. Как правило, письма-запросы завершаются благодарностью за внимание к просьбе и выражением надежды на продолжение сотрудничества.

Письмо-просьба и его структурно-содержательные характеристики

Письмо-просьба – служебное письмо, цель которого – получение информации, услуг, товаров, необходимых организации-автору [Нечаева 2022: 93]. Значительное количество управленческих ситуаций дают повод для составления писем-просьб. Письмо-просьба должно содержать обоснование просьбы и изложение самой просьбы. Обоснование должно предшествовать изложению просьбы. Обоснование может отсутствовать в случаях очевидности просьбы, его типового характера, а также в случае если осуществление действий, составляющих просьбу, является обязанностью организации, подразделения, должностного лица.

Просьба излагается с помощью перформатива «просить»: *«Просим Вас провести...»*, *«Просим Вас предоставить...»*, *«Просим Вас сообщить...»* и т. д.

Просьба может формулироваться и без глагола «просить», например: *«Надеемся на положительное решение вопроса...»*, *«Надеемся, что Вы сочтете возможным рассмотреть наше обращение»* и т. п.

В китайских деловых письмах, как и в русских, просьба, прежде всего, формулируется при помощи глагола «请 qǐng / просить»: *«请您准备好详细的商业报价单 / Просим Вас подготовить детальное коммерческое предложение»*, *«请告知... / Просьба проинформировать...»*.

В ходе анализа также выделены предложения и конструкции, в которых просьба выражена не через перформатив «просить», например:

- *希望能继续有成效的合作* – Надеемся на продолжение плодотворного сотрудничества;
- *致以敬意并希望能继续合作* – С уважением и надеждой на продолжение совместной работы;
- *将很高兴同您讨论广告方面的建议* – Будем рады обсудить с Вами предложения о рекламе и прочее.

Письмо-просьба имеет двухчастную структуру. В первой части излагается причина обращения, цель письма: *«в целях развития бизнеса»*, *«в связи с тем, что ...»*, *«ввиду сложившейся ситуации»*, *«во избежание конфликтных ситуаций»* и т. п.

Во второй части выражается непосредственно сама просьба, связанная, например, с оплатой задолженности, выделением денежных средств, отправкой товара, содействием в реализации некоего проекта, отсрочкой платежа: 由于合同到期, 请告知我们延长合同的可能性。 (В связи с истечением срока договора просьба сообщить нам о возможности его продления).

Выражение просьбы в китайском языке осуществляется посредством глаголов:

- 请 qǐng – просить;
- 拟请 nǐqǐng – *офиц.* полагать (решаться) просить; ходатайствовать о...;
- 恳请 kěnpǐng – настоятельно просить;
- 敬请 jìngqǐng – *эпист.* покорно прошу [БКРС. URL: <https://bkrs.info/>].

Выбор формы просьбы зависит от того, в каком статусе находятся бизнес-коммуниканты по отношению друг к другу.

В китайском письме просьба также выражается с помощью глагола в форме сослагательного наклонения 请将 qǐngjiāng / не могли бы Вы.

Логическим завершением письма-просьбы являются этикетные формулы благодарности:

- 非常感激 fēicháng gǎnjī – *весьма благодарен*;
- 表示感谢 biǎoshì gǎnxiè / 特别感谢 tèbié gǎnxiè – *выражаю благодарность / особую благодарность*;
- 甚慰感激 shén wèi gǎnjī – *глубоко признателен*;
- 预先表示感谢 yùxiān biǎoshì gǎnxiè – *заранее благодарю*.

Заключительная часть письма. В деловой переписке на русском языке финальными фразами обычно выступают следующие: «С благодарностью и уважением», «С пожеланиями успеха», «С надеждой на плодотворное сотрудничество / продолжение взаимовыгодного партнерства.../ долгосрочные партнерские отношения» [Карепина 2019: 307].

Заботясь о поддержании доверительных отношений с адресатом, китайцы также часто завершают деловое письмо пожеланиями своему адресату и заранее выражают благодарность за усилия, которые получатель письма приложит для выполнения каких-либо задач: 致以谢意 zhì yǐ xièyì / «заранее благодарим», 祝生意兴隆 zhù shēngyì xīnglóng / «искренне желаю процветания в бизнесе», 我希望明年我们和贵公司的合作同样成功, 我们双方都将发展和壮大 wǒ xīwàng míngnián wǒmen hé guì gōngsī de hézuò tóngyàng chénggōng, wǒmen shuāngfāng dōu jiāng fāzhǎn hé zhuàngdà / «Надеемся, что сотрудничество наших компаний будет продолжаться так же успешно и в будущем году, и обе наши компании будут развиваться и процветать», 如果您需要更多信息 rúguǒ nín xūyào gèng duō xīnxi / «Если Вам нужна дополнительная информация» [Сюй Хунцзинь 2015].

Для русского делового письма характерна и такая заключительная фраза, как «С уважением (почтением)...», сопровождаемая этикетными эпитетами: *глубоким, глубочайшим, искренним, неизменным, чрезвычайным* и т. д. [Карепина 2019: 307]. Выбор данных интенсификаторов «определяется характером отношений с адресатом» [Балакай 2001: 532].

Завершением китайского письма также часто служит фраза вежливости 此致敬礼/ 此致 «С уважением» [Готлиб 2006: 40 и далее]. Данная фраза 此致敬礼 имеет два варианта: 拜上 (универсальная) и 敬上 (при обращении к старшим). Выбор вариантов обусловлен китайской традицией почитания старших по возрасту и статусу.

Формулировки заключительных фраз различаются в зависимости от типа письма. Так, при сообщении отказа, невозможности выполнения каких-либо просьб в обоих языках используется фраза 请见谅 «*Приношу свои извинения*» [Лукинова 2020: 104].

Частные деловые письма

По стилю изложения, наряду с официальными деловыми письмами, выделяются неофициальные или частные деловые письма. Личная деловая переписка «не имеет строгих правил оформления, но, тем не менее, составляется для достижения целей эффективной бизнес-коммуникации, стимулирования работы как на внешнем, так и на внутреннем уровнях, не исключая творческий фактор (приглашение, благодарность, рекомендательное письмо, характеристика)» [Чуковенков 2014: 423]. В рамках проведенного исследования рассмотрены такие виды личной деловой переписки, как письмо-приглашение, благодарственное письмо и поздравительное письмо.

Письмо-приглашение и его структурно-содержательные характеристики

Письмо-приглашение относится к одному из видов этикетных писем и используется при необходимости пригласить партнера (-ов) на какое-либо мероприятие (выставка, собеседование, презентация, совещание, симпозиум и т. д.) [Нечаева 2022: 93]. Данное письмо адресуется конкретному лицу или массовому получателю (фирме, организации). Письмо-приглашение представляется в двух вариантах: официальном и неофициальном. Неофициальное письмо-приглашение располагается на фирменном бланке и не требует обязательного ответа. Официальное письмо-приглашение составляется на открытке, как правило, передается лично в руки и требует обязательного ответа.

В китайской деловой культуре письмо-приглашение относят к 普通外函 pǔtōng wài hán обыкновенному письму. Так же, как и русское письмо, китайское письмо-приглашение может быть 正式 zhèngshì / официальным и 非正式 fēi zhèngshì / неофициальным.

Официальное письмо-приглашение имеет строго определенную структуру. Реквизитами письма являются:

1. Наименование компании (гость мероприятия): “亲亲”外贸公司 “qīn qīn” wàimào gōngsī / торговая компания «Цинцин», “长城”旅游公司 “chángchéng” lǚyóu gōngsī / туристическая компания «Великая стена», 中国国际航空公司 zhōngguó guójì hángkōng gōngsī / авиакомпания “Air China”;

2. Если указывается конкретная персона, то обязательно упоминание её должности, звания и других регалий: 同志 tóngzhì / товарищ, 经理 jīnglǐ / директор, 教授 jiàoshòu / профессор, 先生 xiānshēng / господин, 女士 nǚshì / госпожа, 小姐 xiǎojiě / мисс. Обязательно добавляется форма вежливости 尊敬的 zūnjìng de / уважаемый (-ая);

3. Наименование мероприятия, конкретного события (юбилей организации, презентация нового бренда и пр.): 参加新厂开工典礼邀请 cānjiā xīn chǎng kāigōng diǎnlǐ yāoqǐng / Приглашение на открытие новой фабрики, 参加招待会邀请 cānjiā zhāodài huì yāoqǐng / Приглашение на прием, 产品介绍邀请 chǎnpǐn jièshào yāoqǐng / Приглашение на презентацию продукта;

4. Адрес мероприятия (возможно прикрепление схемы проезда, но отдельно от письма);

5. Дата и время мероприятия;

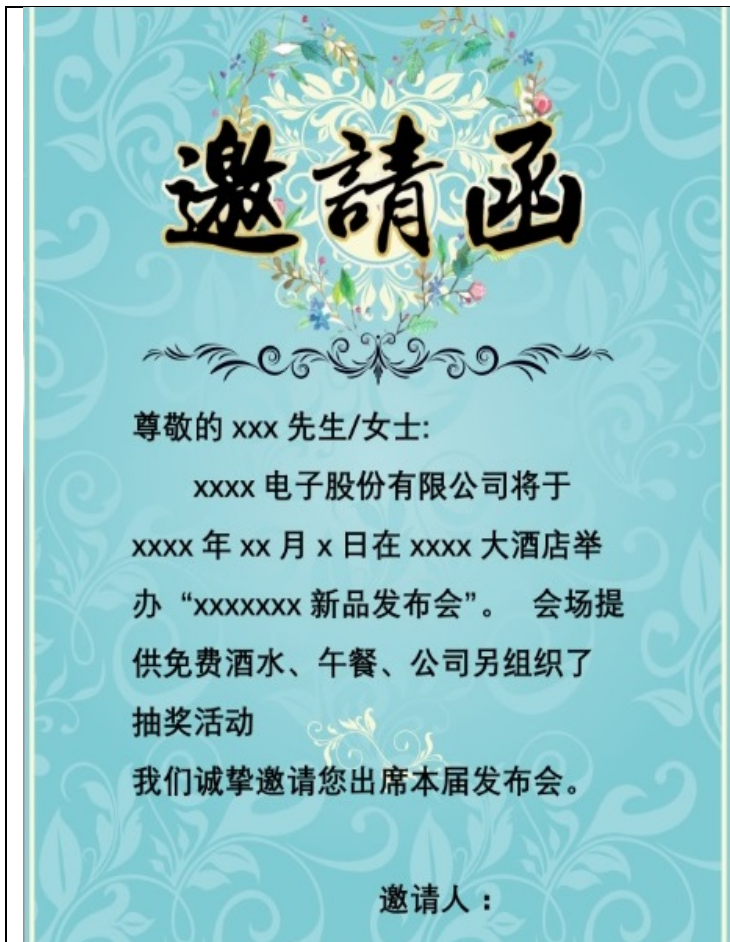
6. Крайний срок (дедлайн) и способ ответа (почта, электронная почта, телефон).

В заключении письма желательно использование этикетной фразы-приглашения 敬请光临 jìng qǐng guānglín / Имею честь пригласить посетить, 敬请参加 jìng qǐng cānjiā / Прошу принять участие, 请届时出席 qǐng jièshí chūxí / Покорнейше прошу принять участие, 此致敬礼 cǐzhì jìnglǐ / За сим позвольте откланяться, 顺致问候 shùn zhì wèn hòu / с наилучшими пожеланиями. С целью придания торжественности и важности мероприятия ставится печать, и письмо печатается на красной бумаге или специальной карточке (см. Письма № 8 и 9).

Электронное письмо-приглашение, в целом, содержит те же реквизиты, что и печатное. Если у организации нет возможности пригласить какое-либо лицо лично или по телефону, то данное письмо будет оптимальным вариантом. В данном типе письма используется официально-деловой стиль речи.

Письмо № 8. Письмо-приглашение на пресс-конференцию

Оригинал	Перевод на русский язык
	<p style="text-align: center;">Письмо-приглашение <i>Уважаемый (-ая) господин / госпожа..., Electronics Co., Ltd. организует презентацию нового товара года в гранд-отеле. В</i></p>

[URL:
<https://www.mikeppt.com/wd/20190822105011638.html>]

заведении предоставляются бесплатные напитки и обед, а также компания организует лотерею.

Мы искренне приглашаем вас принять участие в данной пресс-конференции.

Приглашающий: _____

Письмо № 9. Письмо-приглашение к сотрудничеству

Оригинал	Перевод на русский язык
----------	-------------------------

邀请函

北京新政传媒公司董事长
郭译仁博士您好!

为促进我县新型文旅产业发展和推进我县基础教育工
作更上新台阶,我们诚挚邀请郭博士一行莅临本县考察调研,
就特色文旅项目和高端教育项目策划、投资合作进行座谈。

请函告考察团具体行程,以便我们安排接待!

邀请部门(盖章)

2020年8月13日

[URL: <http://cnxzcm.cn/jingdiananli/877.html>]

Письмо- приглашение

Здравствуйте, доктор Го Ижэнь, председатель пекинской компании «Xinzheng Media»!

В целях развития новой индустрии культурного туризма и продвижения базового образования в нашем округе на более высокий уровень мы искренне приглашаем доктора Го и его группу посетить округ для проведения исследований, а также обсудить планирование инвестиционного сотрудничества соответствующих проектов культурного туризма и высококлассных образовательных проектов.

Пожалуйста, сообщите нам подробный маршрут делегации, чтобы мы могли организовать прием!

Приглашающий отдел (штамп):

Печать – *ООО «Городская инвестиционная группа округа Чаншань»*

13 августа 2020 г.

Как видно из приведенных выше примеров, в текстах писем в зависимости от сферы деятельности, вида организации, типа мероприятия и тематики могут отсутствовать некоторые компоненты. Так, в Письме № 9 адресату не сообщаются адрес мероприятия, дедлайн, дата и время планируемой встречи, адресат в некоторой степени выступает инициатором предстоящего события (*Пожалуйста, сообщите нам подробный маршрут делегации, чтобы мы могли организовать прием!*).

Следует отметить, что бланки писем-приглашений в зависимости от ситуаций организации могут разрабатывать самостоятельно, отсутствуют формы, утвержденные на законодательном уровне.

Большинство официальных писем-приглашений на китайском языке отвечают данным требованиям. Письма-приглашения на русском языке также могут отличаться торжественностью за счет оформления, декора, специально подобранного шрифта и других украшений.

Реквизиты русского письма-приглашения:

1. Наименование мероприятия;
2. Время и место проведения мероприятия.
3. Программа мероприятия, основные вопросы;
4. Требования к гостям и другие вопросы.

Реквизиты обоих вариантов письма обнаруживаются как сходство, так и различие. Письмо-приглашение на обоих языках содержит наименование мероприятия, место и дату проведения мероприятия. Однако для письма-приглашения на китайском языке необходимо указание сроков ответа на письмо и способах его передачи. В русском письме возможно указание на приложения, которое осуществляется с помощью клишированных фраз, представленных конструкцией «наречие / предлог + глагол в 1 л. ед. ч. / мн. ч.»: «ниже прикрепляю», «мы прилагаем», «в дополнение к вышеуказанному» [Лукинова 2020: 48].

К факультативным компонентам письма-приглашения можно отнести следующие: контакты ответственного за мероприятие или встречу гостей лица, необходимая документация, форма одежды (дресс-код), необходимость внесения организационного взноса и т. п.

Выражение надежды на то, что адресат откликнется на приглашение, осуществляется по-разному: в китайском письме за счет подлежащего и глагола-сказуемого 希望 *xīwàng* или 期望 *qīwàng* / надеяться. В русскоязычном письме интенция «надежда» выражается посредством вежливой просьбы или конструкции «местоимение + глагол *надеяться, рассчитывать, ждать*», ср.: «я рассчитываю...», «надеюсь на скорый ответ», «ждем Вашего ответа» и пр.

Заключительная часть письма обычно содержит комплиментарные пожелания:

- *Надеемся на дальнейшее сотрудничество;*
- *С наилучшими пожеланиями;*

- *Надеемся на дальнейшую работу с Вашим коллективом;*
- *马到成功 mǎdào chénggōng – Желаю вам скорейшего успеха!*
- *事业腾达 shìyè téngdá – Желаю процветания!*
- *生意兴隆 shēngyì xīnglóng – Пусть ваш бизнес процветает!*
- *一帆风顺 yīfān fēngshùn – Пусть ветер всегда дует вам в спину!*

(пожелание удачи в бизнесе или карьерном росте).

Пожелания в русском письме направлены на адресанта, на его собственную выгоду, а пожелания, употребляемые на китайском деловом письме, направлены на выгоду партнера. Это обусловлено культурными традициями изучаемых стран.

Завершающим элементом письма является подпись отправителя, его ФИО и должность. Если на мероприятие приглашаются руководящие лица из партнерских организаций, то письмо подписывается у руководителя принимающей стороны.

Следует заметить, что структурные компоненты письма-приглашения варьируются в зависимости от ситуации профессионального общения, типа организации, вида мероприятий и других факторов. Так, если письмо предназначено для приглашения на рабочее мероприятие, то в тексте обязательно присутствует описание и программа предстоящего события (см. Письмо № 10).

Письмо № 10. Приглашение на собрание акционеров

Оригинал	Перевод на русский язык
<p>收件人: 杨炯 地址: 上海市, 松江大街, 8 楼, 157 号 主题: 邀请参加“亚洲”公司年度股东大会的邀请信 时间: 2009 年 10 月 25 日</p> <p>尊敬的杨先生, 请您参加“亚洲”公司年度股东会议, 会议将在 2008 年 11 月 25 日上午 10:00 在“宇宙”宾馆会议 2 厅举行。 会议日程: 1. 2009 年上半年工作报告 2. 商讨 2010 年公司工作计划 3. 商讨增加公司法定资金。 请您务必出席。 请您确认您将列席此次会议并准备 2010 年公司工作计划。 如果您不能出席, 请您在会议召开前</p>	<p style="text-align: right;">Кому: Ян Цзюнь</p> <p>Куда: г. Шанхай, ул. Сунцзян, д. 8, кв. 157</p> <p>Тема: приглашение на ежегодное собрание акционеров компании «Азия» Дата: 25.10.2009.</p> <p>Уважаемый г-н Ян! Приглашаем Вас на ежегодное собрание акционеров компании «Азия», которое состоится 25 ноября 2009 года в гостинице «Космос», в конференц-зале № 2 в 10:00. Повестка собрания: 1. Отчет о работе за первое полугодие 2009 года. 2. Обсуждение плана работы компании на 2010 год. 3. Обсуждение увеличения</p>

<p>15 天通知我们并解释缺席原因。 此致, “亚洲”公司董事会</p>	<p>уставного фонда компании. Ваше участие в работе собрания акционеров компании обязательно. Просим Вас подтвердить свое присутствие на собрании и подготовить проект плана работы компании на 2010 год. В случае если Вы не сможете явиться на собрание акционеров, просим Вас сообщить об этом не позднее, чем за 15 дней до собрания, и объяснить причину отсутствия. С уважением, совет директоров компании «Азия» [Корец 2010: 36–37].</p>
---	---

В случае если приглашение направлено на участие в тендере, то отличительными признаками письма являются наличие в письме приложений в виде прикрепленных файлов: анкеты, тендерного предложения, заявки, инструкции оферентам, проектной документации и прочее (см. Письма № 11 и № 12).

В ситуации приглашения к участию на выставке текст письма содержит информацию о месте нахождения стенда с образцами изделий, приобретения выгоды участниками выставки, которая может заинтересовать потенциальных клиентов и партнеров.

Письмо № 11. Приложение к письму-приглашению «Доверенность»

**法定代表人/负责人证明书、授权委托书
法定代表人/负责人证明书**

单位名称: _____
地址: _____
姓名: _____ 性别: _____ 年龄: _____ 职务: _____ 身份证号码: _____

系 (投标人名称) 的法定代表人/负责人。为恩平市文化广电旅游体育局办公设备项目 (招标编号:) 项目, 签署上述项目的投标文件、进行合同谈判、签署合同和处理与之有关的一切事务。

特此证明。

投标人名称: _____
日期: _____年____月____日

Источник информации см. [URL: <http://www.enping.gov.cn/jmepswhgdj/attachment/0/213/213147/2508523.pdf>]

Перевод письма:

**Удостоверение законного представителя/ответственного лица,
доверенность**

Свидетельство законного представителя/ответственного лица

Название организации: _____

адрес: _____

ФИО: _____ Пол: _____ Возраст: _____ Должность: _____

Идентификационный номер: _____

Законный представитель/ответственное лицо (имя участника торгов).

Для проекта офисного оборудования муниципального бюро культуры, радио, телевидения, туризма и спорта района Эньпина (номер тендера: _____), подпишите вышеперечисленные тендерные документы, проведите переговоры по контракту, подпишите контракт и урегулируйте все связанные с этим вопросы.

Настоящим подтверждаю.

ФИО участника тендера: _____

Дата: _____

Письмо № 12. Приложение к письму-приглашению «Список тендеров»

招标分项明细表

序号	项目名称	招标内容	完成时间	标书工本费	投标保证金	标书标号

Перевод письма:

Подробный список тендеров

Серийный номер	Наименование проекта	Содержание Тендера	Время окончания	Стоимость тендера	Гарантия тендерного предложения	Номер тендера

Благодарственное письмо и его структурно-содержательные характеристики

Благодарственное письмо – вид деловой корреспонденции, направляемой адресантом с целью выражения благодарности партнеру за оказанные услуги или содействие в проведении некоего мероприятия [Нечаева 2022: 93]. Кроме того, благодарственное письмо может выступать в качестве письма-ответа на письмо-приглашение, письмо-поздравление, письмо-соболезнование. Данный вид письма относится к этикетным письмам и способствует налаживанию деловой коммуникации и установлению добрых, доверительных отношений между партнерами. Как правило, благодарственное письмо, как и письмо-поздравление, оформляется на специальном бланке, открытке или фирменном бланке компании. Данный вид деловой корреспонденции предполагает трехчастную структуру, которая включает: выражение благодарности адресату, пожелания и комплементарную концовку.

Благодарственное письмо в его русской и китайской версии имеет больше сходств, чем различий. Русское и китайское благодарственное письмо начинается с обозначения вида письма «感谢函 gǎnxiè hán / Благодарственное письмо», которое выделяется жирным шрифтом и оформляется оригинальным курсивом. После названия письма следует блок с выражением благодарности адресату. Данный блок в русском письме не всегда начинается с обращения к адресату, возможно наличие такой конструкции, как «благодарность + за + причина благодарности», имеющей вариантное воплощение: «Позвольте выразить искреннюю благодарность за ...», «Примите искреннюю благодарность за ...», «Хотим поблагодарить Вас за ...», «Выражаем искреннюю благодарность за ...», «Хотим выразить благодарность за ...», «Благодарим Вас за ...» и т. д.

Китайское благодарственное письмо всегда начинается с обращения к компании или одному лицу. С этой целью используются конструкции 尊敬的 + имя: 尊敬的...先生/女士 / Уважаемый (-ая) господин / госпожа, 尊敬的经理 / Уважаемый директор, 尊贵的公司 / Дорогая компания, 敬爱的同志们 / Уважаемые товарищи и т. д. После обращения в благодарственном письме на китайском языке используются фразы, эквивалентные русским. В их состав входят глаголы 恭喜 gōngxǐ, 请 qǐng / разрешить, позволить.

В части пожелания в русском и китайском благодарственных письмах существенных различий не обнаруживается. В данной части письма адресантами прописываются дополнительные слова благодарности и выражаются намерения на продолжение плодотворного сотрудничества. Кроме того, для увеличения степени важности проделанной работы адресантом автором письма используется конструкция «благодарность + отрицание»: в русском варианте письма представлены следующие выражения «Не знаю, как Вас благодарить», «Не могу подобрать слов, чтобы отблагодарить Вас», «Я так благодарен, что нет слов», «Моя благодарность не знает границ».

Подобные примеры обнаруживаются и в китайском варианте письма: 不知多么感谢您 bùzhī duōme gǎnxiè nín / не знаю, как Вас благодарить. Наряду с этим используются фразы: 无任感激 wú rèn gǎnjī / я растроган, не могу выразить своей благодарности, 不任丹慊之至 bù rèn dān qiàn zhī zhì / не могу выразить всей глубины моих искренних чувств, 无以言表 нет слов, чтобы выразить, 感戴莫名 не нахожу слов, чтобы отблагодарить (Вас), 谨致谢忱 всей душой выражаем Вам благодарность.

Финальные формулы вежливости в китайском и русском благодарственном письме не различаются и соответствуют комплиментарным клише делового письма: «Спасибо за помощь», 谢谢您在这件事上的帮 «С уважением» 此致, 敬礼.

Благодарственное письмо – не просто формальность, это, прежде всего, установление и укрепление теплых, доверительных отношений между компаниями, коллегами, партнерами (см. Письмо № 13).

Письмо № 13. Благодарность за помощь

Оригинал	Перевод на русский язык
<p>收件人: 李静小姐, 上海食品有限公司 地址: 中国上海市安静路, 45 号 主题: 感谢您的帮助</p> <p>李小姐, 非常感谢您给予我及我们整个部门在寻找遗失的样品包裹的帮助。因为邮政公司莫斯科办公室不提供包裹在国外的详细信息, 如果没有你的帮助和执着我们就不能弄清楚我们的包裹是在北京海关耽搁了。我们会永远记住在处理这件事时你所起到的至关重要的作用, 所以如果您需要任何帮助, 只要我们能帮得上, 我们一定倾力而为。 再一次表示感谢。</p> <p>此致, 阿纳托里·谢民, “巧克力”贸易公司</p>	<p>Кому: Ли Цзин, Шанхайская продовольственная компания Куда: КНР, г. Шанхай, ул. Анцзин, 45 Тема: благодарю за помощь Дорогая Ли!</p> <p>Огромное тебе спасибо за помощь, которую ты оказала мне и всему нашему отделу в поиске пропавшей посылки с образцами. Так как московский офис почтовой компании не предоставляет подробную информацию о посылке, если она находится за пределами России, без твоей помощи и настойчивости мы не смогли бы узнать, что наша посылка задержалась на таможне в Пекине.</p> <p>Мы всегда будем помнить, какую важную роль ты играла в решении этой проблемы, и, если тебе понадобится какая-либо помощь с нашей стороны, ты всегда можешь на нас рассчитывать.</p> <p>Еще раз спасибо, Анатолий Семин, торговая компания «Шоколад» [Корец 2010: 124].</p>

Таким образом, благодарственное письмо на русском и китайском языке имеет одинаковую структуру, обнаруживает преимущественно эквивалентные формы выражения благодарности. Общим для писем в обоих языках является то, что в тексте содержится предложение встречной помощи партнеру, выраженное через клишированные фразы: «Если Вам понадобится наша помощь, будем рады помочь» / “如果您需要我们的帮助，我们将很乐意提供帮助。”», «Вы всегда можете на нас рассчитывать» / “您永远可以信赖我们“ и т. д.

Структура русского и китайского благодарственных писем отличается по наличию/ отсутствию обращений. Если для китайского благодарственного письма наличие обращения к адресату строго обязательно, то в русском благодарственном письме обращение факультативно, но употребление его желательно, исходя из задач речевого этикета. Русскому письму свойственна безличность и сдержанность в изложении. Китайское письмо обнаруживает более яркое эмоциональное выражение при изложении, а также стремление к скрупулезному описанию всех деталей и точности изложения.

Поздравительное письмо и его структурно-содержательные характеристики

Письмо-поздравление является одним из видов некоммерческой деловой корреспонденции. Как правило, адресуется лично человеку или компании (организации) по случаю празднования личных (день рождения, повышение по службе и т. д.) или корпоративных (день фирмы, успешная сдача проекта и т. д.) праздников [Нечаева 2022: 93]. Письмо-поздравление составляется на фирменных бланках компании или на открытке (см. Письмо № 14). Рассматриваемый вид письма имеет трехчастную структуру, включающую обращение, основную часть и заключение.

Существует ряд требований при составлении письма-приглашения. Обозначим их.

1. Композиция письма должна включать обращение, похвалу, поздравление, пожелание, подпись;
2. В письме не должны упоминаться рабочие вопросы или просьбы делового характера;
3. Письмо должно быть выдержано в официально-деловом стиле, но следует избегать излишних канцеляризмов;
4. Письмо должно быть доставлено точно в дату события.

Русское и китайское письмо-поздравление обнаруживает значительное сходство. Сходные черты обнаруживаются в вводной части письма. Обращение в обоих письмах выражается посредством лексем 尊敬 zūnjìng или 谨 jǐn / «с почтением, уважаемый», 亲爱 qīn'ài / «дорогой», 敬爱的 jìng'ài или 高明 gāomíng / «глубокоуважаемый», 贵 guì / «драгоценный». В русском письме-поздравлении, в отличие от других видов письма, обращение выделяется восклицательным знаком «Уважаемый Иван Алек-

сеевич!». В китайском деловом письме, как правило, сохраняется двоеточие, но для передачи особой торжественности восклицательный знак также употребим: 亲爱的魏芳： / 尊敬的部长先生： / 建筑设计公司!

Письмо № 14. Поздравление

<Без темы>

→ Fatima Abdullayeva 15 февраля 2018, 16:47
Кому: CYU, Jason

   ...

尊敬的同事!
祝贺您们春节快乐!

—
此致,
法蒂玛老师

Перевод письма:

«Уважаемые коллеги!

Поздравляю Вас с Праздником Весны!

С уважением,

преподавательница Фатима».

Основная часть письма-поздравления содержит похвалу и слова поздравления адресату. В китайском письме поздравления носят клишированный характер. В китайских клише обнаруживаются как полные, так и частичные эквиваленты русским поздравлениям. В китайском языке поздравление выражается с помощью глагола «поздравляю», «желаю» 祝 zhù и 祝贺 zhùhè. Данные глаголы частотны в стандартных фразах-пожеланиях: поздравляю с днем рождения / 祝贺生日 zhùhè shēngrì, поздравлять с Новым годом / 恭贺新禧 gōnghè xīnxǐ, поздравлять с победой / 祝贺胜利 zhùhè

shènglì, желаю здоровья / 祝身体健康 zhù shēntǐ jiànkāng, желаю вам всего хорошего / 祝你一切都好 zhù nǐ yīqiè dōu hǎo, желаю вам успеха / 祝你顺利 zhù nǐ shùnlì.

Поздравление в русском варианте письма не существенно отличается от поздравления в китайской версии. Виновнику торжества желают здоровья, успехов в работе, просят принять сердечные поздравления и самые искренние пожелания.

В самой форме поздравления могут присутствовать элементы, усиливающие эмоциональный момент: от всей души поздравляю / 衷心地祝贺 āi xīnde zhùhè, от всего сердца поздравляю / 全心全意地祝贺 quánxīnquányì de zhùhè, горячо поздравляю / 热烈祝 rèliè zhù. Кроме того, стилистическая возвышенность, официальность коммуникации выражается такими словами, как «разрешите», «позвольте», ср.: «разрешите поздравить вас с праздником», «позвольте поздравить вас с праздником». Данные поздравления по-китайски будут выражаться следующей фразой: 请允许我们向你们致以节日的祝贺 / qǐng yǔnxǔ wǒmen xiàng nǐmen zhì yǐ jiérì de zhùhè. Употребление фраз и выражений такого рода – одно из форм проявления этикета в деловой переписке. В заключительной части письма-поздравления содержатся пожелания и подпись. В некоторых китайских письмах подпись может быть опущена, на ее месте размещают повторное поздравление. В русских деловых письмах подобный прием не обнаружен.

Таким образом, русское и китайское письмо-поздравление содержит стандартный набор пожеланий: пожелания здоровья / 健康, успехов / 成功, благополучия / 近安, процветания / 腾达. Отличительной особенностью китайских пожеланий является использование выражений повышенной экспрессивности, характерных для поздравлений в деловой сфере. Китайский глагол 祝贺 zhùhè, который на русский язык переводится как «поздравить» и «пожелать», может использоваться с целью осуществления поздравления, а также в контексте пожелания удачи, успехов, хороших результатов.

Письмо-поздравление – одно из наиболее противоречивых писем по характеру составления. С одной стороны, данный вид письма требует искренности и творческого подхода при выборе языковых средств. С другой стороны, данный тип письма, реализуемый в деловой сфере, содержит различного рода штампы и речевые клише.

Заключение

Таким образом, установлено, что деловое взаимодействие модифицируется в зоне определенного вида коммуникации в соответствии с содержательно-предметной спецификой профессиональной деятельности. При налаживании и формировании иноязычных деловых контактов с потенциальными партнерами деловая коммуникация определяется установленными поведенческими нормами и универсальными коммуникативными правилами, в том числе и принципами культурно-исторического характера.

Деловое взаимодействие с партнерами осуществляется посредством деловой корреспонденции. При взаимодействии с иностранными партнерами стоит учитывать тот факт, что особенности менталитета и язык накладывают определенный отпечаток на осуществление деловой переписки. Потому представляется необходимым учитывать данное обстоятельство при деловой коммуникации с иностранными бизнес-партнерами.

Осуществляемое с позиции межкультурной коммуникации данное исследование обнаруживает сходство и различие деловой корреспонденции в русском и китайском языках. В силу того, что деловая корреспонденция подчинена международному стандарту, в рамках жанровой организации эпистолярного текста деловое письмо в его русском и китайском вариантах существенных различий не обнаруживает.

Выявляется некоторая однотипность русских и китайских деловых писем, детерминированная стандартизованностью и регламентированностью сферы официально-деловых отношений (наличие трехчастной структуры, этикетной рамки, клишированных конструкций). При всей типизированности делового письма данный жанр письменно-деловой коммуникации обнаруживает и национально-специфические черты (наличие особых конструкций, свойственных одной из лингвокультур).

Русскому деловому письму свойственна безличность повествования и сдержанность изложения. Для китайского делового письма характерно более яркое эмоциональное выражение при изложении (о чем свидетельствуют речевые формулы пожелания, благодарности и просьбы), стремление к подробному описанию всех деталей и точности изложения. Для китайского благодарственного письма наличие обращения к адресату строго обязательно, в русском благодарственном письме обращение факультативно, но употребление его желательно, исходя из задач речевого этикета.

Список источников

1. Романова, И. Д. Бизнес-коммуникация и ее жанровая репрезентация / И. Д. Романова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – Вып. 11 (784). – С. 77–88.
2. Васильев, М. В. Деловое письмо / М. В. Васильев. – Москва: Налоговый вестник, 2011. – 319 с.
3. Дербишева, Х. А. Жанровые особенности деловых писем / Х. А. Дербишева // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – № 1(21). – С. 234–240.
4. Замуруева, Н. А. Жанровые особенности официально-делового стиля речи / Н. А. Замуруева // Ученые записки Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева. Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 5. – С. 120–127.
5. Дятлова, Е. В. Как вести бизнес с китайцами: образ китайской деловой культуры в пособиях и рекомендациях для российских предприни-

мателей / Е. В. Дятлова // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2013. – № 7. – С. 171–174.

6. Калинина, А. Д. Особенности письменной деловой коммуникации на китайском языке / А. Д. Калинина // Коммуникативные аспекты языка и культуры. – 2014. – Ч. 1. – С. 55–60.

7. Корец, Г. Б. Китайский язык. Деловая переписка / Г. Б. Корец. – Москва: Живой язык, 2010. – 224 с.

8. Ненашева, Н. А. Деловое письмо в китайском языке: особенности и речевые этикетные формулы / Н. А. Ненашева // Academy. – 2018. – С. 64–70.

9. Абдуллаева, Ф. Э. Социальная реклама в аспекте адресант-адресатных отношений / Ф. Э. Абдуллаева, В. А. Каменева // Научный диалог. – 2019. – № 7. – С. 9–25. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-9-25.

10. У, Суцзюань Специфика зачина и концовки в русском деловом письме на фоне китайской лингвокультуры / Суцзюань У // Русистика. – 2015. – № 2. – С. 62–67.

11. Тан, Хань Лингвокультурная специфика русско-китайского делового общения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Хань Тан. – Москва, 2011. – 24 с.

12. Колтунова, М. В. Деловое письмо. Справочник: по состоянию на 1 февраля 2016 года / М. В. Колтунова. – Москва: Герда, 2017. – 339 с.

13. Кузнецов, И. Н. Документационное обеспечение управления и делопроизводство / И. Н. Кузнецов. – Москва: Юрайт, 2012. – 576 с.

14. Отургашева, Н. В. Основы деловой риторики и документной лингвистики: учебные рекомендации / Н. В. Отургашева, О. П. Сологуб. – Новосибирск: СИ – РАНХиГС, 2012. – 77 с.

15. Рабенко, Т. Г. Деловое письмо и редактирование текста (из опыта преподавания дисциплины) / Т. Г. Рабенко // Юрислингвистика. – 2015. – № 4 (15). – С. 68–74.

16. Сологуб, О. П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / О. П. Сологуб. – Кемерово, 2009. – 400 с.

17. 张, 保忠, 公文写作入门 / 保忠张. – 北京: 红旗出版社, 2010. – 219 页.

18. Готлиб, О. М. Коммерческое письмо. Русско-китайское соответствие / О. М. Готлиб. – Москва: Муравей, 2006. – 176 с.

19. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка / В. И. Горелов. – Москва: Просвещение, 1979. – 190 с.

20. Дашевская, Г. Я. Китайский язык для делового общения / Г. Я. Дашевская, А. Ф. Кондрашевский. – Москва: Восточная книга, 2011. – 352 с.

21. Голев, Н. Д. Электронная переписка как эффективное средство овладения навыками письменной речи иностранными учащимися / Н. Д. Голев, О. П. Сологуб // Социокультурные и филологические аспекты в образовательном и научном контексте. – Киото: Ун-т Киото Сонгё, 2014. – С. 177–182.
22. Голев, Н. Д. Электронная переписка как стратегия и тактика обучения иностранным языкам (лингводидактический проект) / Н. Д. Голев // Язык и культура. – 2015. – № 2. – С. 105–116.
23. Ли, Гэнвэй Обучение китайских студентов жанру русского делового письма на занятиях по русскому языку как иностранному (второй сертификационный уровень): диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Гэнвэй Ли. – Санкт-Петербург, 2017. – 163 с.
24. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – Москва, 2001. – URL: <http://padaread.com/?book=49740&pg=2> (дата обращения: 29.12.2022).
25. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – Москва: АСТ, 2012. – 215 с.
26. Карепина, А. В. Переписка 2.0. Как решать вопросы в чатах, соцсетях и письмах / А. В. Карепина. – Москва: Сила Ума-Паблишер, 2019. – 320 с.
27. Лукинова, О. В. Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете / О. В. Лукинова. – Москва: Эксмо, 2020. – 240 с.
28. Кожеко, А. В. Эпистолярные жанры интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический аспекты (на материале русскоязычных текстов): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10. 02.01 / А. В. Кожеко. Красноярск, 2020. – 328 с.
29. Денисова, Э. С. Цифровой этикет и цифровая вежливость / Э. С. Денисова // Культура речи и деловое общение: учебное пособие. Часть 1 / отв. ред. Э. С. Денисова. – Москва: Изд-во Перо, 2022. – С. 122–125.
30. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров: Собрание сочинений: Работы 1940–1960 гг. В 5 т. / М. М. Бахтин. – Москва: Рус. слово, 1996. – С. 156–206.
31. Нечаева, Е. В. Делопроизводство (Документационное обеспечение управления): учебное пособие / Е. В. Нечаева. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. – 183 с.
32. Рогожин, М. Ю. Справочник по делопроизводству / М. Ю. Рогожин. – Москва: Юстицинформ, 2009. – 192 с.
33. 习近平在越南国会的演讲（全文）. Выступление Си Цзиньпина в Национальном собрании Вьетнама (полный текст). – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-11/06/c_1117067928.htm (дата обращения: 07.01.2023).

34. БКРС – Большой китайско-русский словарь. – URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 19.12.2022).
35. Сюй, Хунцинъ. Помощь в написании деловых писем для сдающих государственный экзамен / Хунцинъ Сюй. – Тайбэй, 2015. – 632 с.
36. Чуковенков, А. Ю. Деловая корреспонденция: справочник / А. Ю. Чуковенков. – Москва: МЦФЭР, 2014. – 576 с.
37. 公司发布会邀请函范文. Образец приглашения на пресс-конференцию компании. – URL: <https://www.mikeppt.com/wd/20190822105011638.html> (дата обращения: 07.01.2023).
38. 新政传媒. Новый курс СМИ. – URL: <http://cnxzcm.cn/jingdiananli/877.html> (дата обращения: 07.01.2023).
39. 投标文件. Тендерный документ. – URL: <http://www.enping.gov.cn/jmepswhgdj/attachment/0/213/213147/2508523.pdf> (дата обращения: 07.01.2023).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ И ЕГО ТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПРИЯТИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Бутакова Л. О.

Исследование посвящено обоснованию эффективности ассоциативного направленного эксперимента как средства выявления интерпретации культурно обусловленных феноменов – творчества писателя и его личности. На примере личности Ф. М. Достоевского и его творчества показаны возможности установления сходства и различия фрагментов языкового сознания носителей русского и китайского языков. Методология исследования определяется психолингвистическим подходом к языковому сознанию индивидов, возможностью выведения на поверхность определенных фрагментов с помощью направленных ассоциативных экспериментов. Цель – показать, какими экспериментальными методами и в какой методологической парадигме возможно представить фрагменты языкового сознания носителей русского и китайского языков, связанные с личностью Ф. М. Достоевского, героями его произведений, самими текстами этих произведений, какой вид приобретает подобная психолингвистическая реконструкция. Проблема исследования состоит в выявлении связи ментальных репрезентаций своеобразного феномена культуры с родным и изучаемым языком, составом опор для актуализации субъективных смыслов, связанных в родной и «чужой» лингвокультурой. Эксперимент показал, что личность и творчество писателя, герои его произведений образуют в языковом сознании носителей русского и китайского языков семантическое пространство, компоненты которого прочно связаны друг с другом. Часть этого пространства у китайских респондентов обусловлена родной лингвокультурой. Предложенный стимульный список выявил типичные для русских и китайских респондентов линии рефлексии над образом писателя. При развертывании стимула *Я думаю о Достоевском, что ...* у русских респондентов преобладали оценка таланта и личности, открытая рефлексия, у китайских респондентов – оценка сути творчества и таланта, включая психологизм и социальность. Реализуя стратегию рефлексии по поводу качественных признаков героев произведений писателя (стимул *Герои Достоевского какие ...*) русские респонденты преимущественно отметили нравственные качества, состояния. Китайские участники экспериментов поняли стимул как призыв перечислить имена и фамилии героев. Выявленные особенности имеют практическое значение для теории и практики перевода, стилистики художественного текста, преподавания родного языка, а также РКИ в китайской аудитории.

Ключевые слова: языковое сознание, образ сознания, ассоциативный направленный эксперимент, ментальная репрезентация

EXPERIMENTAL METHODS FOR IDENTIFYING THE LINGUISTIC-CULTURAL SPECIFICITY OF THE RECEPTION OF THE WRITER'S PERSONALITY AND WORK (BASED ON THE PERCEPTION OF F.M. DOSTOEVSKY AND HIS WORKS BY NATIVE RUSSIAN AND CHINESE SPEAKERS)

L.O. Butakova

The research substantiates the effectiveness of the associative directed experiment as a means of revealing the interpretation of culturally conditioned phenomena – the writer's work and his personality. The author shows the possibilities of establishing similarities and differences between the fragments of the linguistic consciousness of the speakers of the Russian and Chinese languages as exemplified by the personality of F.M. Dostoevsky and his work. The research methodology is determined by the psycholinguistic approach to the linguistic consciousness of individuals, the possibility of bringing certain fragments to the surface with the help of directed associative experiments. The purpose of the research is to show what experimental methods and methodological paradigm can be used to present fragments of the linguistic consciousness of Russian and Chinese speakers associated with the personality of F.M. Dostoevsky, the heroes of his works, the very texts of these works, what form such a psycholinguistic reconstruction takes on. The problem of the research is to identify the connection of mental representations of a peculiar phenomenon of culture with the native and studied languages, the composition of the supports for the actualization of subjective meanings associated in the native and "foreign" linguoculture. The results of the study are as follows. The experiment showed that the personality and creativity of the writer, the characters of his works form a semantic space in the linguistic consciousness of the native speakers of Russian and Chinese, the components of which are strongly connected with each other. Part of this space is determined by the native linguistic culture of the Chinese respondents. The proposed stimulus list revealed lines of reflection typical of Russian and Chinese respondents over the image of the writer. Assessment of talent and personality, open reflection prevailed among Russian respondents when deploying the stimulus "I think about Dostoevsky, that ...", assessment of the essence of creativity and talent, including psychologism and sociality, among Chinese respondents. Russian respondents mainly noted moral qualities, states when they reflected on the qualitative characteristics of the heroes of the writer's works (the stimulus "What are Dostoevsky's heroes ..."). The Chinese participants in the experiments understood this stimulus as a call to list the names and surnames of the characters. The identified features are of practical importance for the theory and practice of translation, the style of a literary text, teaching the native language, as well as Russian as a foreign language in a Chinese audience.

Keywords: linguistic consciousness, image of consciousness, associative directed experiment, mental representation

Введение

Рецепция творчества писателя или поэта, интерпретация фактов биографии и их влияния на сюжеты, героев, конфликт произведения чаще становятся темами литературоведческих и лингвистических исследований самого разного типа и направленности, включая анализ жанровых форм романов писателя, отдельных концептов, статистического своеобразия творчества, составление словаря его произведений, применение корпусных методов и пр. [Акелькина 1998, Азаренко 2007, Арутюнова 1999: 846–873, Баранов, Добровольский 2018, Корпусная модель 2021, Манукян 2021, Словарь язык Достоевского 2008-2012, Топоров 1998, Шарапова 2018, 2021; Шайкевич 2003 и др.]. Современная психолингвистическая парадигма дает возможность подойти к этим проблемам с иной стороны.

Цель работы – показать, какими экспериментальными методами и в какой методологической парадигме возможно представить фрагменты языкового сознания носителей русского и китайского языков, связанные с личностью Ф.М. Достоевского, героями его произведений, самими текстами этих произведений, какой вид приобретает подобная психолингвистическая реконструкция.

Актуальность исследования связана с неослабевающим интересом лингвистов к проблемам соотношения языка и сознания, картины мира, языкового сознания и пр. Не менее актуально исследование когнитивистами и психолингвистами форматов и форм концептуализации объектов окружающего мира, культуры, типов ментальных репрезентаций, процедур реконструкции содержания сознания и т. п. В методологии межкультурной коммуникации важно учитывать, кроме того, процессы формирования структур знаний, связанных с изучаемым языком и культурой. В парадигме данного исследования значимы положения экспериментальной психолингвистики, связанные с проблемами языкового сознания, субъективной семантики, ментального лексикона на родном и изучаемом языках [Залевская 2011, 2014; Курганова 2012, 2019; Пищальникова 2021; Методология 2016, 2021; Пищальникова, Сонин 2017; Тарасов 2000; Уфимцева 2003 и др.]. Очевидно, что феномены родной и чужой культур образуют специфические части «образа мира» носителей языка и индивидов, изучающих язык (фрагменты языкового сознания). Эти фрагменты сформированы с участием разных каналов (перцептивных, эмотивных, когнитивных и пр.), окрашены разными типами модальностей, но могут быть выведены «на поверхность» в ситуации общения или эксперимента.

Методологическая основа исследования: методологические и прикладные разработки русской психологической и психолингвистической школ в области теории сознания и его структуры (А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, Ф.Е. Василюка, В.Ф. Петренко), теории ментального лексикона (А.А. Залевской, Н.О. Золотовой, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой) [Тарасов 2002, Уфимцева 2003, Пищальникова 2021, Пищальникова, Сонин 2017], теории билингвизма, понимания иноязычных речевых произведений

(И. А. Зимняя, А. А. Залевская, И. Л. Медведева, Г. Р. Кочетова, И. В. Привалова и др.) [Залевская, Медведева 2002, Привалова 2001, Зимняя 2001]. В данной методологической базе принципиальным является характер продуктов переработки «опыта познания и общения», способы их интерпретации сознанием человека, живущим в родной культуре, и индивидом, изучающим другой язык и через него приобщающимся к другой культуре. Не менее важны пути формирования семантики языковых знаков, формы репрезентации знаний, характер «опор» для опознания слов, их «встраиваемость» в сеть причинно-смысловых связей. Последние в концепции О.В. Голубевой названы «облачным сервисом» для поиска кратчайших и эффективных путей идентификации слова, которые индивид неосознанно выбирает в ходе речемыслительной деятельности [Голубева 2016: 90]. Для нас важны те из них, которые индивид вычленяет для оформления впечатлений, мнений, знаний о культурно значимых объектах. Сами эти объекты имеют «разрозненный» или «рассеянный» вид, поскольку, если речь идет о творчестве писателя, внесшего вклад в мировую культуру, то индивидам, как правило, известны факты его биографии, герои и сюжеты произведений, прецедентные феномены, с ним связанные, и пр. По каким бы каналам ни получили информацию обо этом носители языка и индивиды, изучающие язык, сознанием такие типы информации обрабатываются универсальными способами, следовательно, разница для индивидов (кроме субъектных факторов) будет обусловлена влиянием языка и культуры. В случае с носителями другого языка речь идет о двойном влиянии: родной язык и культура участвуют в «поле интерпретации», создавая смешанный формат рецепции творчества и личности писателя.

Гипотеза: экспериментальные психолингвистические процедуры (направленный ассоциативный эксперимент), задающие определенный тип речевой деятельности (например, по продолжению начатого высказывания), – создают условия для выявления фрагментов (структур) сознания, имеющих сложное «разрозненное» или «рассеянное» когнитивное существование. Любые феномены культуры, в том числе те, что созданы жизнью и творчеством писателя, концептуализируются носителями родного и изучаемого языков в виде ментальных репрезентаций. Они, как динамичный «облачный сервис», включают представления, мнения, впечатления, знания об указанном феномене, состоят из взаимосвязанных компонентов ментального лексикона, связаны с изучаемым языком, а также с родным языком и культурой, могут быть выведены на поверхность с помощью экспериментов, определяющих направление «овнешнения».

Материал. 1. Результаты направленного ассоциативного эксперимента, проведенного с помощью письменных анкет в апреле-июле 2021 г. с участием реципиентов – носителей китайского языка, знающих русский язык и пользующихся им в профессиональных целях в Китае (переводчиков, преподавателей русского языка как иностранного в китайских вузах, студентов, магистрантов, аспирантов русских отделений факультетов ино-

странных языков). **Респонденты:** 60 мужчин и женщин возрастом от 21 года до 54 лет, проживающих в Пекине, Сиане, Ухане, Шанхае, Тайчжоу, Шэньяне, Цзинане, Вэйнане. 2. Результаты направленного ассоциативного эксперимента, проведенного с помощью инструмента google-form. Респонденты: 89 носителей русского языка – 27 мужчин и 62 женщин в возрасте 19–24 лет, проживающих в России и Казахстане.

Методы: направленный ассоциативный эксперимент, включающий стимулы - незаконченные высказывания «Я думаю о Достоевском, что ...», «Когда мы изучали произведения Достоевского в школе, то ...», «В романе "Идиот" Достоевский ...», «Герои Достоевского какие ...», «Если бы я был одним из братьев Карамазовых, то кем и каким бы я был ...» и т. п. (всего 12 стимулов), моделирование семантического поля, элементы статистического анализа.

Результаты исследования

Определенные итоги по некоторым направленным стратегиям ассоциирования изложены нами в [Бутакова 2021: 33–38, Бутакова, Гуц, Орлова, 2021]. Представим не описанные ранее результаты исследования.

1. Стратегия рефлексии по поводу писателя была задана стимулом «Я думаю о Достоевском, что ...». Большинство *русских респондентов* актуализировали оценку таланта и личности писателя. Реакции выражены словосочетаниями, высказываниями, развернутыми предложениями. Этот сектор реакций значителен по объему (57 %). Его составили несколько групп:

Оценка таланта: 28 г 34 %

Акцентирование гениальности: 6 г 6 % Он гений (2); гениальный писатель своего времени; Он – гений, а его произведения глубоки; он был гением; Он не хуже, чем гении ему предшествующие;

Акцентирование величия: 10 г 11 % Он великий (2); он великий классик; он великий писатель; Он великий писатель, внесший свой вклад в литературу; Он великий психолог; Он великий русский писатель; Он один из самых величайших деятелей культуры; он определенно имеет талант в писательстве; Он величайше умен и талантлив, однако его персонажи в сущности одни "уроды", читая Ф.М. мы проживаем и переживаем, мы рефлекслируем, что в свою очередь приносит много нехороших дум, мы, русские люди, так часто корим себя за эти самые "уродства" вплоть до того что забываем собственное я, топчя нутро грязными ботинками, дескать вот такие мы, грешные, не врут же классики... В этом заслуга и Достоевского в том числе (там целый список), что, конечно, не умаляет его литературные заслуги;

Акцентирование уровня таланта и творчества: 12 г 13 % Он замечательный писатель; Он был плохим человеком, хоть и его произведения очень интересные (2); он занят; он знал своё дело; он классный писатель; он недооценен молодыми людьми; он очень мудрый писатель; он писатель

с большой буквы; он, довольно, писатель из ряда непредсказуемых; очередной классический писатель; писателя такого уровня не будет больше никогда;

Оценка личности: 22 г 26 % Очень глубокая, интересная личность (2); Думаю, он неординарная, безусловно творческая и очень сложная личность; его считают классиком; неоднозначный человек; нормальный мужик; он - мудрый человек; он был меланхоличным человеком; он глубокий; он гуманист; он интересная личность; он интересный человек с богатой на события биографией, которая нашла отражение в произведениях и сделала их живее, правдивее; он меняет людей; он сложный человек; он отличный психолог; он хороший психолог; он хорошо понимал людей; он хорошо разбирался в людях; понять его взгляды могут не все; слишком мрачные произведения писал; у него была тяжёлая жизнь; умный; хороший писатель, но не самый лучший человек.

Оценка таланта содержит несколько линий, связанных в сознании русских респондентов с параметрами гениальности, величия, уровня таланта и творчества. В оценке личности важны параметры глубины, неординарности, сложности, ума, гуманизма, психологизма, выраженные характеризующими предикатами и синтаксическими структурами, их содержаниями.

Кроме указанных линий рефлексии, для русских респондентов были важен вклад писателя в литературу, причем отмечалось полярное отношение – огромность вклада в мировую литературу, недооцененность, переоцененность:

Вклад в литературу: 10 г 12 % Он вечен; Он внес большой вклад в литературу; он внёс свой вклад в развитие мировой и русской литературы; он выдающийся писатель своего времени, который вложил огромный вклад в литературу своего времени.; он известный; он классик мировой культуры. произведения Достоевского жизненные, их приятно читать; он, по большей части, недооценен молодым поколением; переоценён; уважаемый (2).

Рефлексия по поводу писателя была выражена рядом респондентов в открытой субъектной форме. Для этого выбирались субъектные (прямые и косвенные) формы коммуникации в виде развернутых высказываний.

Открытая рефлексия: 12 г 14 % Ничего (2); мне нравится, как он пишет; мне нужно дорасти до него; не думаю о нем; один из любимых писателей; он мне нравится; он является очень близким для меня писателем; я думаю о нём всегда; учусь в университете, названном его именем; я уважаю Достоевского за его талант, за насыщенную жизнь (он многое пережил), за пытливый ум; это удивительный писатель, поскольку через невероятно мрачные и тяжелые мотивы он приводит читателя к свету и надежде на лучшее.

Сектор оценки произведений писателя наполнен реакциями, связанными с личностной или групповой оценкой произведений по параметрам

хорошо / плохо, понятно / непонятно, интересно / неинтересно, тяжело / легко.

Оценка произведений: 5 г 6 % Все его произведения хороши; его книги понимаешь, когда вырастаешь; его произведения не теряют актуальности; Его произведения часто непонятны школьникам; Его произведения читать тяжело; Его романы очень интересны. Особый сектор составили реакции, реализующие стратегии совета-назидания. Респонденты определяли пути использования творчества писателя.

Инструкция по применению: 3 г 4 % Его нужно понять; его нужно ставить в пример молодежи и больше изучать в школьной программе; знакомство школьников с его творчеством лучше начинать с произведений «Белые ночи» и «Идиот», чем с «Преступления и наказания».

Есть небольшой сектор, состоящий из двух реакций, которые передают семиотическую значимость фигуры писателя.

Достоевский как символ: 2 г 2,4 % Достоевский = Омск; Классный универ.

Китайские респонденты чаще всего оценивали суть творчества. Именно этот сектор оказался самым объемным. В нем значимы три смысловые линии: исследование души, необычность, художественность; социальность творчества писателя.

Оценка сути творчества: 30 г 50 %

Акцентирование исследования души, психологизма: 12 г 20 % Его психологическое описание замечательно (2); Он великий исследователь человеческой души (3); он создал полифонический роман, магистр психоанализа; Он не только писатель критического реализма, он также глубокий психолог. Его произведения оказывают эмоциональное воздействие на читателей (2); Писатель кричит: «Спаси жизнь!» (2) и др.;

Акцентирование необычности, художественности: 11 г 18 % Что у него высокое художественное описание (2); что он показал русскую литературу другим образом, чем мы знали раньше (2).; Я думаю о Достоевском, что ... только в его произведениях пишут и такое чудесное открытие; самый необыкновенный автор из тех, что я читала (2) и др.;

Акцентирование социальности: 7 г 12 % Он показал нам социальную среду того времени (3); он не только является воплощением духа человека, но и является воплощением общественного вопроса; что он является представителем из множества великих русских писателей, которые взяли на свои плечи ответственность за общество и человечество; что он хочет, чтобы своими произведениями помогать читателям понять жизнь и бытие и др.

Второй объемный сектор содержит оценку личности писателя. Данный сектор охватывает реакции, акцентирующие неповторимость, уникальности личности, сочувствие угнетенным, трудность жизни, талантливость и пр.

Оценка личности: 14 г 23 % ... неповторимый писатель с великой уникальной личностью (3); что он жил с болью (3); он глубоко сочувствовал всему угнетенному человечеству (2); он прожил свою жизнь не очень хорошо (2); недоуменен, все время искал, как спасти русских; ... что его переживание; ...он, должно быть, человек с очень богатым жизненным опытом, если не так, он не может глубоко понять психология людей всех возрастов в обществе, не говоря уже о том, чтобы описать их так реально; Его писательский талант, вместе с талантом психолога и мыслителя, был признан еще при жизни.

Остальные стратегии сформировали небольшие по объему секторы. Так, определенная часть респондентов отметили вклад писателя в мировую и русскую литературу ценность его творчества.

Акцентирование вклада в русскую и мировую литературу, ценность: 7 г 12 % Важный вклад в изучение повествовательного стиля романа, имеющий неопределимое значение для развития теории литературы; его романы принесли всемирную славу русской литературе и сделали роман ведущим жанром на долгие годы; ... он- один из самых замечательных русских писателей в истории русской литературы; он действительно очень великий писатель, и его произведения оказывают огромное положительное влияние на русскую литературу; ..его ценят во всем мире, это очень нелегко и др.

Рефлексивная стратегия у китайских респондентов связана со сложностью произведений, с непониманием их смысла.

Рефлексия: 8 г 13 % Что каюсь, старалась не читать, т. к. и без того в мире много плохого, чтобы еще и внести в голову новые образы несчастья; В чём смысл создания этих произведений (2); его произведения очень трудно читать (2); сложно его читать; чтение его произведений требует сильной психологической выдержки и терпения (2).

Стратегия **оценки таланта** была использована только 4 респондентами (7 %). Они написали просто: *Я думаю о Достоевском, что он талантливый.*

2. Стратегия рефлексии по поводу качественных признаков героев произведений писателя была задана стимулом «Герои Достоевского какие ...». Большинство русских респондентов (71 %) отметили *нравственные качества, состояния*, отметив внутренние качества, соответствие / несоответствие норме (психологизм, депрессивность, мрачность, странность, глубину, противоречивость) с помощью характеризующих предикатов, выраженных прилагательными, причастиями и сочетаниями с ними, а также существительными с терминологическими значениями, экспрессивами, целыми высказываниями: *разные (4); страдающие (3); глубоко психологичные (2); мрачные? (2); разные, но их суть актуальна (2); странные (2); хорошие (2); борющиеся с собой; глубокие, думающие, но не всегда справедливые; глубокие* и др. Преобладающими в данном секторе являются реак-

ции, акцентирующие сложность (23 %), внутреннюю глубину (18 %), страдания, несчастья (14 %) см. ниже.

Распределение по группам в данном секторе реакций следующее:

Акцентирование страдания, несчастья: 12 г 14 % Страдающие (3); страдающие, живущие "без кожи"; депрессивные, подавленные, постоянно подвержены страданиям; мрачные и депрессивные; мрачные? (2); эмоциональные, чувствительные, тревожные; несчастные; несчастные; разнообразно несчастные;

Акцентирование разности, сложности: 19 г 23 % Разные (4); разные, но их суть актуальна (2); с диалектической душой; нелогичные; противоречивые; противоречивые, назидательно-показательные; разнообразные; сложные; сложные, но их возможно читать, как открытую книгу; психологически сложные; тяжелые люди; импульсивные; ищущие; вне времени; трагичные, противоречивые, идейные;

Акцентирование странности, отступления от нормы: 10 г 12 % Странные (2); какие-то странные; либо эмпаты, либо скрытные; какие-то странные; глубоко философствующие, иногда странные, уникальные; психологичные; противоречивые; противоречивые, назидательно-показательные; помешанные;

Акцентирование внутренней глубины, силы: 15 г 18 % Глубоко психологичные (2); борющиеся с собой; глубокие, думающие, но не всегда справедливые; глубокие; очень глубокие; глубоко философствующие, иногда странные, уникальные; морально они очень сильны; думающие; думающие в большинстве своем; сильные; умные; справедливые; хорошие (2);

Акцентирование жизненной травмы: 4 г 5 % Думаю, у них у всех достаточно нелёгкая жизнь; люди с тяжёлой судьбой; нравственные калеки; поведавшие бытие и все прелести жизни.

Еще один сектор реакций связан с выведением на поверхность параметр «соответствие реальности» (24 %), причем для русских респондентов было важно:

Сочетание жизненности и вымысленности: 10 г 12 % Живые (3); вымыслены, но реальны; живые (если можно так сказать, то есть веришь в их существование); жизненные; колоритные; настоящие; отражающие грехи общества; реалистичны, но моментами чрезмерно приукрашены;

Необычность: 4 г 5 % Необычные; необычные личности; особенные; непохожие;

Авторское начало и мастерство: 7 г 8,4 % Такие, какими автор видел окружающую его действительность; очень много слабых людей. Думаю, он проецировал свою неудачную жизнь в произведения; хорошо прописанные; хорошо прописанные, очень глубокие; хорошо прописанные, с собственной историей; типажные.

Все реакции представляют собой характеризующие предикаты, их сочетания, реже – высказывания, показывают сложную рефлексию русских респондентов по поводу мира произведений, героев в нем, жизни писателя.

Китайские респонденты отметили сложность героев, но выбрали иные качества. Сектор сложности велик (43 %), содержит следующие группы:

Акцентирование сложности, многогранности, противоречивости: 7 г 11 % Сложные (4); Герои Достоевского какие ...сложные; Сложные, многогранные; сложные личности; ... простой но не простой. Он увеличил различные дефекты или преимущества простых людей;

Акцентирование противоречивости поведения, нравственных качеств: 7 г 11 % Униженные хотят унижать других (2); Преступники, убийцы. Отец не отец, сын не сын. Студент не студент...; «грешные ангелы»; ...многие из них иногда бешеные и зачастую совершают неуместные поступки. Они часто говорят с собой в душе, и любят находить истину в религии; ..мучительный, вызывающий глубокую симпатию;... некоторые грустные и жалкие, а у некоторых женских персонажей есть божественность;

Акцентирование двойственности характера, внутреннего мира, социального положения, жизни: 14 г 23 % ...Большинство из этих героев закончились несчастными, но они упорно трудились и смело жили (2); Большинство из этих героев закончились несчастными, но они упорно трудились, чтобы стремиться к лучшей жизни (2); ... различные; они имели двойной характер, например, Раскольников; двойственный; бедные, несчастливые и добрые; мятежный, храбрый, противоречивый, оскорбленный и поврежденный, несчастный; некоторые из них очень добры но страдают от муки жизни, другие люди живут в богатом, но весьма пустом, другие более сложные, справедливые, добрые но параноидальные; низкие слои, бедные, униженные, угнетенные, оскорбленные, лишенные достоинств человека, есть и богатые, но жадные и скупые; чувствительные и противоречивые; герои Достоевского живут в особом измерении и др.

Акцентирование соответствия реальности: 2 г 3 % ...настоящие, то есть из жизни; как правило, считают «маленькими людьми». В романе Ф. Достоевского они страдают от одиночества, ищут понимания и сочувствия.

Акцентирование жизненной травмы: 2 г 3 % ...разные, жизнь мучила их, и они сами нашли свои пути; не нашедшие себе жизненного пути.

Особый сектор составили реакции-перечисления имен и фамилий героев: **25 г 41 %**

Алексей Карамазов (3); Родион Раскольников (2); Соня Мармеладова (2); Лев Николаевич Мышкин; Парфен Семенович Рогожин; Настасья Филипповна Барашкова; Федор Павлович Карамазов; Дмитрий Карамазов; Иван Карамазов; Деушкин; Деушки. Раскольников; Мышкин; Голядкин

, Мышкин; Раскольников и Соня; Мышкин; Зосима, Алёша; 1. Раскольников и Разумихин 2. Аглая Епанчина 3. Роль Настасьи Филипповны 4. Парфен Рогожин 5. Жажда (Иван Карамазов) 6. Самый страшный роман Достоевского («Подросток») 7. Лик божий в романе «Бесы» 8. «Дети» и «Взрослые» в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Еще один сектор реакций китайских респондентов связан с выделением позитивных качеств героев:

Акцентирование позитивных проявлений: 4 г 6 % Мягкий характер; замечательные мыслители, В мире романов Достоевского все главные герои - «мыслители» с относительно независимым сознанием, такие как Раскольников, «Подвальный человек», братья Карамазовы и т. д. Они не слиты и не связаны в определенное единство и не контролируются мыслями автора. Их личность и сознание находятся в состоянии диалога. Поэтому в полифонических романах отсутствует сознание авторского единства; есть свои теории и идеи; бедные, добрые.

3. Стратегия рефлексии по поводу деятельности героев произведений писателя была задана стимулом «Герои Достоевского делают что...». Стратегии реагирования русских респондентов охватывают определенные типы, которые группируются по трем основным семантическим полям. Самым большим является сектор, связанный с проявлением чувств, душевных страданий, внутренней борьбы. В данном секторе есть несколько смысловых линий, связанных с душевными переживаниями, поисками, ментальными действиями. Преобладающей является линия мучений, страданий, внутренней борьбы.

Акцентирование сферы чувств и душевных мучений: 37 г 44,6 %

Акцентирование мучений, страданий, внутренней борьбы: 24 г 29 %

Страдают (8); испытывают душевные муки; любят; мучаются; переживают; переживают потрясения; переживают, беспокоятся; переживают, мучаются угрызениями совести, страдают; поражают безумствами; борются с собой; борются, страдают, выживают; борются со своими изгибами души, либо опускают руки и поддаются падению; в поисках; страдают за грехи, совершают ошибки, каются; страдают и борются (в основном с собой); кайфуют;

Акцентирование поиска души, себя и смысла жизни: 8 г 10 %

Ищут; ищут правду; ищут правду внутреннюю; ищут правды; они пытаются найти смысл жизни, смысл поступков других людей и т. д.; пытаются взглянуть за край, понять истинный смысл бытия; пытаются найти свое место в мире, правда, не всегда удачно; пытаются найти себя, покаяться и исправить свою жизнь;

Акцентирование ментальных проявлений: 5 г 6 %

Очень много размышляют; думают; рефлексиируют слишком много думают; философствуют, рассуждают; размышляют и убивают.

Вторым по объему сектором является сектор экзистенции. Респондентом было важно не только актуализировать процесс жизни, но и его качества (попытки выжить, сложность жизни и пр.).

Акцентирование экзистенции: 20 г 24 %

Живут (8); каждый по-разному проживает свою жизнь (2); живут и дышат; живут каждый своей жизнью, но все они чем-то похожи; живут крайне тяжелой жизнью; проживают свои жизни; проживают сложные жизненные ситуации; пытаются выжить; пытаются выжить в сложном мире; пытаются выжить в сложном обществе; пытаются выжить и понять себя; драматично живут.

Реакции, актуализирующие сферу акциональных проявлений, поступков, разных типов действий и деятельности, образовали третий по объему сектор. В нем важны линии негативных / позитивных поступков, перерождения.

Акцентирование акциональности: 18 г 22 %

Акцентирование разных поступков: 13 г 16 % Выигрывают (2); играют свою роль; вестники, преступники, убийцы; грешат. совершают опрометчивые поступки; совершают правильные и неправильные поступки; учат делать людей правильные выводы; ничего хорошо; отправляют жизнь друг другу; приносят жертву; рассказывают людям о том, как могут жить люди и какие они бывают; скрывают;

Акцентирования изменения себя: 5 г 6 % Перерождаются (2); исправляются; отражают окружающую обстановку; раскатываются, но не все.

Средствами репрезентации всех смысловых линий является и акциональная лексика, в подавляющем большинстве случаев глаголы и синтаксические конструкции с ними (простые и развернутые). Семантика акциональности характеризует глаголы ментальных, нравственных, перцептивных действий, что соответствует заданной стимулом линии рефлексии, с одной стороны, сущности героев в семиосфере произведений Ф. М. Достоевского, с другой.

Китайские респонденты, продолжая заданное стимулом высказывание, актуализировали акциональную сферу, но обращали внимание в большей степени на физические действия и движения (*делают работу, блуждают по городу, борются*). В выборе реакций для данной группы респондентов было важно акцентировать схожесть героев с обычными людьми, идеологические моменты и передать те действия, героев, которые есть в сюжете романов писателя.

Акцентирование акциональности: 22 г 36,6 %

Убивают, думают, спорят, раскаиваются, ищут духовное спасение (3); Братья Карамазовых убили своих отца (2); проводить сильную идеологическую борьбу (2); ...Делают обычную работу, но хотите стремиться к лучшему будущему и счастливой жизни (2). ...делают обычную работу, но хо-

тите стремиться к лучшему будущему и счастливой жизни (2); Кажется, они ничего не делают (2). ... унижают, угнетают друг друга. Мышкина стоит сочувствовать (2); Герои Достоевского часто блуждают по городу, но они не получают покоя; Эти люди боролись с темным и упадочным обществом России того времени, хотя и отчаянно, трудно и противоречиво; По принуждению Раскольникова к существованию, он убил ростовщика старуху Алёну и её невинную сестру Лизавету, совершив убийство, поросшее всю Россию; То, что делают самые разнообразные люди; делают всё для жизни; ...Они, как правило, простые люди в России; делают разные социальные работы для того, чтобы заработать на жизни и др.

Еще один сектор содержит реакции, передающие стратегию выбора, поиска, душевных изменений, перерождения. Данные реакции, как правило, связаны с категориями добро / зло, хороший / плохой, душа / тело.

Акцентирование поиска души и перерождения: 9 г 15 %

Все герои Достоевского делают выбор. Они в конечном счёте выбирают свою судьбу. Кому-то придётся опуститься до самого дна, пережить состояние катарсиса и нести ответственность, а кто-то, наоборот, с самого начала, будто по наитию принимает верные решения (3);...борьба между добрым и злом (2); Сначала Герои Достоевского были хорошими, но из жизненного и душевного изменения, они вступили на путь преступлений; Некоторые сопротивляются жизни, некоторые идут на компромисс с жизнью, некоторые терпят жизнь, а некоторые терпят поражение от жизни; Спасание в душе и теле и др.

Реакции из ментальной сферы менее частотны у китайских респондентов, в них переплетены акциональные, перцептивные смыслы.

Акцентирование ментальной сферы: 7 г 11,6 % Делают нам глубокое размышление (3). ...часто обсуждают, высказывают свои мнения (2); Герои Достоевского делают ...много думали. ...спорят и обсуждают; чувствуют и умеют описывать свои переживания. Они никому не интересные и не нужные, они сами раскрыли сложный, противоречивый, трагический мир своей души;

В процессах актуализации сферы чувств респонденты выбирали стратегию синкретичного выражения нескольких смыслов – поиска и страданий, поиска и внутренней борьбы, тоски и преодоления и пр. В силу этого реакции подобного типа, как и реакции рассмотренной выше группы, могут быть отнесены к сфере поиска души (см. выше).

Акцентирование сферы чувств: 13 г 6,6 % Пытаются разобраться в том, что такое настоящее счастье (2); задают вопросы; психологические борьбы (2); Их мучает жизнь, у них есть тоска по добру, добро и зло сосуществуют; ... стремились преодолеть расколотость мира; Они постоянно ищут, думают, глубоко страдают от неблагообразия окружающего мира.

Экзистенциальная сфера была менее актуальна для китайских респондентов, о чем свидетельствует наличие всего двух реакций этого типа, связанных с акцентированием эгоизма героев.

Акцентирование экзистенции: 2 г 3 % они живут для себя.

4. Стратегия рефлексии по поводу жизни героев произведений писателя была задана стимулом «Герои Достоевского живут как ...». Для *русских респондентов* было важно выделить обычные и одновременно – необычные качества, при этом достраивание высказывания-стимула производилось в большинстве случаев с опорой на лексемы *люди, личности, герои, все, мы, немногие*, которые снабжались распространителями, содержащими качественные предикаты, – *обычные, обыкновенные, необыкновенные, настоящие, живые, реальные, типичные*. Некоторые респонденты отметили прототипичность с помощью соответствующего существительного. Небольшая группа участников эксперимента завершала высказывания, выбирая не характеристику героев, а способ жизни, т. е. актуализировала в структуре стимула не субъектную, а предикатную часть.

Акцентирование обычности типичности / необычности / идеальности, прототипичности субъектов: 35 г 42 %

Герои Достоевского – прототипы людей (2); Прототипы всех его принципов и мыслей; Обычные люди (3); Люди (2); Обычные люди того времени (2); Обыкновенные люди; обыкновенные люди со своими достоинствами и недостатками; Обычные люди в тяжёлых условиях; Обычные люди со своими слабостями; Герои Достоевского, они особые; Герои того времени; Герои; Как и все. Со своими проблемами и своей судьбой; Как люди со сложной судьбой; Как могут жить только герои Достоевского; Как настоящие живые люди с их трудностями, через которые необходимо пройти; Личности; Настоящие люди; Мы; Не все мы; Не многие; Необыкновенные люди в особом измерении; Реальные люди; Реальные люди с проблемами; Сложные герои со своими мотивами и страданиями; Типичные обыватели русского общества того времени; Живут, как в настоящем мире; В реальной жизни. Кроты под землёй.

Еще одной линией смысловых актуализаций стимула была репрезентация характера действия: респонденты достраивали высказывание, распространяя предикат с помощью конструкций, передающих образ действия, с опорой на глаголы из сферы возможностей, желаний, умений - *могут, хотят, получится, умеют* и пр., а также наречий – *по-разному, по-всякому, по кайфу* и пр.

Акцентирование качества / оценки действия: 16 г 19 %

Могут (3); Хотят (2); Получится (2); По-разному (2); Как умеют; По-всякому; По кайфу; По-разному; Попало; Не живут; Судьба их забросит, либо как они сами определяют ее; Умеют и могут.

К этой группе примыкают еще две, содержащие реакции, актуализирующие эмоциональные состояния героев, их аномальность, поиск и ре-

флексию с помощью разнообразных средств – наборов имен, развернутых сочетаний, прецедентных единиц.

Акцентирование эмоций / чувств, аномальности / поиска, рефлексии 15 г 18 %

В постоянном действии души; В страдании; В страданиях; Живут как могут, мучительно страдая; Деструктивно; Экспрессивно; Безумцы, помешанные на определенной зависимости, но в душе ранимые; Будто они не дома, а в гостях, им неуютно в этом мире; Будто они не от мира сего; В вечном поиске; Древние философы; Отшельники, самоискатели; они живут в конфликте внутреннем и внешнем; Овцы божии, божии да заблудшие; Распутно. Но спустя время берутся за голову, понимая, сколько мерзости за свою жизнь они натворили.

Кроме указанных выше, были зафиксированы линии достраивания стимула до актуализации материального или социального уровня жизни, передаваемого либо наречиями (*тяжело, плохо, очень плохо*), либо существительными и прилагательными - наименованиями социальных групп (*бедные, бедняки, бедные люди, жертвы социума, богачи, отверженные*), либо вторичными предикативными группами (*борясь с судьбой, закрытые в себе*).

Акцентирование материального / социального уровня: 13 г 15,6 %

Богачи (2); Тяжело (2); Бедные либо глупые люди в 19 веке; Бедняки; Очень плохо; Плохо; Не надо жить людям в социуме; В основном, тяжело. Борясь с тяжелой судьбой; Жертвы социума; Закрытые в себе люди; Отверженные.

Китайские респонденты, продолжая высказывания-стимулы, репрезентировали, как правило, наборы качеств с помощью экспрессивных конструкций, единичных и развернутых наименований.

Акцентирование эмоций / чувств, социального уровня: 20 г 40 %

Кошмары (2); ... крайне плохо, ненормально. Беда!!! (2); В душевных муках – это самое тяжкое и страшное наказание; Лишний человек; ... люди, отверженные обществом, «бывшие»; Несчастливая жизнь, но надежда на будущее; живут как плохая жизнь; Обычно они живут в горе, или в материальном горе, или в духовном горе; ... муравьи, бедные и тяжёлые и др.

Достаточно большую группу образовали реакции, передающие противоречивость, неоднозначность, двойственность жизни и личностей героев. Средства передачи этих смыслов – противительные, сопоставительные конструкции, высказывания, содержащие лексемы с семантикой неоднозначности.

Акцентирование неоднозначности, противоречивости двойственности жизни и личности: 11 г 20 %

Они ищут ответы на вопрос, как люди относятся к себе в мире, где «Бог мертв» (3). Несчастливая жизнь, но надежда на будущее (2); Маленькие

люди, которые трудно жилось, но которые сияли изнутри; Живут как в противоречивом калейдоскопе, потому что в его романах у каждого героя есть двойственная личность, персонажи совсем патологические, которые являются его характерными чертами; Живут как необыкновенный человек; У каждого человека есть как свои преимущества, так и сексуальная уродливая сторона; живут и горько и счастливо и др. **(12) 20 %**

Китайские респонденты отмечали также ментальную и физическую активность героев писателя и их соответствие современным людям. Средствами подобных актуализаций были преимущественно производные существительные с семантикой деятеля, наречия.

Акцентирование активности, соответствия современным людям: 10 г 18 %

Активно; Нормально; ... Писатель; ... Искупитель; Скитальцы; Герои Достоевского живут как... мечтатели; Мыслители; Осмысленные, пронизательные и, по крайней мере, не как китайские говорят «ходячие мертвецы»; ... Люди в наше время; Как окружающие нас люди.

Выводы

Фрагменты языкового сознания носителей русского и китайского языков, связанные с результатами восприятия личности Ф. М. Достоевского, героев его произведений, самих текстов этих произведений, достаточно определено «высветились» с помощью «направляющих линий», заданных ассоциативным экспериментом.

Методологическая парадигма психолингвистики (теория значения, теория сознания) дала возможность связать способы вербализации с характером продуктов переработки «опыта познания и общения», получаемых в родной культуре и связанных с родным языком и получаемых в родной культуре, но связанных с чужим языком и культурой.

Пути формирования семантики языковых знаков проявились по-разному у русских и китайских респондентов при поиске кратчайших и эффективных путей идентификации слова, которые они выбирали в ходе речемыслительной деятельности в условиях направленного эксперимента.

Влияние родной культуры ощутимо у китайских участников эксперимента в актуализации смысловых областей «напряженная работа, труд», «бедность» «жизнь», «сочувствие всему угнетенному человечеству» в ходе реализации ряда стратегий. В группе русских респондентов таких актуализаций не зафиксировано.

Менее разнообразной по характеру актуализаций, чему у русских участников эксперимента, была линия оценки личности писателя. Для них важнее была стратегия раскрытия сути творчества и акцентирование сложности текстов для восприятия.

Русские респонденты применили особые стратегии - совета-назидания, «инструкции по применению» творчества Ф. М. Достоевского. Китайские респонденты были оригинальны в выборе линии перечисления

имен и фамилий в ходе реализации качественной стратегии. Зафиксирована еще одна разница в реализации стратегии рефлексии по поводу деятельности героев: для китайских респондентов была важна акциональная сфера, связанная с физическими действиями и движениями, для русских – сферы чувств и душевных мучений, экзистенции.

Список источников

1. Азаренко, Н. А. Концептуализация света и тьмы в языковой картине мира Ф. М. Достоевского (на материале романа «Преступление и наказание»): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тамбов, 2007. – 24 с.
2. Акелькина, Е. А. Пути развития русской философской прозы конца XIX века: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Екатеринбург, 1998. – 480 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – С. 846–873.
4. Баранов, А. Н. Кстати и некстати: к речевым практикам Достоевского / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – 2018. – № 1 (35). – С. 33–45.
5. Бутакова, Л. О. Ф. М. Достоевский и его творчество как образы сознания носителей китайского языка / Л. О. Бутакова // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом: сборник научных статей / Уральский государственный педагогический университет; главные редакторы Е. В. Дзюба, С. А. Еремина. Екатеринбург: [б. и.], 2021. Вып. III. 222 с. – С. 33–38.
6. Бутакова Л. О. Ф. М. Достоевский в языковом сознании молодежи: экспериментальное исследование / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц, Н. В. Орлова // Достоевский в смене эпох и поколений: материалы II Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (г. Омск, 11–14 ноября 2021 г.) / [ответственный редактор Е. А. Акелькина]. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2021. 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. – С. 425–434.
7. Голубева, О. В. Теория эвиденциальности выводного знания: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Тверь, 2016. – 345 с.
8. Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента / А. А. Залевская. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. – 240 с.
9. Залевская, А. А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход / А. А. Залевская. – Тверь: ТГУ, 2014. – 222 с.
10. Залевская А. А. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия / А. А. Залевская, И. Л. Медведева. – Тверь: ТГУ, 2002. – 194 с.

11. Зимняя, И. А. Лингвopsихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – Москва: Моск. психолого-социальный ин-т: Воронеж, НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
12. Корпусная модель идиостиля Достоевского / Е. А. Балашов, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко, М. М. Коробова, М. Н. Михайлов, Е. А. Осокина, Н. А. Фатеева, Л. Л. Федорова, Е. В. Шарапова / под редакцией А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – Москва: ЛЕКСРУС, 2021. – 358 с.
13. Курганова, Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова / Н. И. Курганова // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3 (41). С. 24–38.
14. Курганова, Н. И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Тверь, 2012. – 401 с.
15. Манукян, Г. В. Концепт КРАСОТА (на материале произведений Ф. М. Достоевского): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Мытищи, 2021. – 187 с.
16. Методология современного языкознания. Вып. 3 / отв. ред. К. С. Карданова-Бирюкова. – Москва: Р. Валент, 2021. – 276 с.
17. Методология современного языкознания: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация. Вып. 2 / отв. ред А. Г. Сонин. – Москва: ЛЕНАНД, 2016. – 200 с.
18. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики / В. А. Пищальникова. – Москва: Р. Валент, 2021. – 488 с.
19. Пищальникова, В. А. Общее языкознание / В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин. – Москва: Р. Валент, 2017. – 480 с.
20. Привалова, И. В. Понимание иноязычного текста / И. В. Привалова. – Саратов: Изд-во Поволжск. Межрегион. учебного центра, 2001. – 175 с.
21. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Т. I–IV / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. – Москва: Азбуковник, 2008–2017.
22. Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
23. Топоров, В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // В. Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – Москва: Прогресс-Культура, 1995. – С. 193–258.
24. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102–111.

25. Шайкевич, А. Я. Статистический словарь языка Достоевского / А. Я. Шайкевич, В. М. Андриющенко, Н. А. Ребецкая. – Москва: Языки славянской культуры, 2003.

26. Шарапова, Е. В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2018. – 24 с.

27. Шарапова, Е. В. Корпусные методы в исследовании идиостиля: решительный/решительно в языке Ф. М. Достоевского / Е. В. Шарапова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – 18 (2): 400–416. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.209>

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОНФЛИКТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ СМИ

Бухаров В. М., Байкова О. В.

В публикации рассматриваются основы лингвистической экспертизы конфликтных текстов, которая является частью комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Целью является комплексное исследование материалов, в ряде отношений приближающихся к экстремистским, включающее в себя анализ собственно лингвистических, прагматических и стилистических особенностей соответствующих текстов. В качестве материала исследования выбраны англоязычные конфликтные политические тексты электронных газетных ресурсов (The Guardian, USA Today) и социальных сетей (Twitter). В результате анализа лингвистических и прагматических особенностей выявлена основная причина конфликтного характера анализируемых текстов, а именно, то, что авторы чаще всего придерживаются интенции дискредитации, используя определенные приемы для воздействия на читателя.

Ключевые слова: психолого-лингвистическая экспертиза, экстремизм, конфликтный текст, дискредитация

FEATURES OF LINGUISTIC EXPERTISE OF ENGLISH-LANGUAGE CONFLICTUAL POLITICAL TEXTS OF MASS MEDIA

V. M. Bukharov, O. V. Baykova

The paper discusses the basics of linguistic expertise of conflictual texts, which is part of a comprehensive psychological and linguistic expertise. The purpose of this work is a comprehensive study of extremist materials, including an analysis of linguistic, pragmatic and stylistic features of such texts. The English-language conflictual political texts of electronic newspaper resources (The Guardian, USA Today) and social networks (Twitter) were selected as the research material. As a result of the study, an analysis of linguistic and pragmatic features was carried out, which allows to identify the conflictual nature of the analyzed texts, namely, the authors most often adhere to the intention of discrediting, using certain techniques to influence the reader.

Keywords: psychological and linguistic expertise, extremism, conflictual text, discrediting

Введение

Вопросами взаимосвязи языка и юридического права на протяжении многих лет занимаются как лингвисты, так и юристы. Благодаря их многочисленным трудам стало возможным становление относительно молодой науки – юридической лингвистики. Одной из задач этой науки является разработка теоретических оснований лингвоэкспертной деятельности и ее

методологических основ. Решение этой задачи связано прежде всего с исследованиями речевой деятельности и ее продуктов, вовлеченных в судебную, следственную и правовую деятельность. Потребность в подобных исследованиях связана со все возрастающим в последние годы числом текстов, содержащих конфликтный экстремистский контент [См., например: Баранов 2013; 2014].

Анализ фактов, содержащихся в подобных вербальных и невербальных лингвистических материалах в процессе следствия, дознания или суда требует специальных знаний в области лингвистики и психологии. Основной процессуальной формой использования такого рода материалов является, как правило, комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза, которая направлена на исследование спорных текстов, потенциально имеющих конфликтную или экстремистскую направленность. Часто в публикациях, выступлениях, которые квалифицируются как возбуждающие национальную, расовую, религиозную рознь, широко используются ложные, вымышленные факты, бездоказательные утверждения, разного рода манипулятивные ловушки, служащие для создания негативного образа представителей той или иной национальности или религии, то есть используются приемы косвенного кодирования [См., например: Потапова, Потапов 2004].

Значимость лингвистической части рассматриваемой проблемы обусловлена, прежде всего, необходимостью осознания места лингвистики в современном гуманитарном знании в связи с бурным развитием новых технологий исследования языка и их прикладными возможностями. Все это присуще недавно возникшей отрасли прикладной лингвистики – лингвистической экспертологии, для которой особенно актуален вопрос о применении существующих лингвистических теоретических знаний при установлении доказательств в ходе экспертного исследования спорных текстов.

Исходя из изложенного **цель исследования** определяется как системное исследование лингвистических экстремистских материалов, содержащихся в печатных текстах, аудио- и видеоматериалах, креолизованных текстах, статьях и постах в социальной сети Интернет и др. для их дальнейшего использования в психолого-лингвистической экспертизе.

Методологическая основа исследования

В соответствии с целью исследования определяются задачи по анализу текстов, определяемых как экстремистские, и возможности их изучения в рамках психолого-лингвистической экспертизы. Основными методами исследования являются описательный дискурсивный анализ, метод прагматического анализа, контент-анализ, метод сплошной выборки и количественный метод исследования материала.

Материалом послужили англоязычные конфликтные политические тексты, которые были взяты из различных электронных газетных ресурсов (The Guardian, USA Today) и из социальных сетей (Twitter). Всего в ходе проведения исследования было проанализировано 46 англоязычных тек-

стов и выявлено 109 примеров, содержащих спорный экстремистский потенциал.

Результаты исследования

1. Лингвистическая и психологическая экспертизы как составные элементы психолого-лингвистической экспертизы

Лингвистическая экспертиза как самостоятельное направление в лингвистике имеет достаточно большую историю. Она существует уже с начала XIX века. В последнее время появилась необходимость расширить перечень теоретических оснований и практических аспектов для экспертизы конфликтных и спорных текстов, а именно: применять не только логические и нормативно-стилистические критерии оценки текста, но и фундаментальные положения языкознания о соотношенности языкового знака с неязыковой действительностью, а также использовать данные психолингвистики и теории коммуникации о закономерностях смыслового восприятия текста. Такой подход к экспертизе предполагает существенное расширение методологической и материальной базы экспертизы.

Задачей экспертизы текстов является их оценка на предмет содержания в них конфликтного и/или экстремистского контента в ходе судебного или досудебного разбирательства [См. работы М. М. Коченова 1977, Г. С. Иваненко 2008, Л. М. Голикова 2012, D. Ponton, T. Larina 2016 и др.]. Такая постановка задачи требует использования потенциала большого числа прикладных научных дисциплин, таких как юрислингвистика, психолингвистика, политическое и лингвистическое консультирование. В целом лингвистическая экспертиза считается комплексной, поскольку включает в себя широкий спектр научного знания.

Характер лингвистической экспертизы определяется объективным содержанием текста, подтверждаемым анализом конкретных высказываний. Такой вид экспертиз не допускает вероятностных и эмоциональных оценок. Поскольку данная экспертиза является одним из видов судебных экспертиз, применяемых для выявления некорректных, экстремистских и конфликтных элементов в тексте, ее формулировки должны быть аргументированными, однозначными и четкими. Объектами лингвистической экспертизы являются соответственно продукты речевой деятельности – информационные материалы, печатные тексты, интернет-тексты. Подход к объекту экспертизы как виду деятельности предполагает возможность психологической оценки этой деятельности для установления фактов наличия или отсутствия признаков конфликтности и/или экстремизма в речевых поступках.

2. Вербальный экстремизм и психолого-лингвистическая экспертиза

Экстремизм является одним из видов деструктивной активности современной социально-политической жизни. Его деструктивная составляющая заключается в направленности на уничтожение или разрушение со-

циальных структур и институтов [Уголовно-процессуальный кодекс РФ. – URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>].

В современной отечественной лингвистике широко представлены работы по осмыслению влияния экстремистского содержания текстов на реципиентов [Голиков 2012]. В сфере коммуникации выделяются различные формы речевого воздействия: призыв, побуждение и пропаганда [Иваненко 2008], а также различающиеся по характеру средства реализации: лозунг, апелляция, обращение, воззвание [Баранов 2007: 424–431]. Экстремистский текст содержит идеи негативного характера, такие как: отрицание, уничтожение (разрушение) определенной социальной группы (или ее представителей), положительные признаки которой отрицаются. Стоит отметить, например, что ксенофобия по национальному, политическому и религиозному признаку в современном медиа пространстве достаточно высока. Так, в частности, если пользователь вводит определенный устоявшийся образ национальности в информационном поиске («Яндекс», «Google» и др.), то появляются различные информационные теги. Сами теги не разжигают межнациональную борьбу, но уже сформированный образ «иного» как преступника воспринимается упрощенно в контексте, т. е. наличие образа врага [Ворошилова 2012]. Такая ситуация характерна для религиозного, политического и социального экстремистского дискурсов. Информационное сообщение с указанием классифицирующего признака и преступного деяния переходит в разряд пропаганды.

Отличие пропаганды от информационного сообщения заключается в установке реципиента на схему «восприятие > суждение». Так, например, многократные упоминания в информационных сообщениях о неких правонарушениях одних и тех же национальностей формируют у реципиентов идею о том, что все представители этих национальностей совершают преступления. Следствием этого является формирование отчуждения от представителей той или иной социальной или этнической группы.

Задачей следствия и суда является установление умысла субъекта преступления. При установлении умысла автора текста должна учитываться цель сообщения, выраженная автором в самом тексте (высказывании). Эта цель находит в нем прямое или косвенное выражение и может быть во многих случаях выявлена путем анализа использованных языковых средств, сообщаемых типов информации и особенностей коммуникативной ситуации. Установление цели сообщения, а не цели противоправной деятельности входит в задачу психолого-лингвистического исследования. Определение мотива деяния находится вне компетенции экспертов – лингвистов и/или психологов и составляет исключительную компетенцию судебно-следственного органа [О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изменениями от 30 декабря 2001 г., 5 февраля, 24 июля 2007 г., 28 июня 2009 г.). – URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>].

Основными особенностями текста, значимыми для его правовой оценки как продукта деятельности субъекта и уголовно-правовой оценки действий автора этого текста по его созданию и обнародованию, т. е. юридически значимыми особенностями текста, являются:

- 1) целенаправленность деятельности автора по созданию текста, ее произвольность и осмысленность;
- 2) публичность речевой деятельности (публичный или массовый уровень коммуникации);
- 3) наличие в тексте призывов (к определенным действиям);
- 4) наличие в тексте пропаганды национального, религиозного, языкового, расового превосходства, исключительности или неполноценности;
- 5) наличие в тексте оправдания терроризма или обоснования экстремистской деятельности;
- 6) направленность речевых действий (текста) на возбуждение розни, вражды, ненависти, на унижение достоинства человека, оскорбление человека по определенным признакам (пол, раса, национальность, отношение к религии и др.).

Таким образом, вербальный экстремизм обычно выражен в форме текстов, содержащих в себе пропаганду превосходства, исключительности либо неполноценности граждан в силу расовой, социальной, религиозной или языковой принадлежности. Установление этих особенностей в высказываниях (текстах) является содержанием психолого-лингвистической экспертизы.

3. Психолого-лингвистическая экспертиза: общая характеристика

Психолого-лингвистическая экспертиза, назначаемая и проводимая в сфере противодействия преступлениям, направленным на распространение материалов экстремистского характера, – это комплексная экспертиза, заключающаяся в совместной оценке и объединении результатов исследований, проведенных лингвистами и психологами. Основной трудностью проведения психолого-лингвистической экспертизы является отсутствие единой методики ее производства, поскольку данный вид экспертизы имеет недолгую историю становления, и общий экспертный опыт все еще не сформировался. В данный момент комплексная психолого-лингвистическая экспертиза (далее по тексту ПЛЭ) назначается для анализа текстов, содержащих в себе конфликтный потенциал, чаще всего в рамках Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 №114-ФЗ [О противодействии экстремистской деятельности. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ – URL: <https://base.garant.ru/12127578>].

Объектами ПЛЭ являются материалы информационного или агитационного содержания: печатные тексты (книги, листовки, тексты СМИ), материалы из Интернета (статьи, записи в блогах, сайты, иные материалы, распространенные в социальных сетях), видеозаписи (массовые выступления, реклама), аудиозаписи (лекции, записи песен). Особый интерес пред-

ставляет экспертиза массовых выступлений, которые делятся на несколько типов: митинги, пикеты, шествия, движения, политические дебаты и выступления.

Предметом ПЛЭ являются специфика и степень воздействия текста на адресата, содержание и значение текста отходят на второй план. Лингвист может поэтому выявить только общее содержание анализируемого текста, психолог, в свою очередь, выявляет то, как данный текст воспринимается адресатом и в какой степени воздействует на его сознание. Психолого-лингвистическая экспертиза текста экстремистской направленности нацелена, таким образом, на выявление и подробное описание его основных смысловых единиц, идей, а также установление спектра психофизических, когнитивных, оценочных и поведенческих параметров [См., например, Злоказов 2011].

К числу задач эксперта-лингвиста и эксперта-психолога относятся установление призывов и побуждений разного рода; признаков разжигания розни, возбуждения вражды (ненависти); признаков разжигания конфликтов различного характера (международного, политического и др.); установление признаков унижения, пропаганды, оправдания какой-либо деятельности, а также установление признаков угрозы, обвинений лица в совершении каких-либо действий. Определение экспертных задач обычно не вызывает затруднения, однако формулировка экспертных понятий требует затрат определенного количества времени.

Таким образом, ПЛЭ применяются в рамках поставленных задач на основе рекомендаций, разработанных в системах различных организаций. Назначение психолого-лингвистической экспертизы целесообразно в тех случаях, когда имеются сомнения или спор относительно значения конфликтности вербального содержания текста. Согласно Пленуму Верховного суда, экспертиза (лингвистическая либо комплексная) назначается для определения целевой направленности информационных материалов только в необходимых случаях [Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности” – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102247>]. При этом экспертиза назначается не для того, чтобы определить, является ли какое-либо языковое явление или значение «экстремистским», но для того, чтобы установить, выражено ли в тексте то или иное значение, а также установить факты, связанные с содержанием или направленностью текстов (высказываний). Ответ на вопрос «Является ли значение экстремистским?» относится к сфере юриспруденции.

Согласно мнению ряда экспертов-специалистов анализ коммуникативной ситуации, определение формы и ситуативной уместности высказывания являются предметом исследования эксперта-лингвиста, поскольку входят в состав его профессиональных компетенций, и поэтому эта часть экспертного заключения вполне достижима без участия психолога. «Не

умалая значимости и потенциала использования специальных психологических знаний при решении вопросов, касающихся, например, характеристики эмоционального состояния, выявления признаков повышенной враждебности автора, агрессивности, внушаемости, зависимости, тем не менее считаем, что привлечение специалиста в области психологии для проведения комплексных экспертиз и исследований не может иметь предписывающий характер. В случае необходимости получения комментария психолога при оценке следователем, прокурором или судом заключения эксперта по лингвистической экспертизе он может быть привлечен в статусе специалиста» [Назарова, Громова 2017: 14].

Таким образом, психолого-лингвистическая судебная экспертиза является формой интеграции гуманитарных знаний в условиях их дифференциации и базируется на коллегиальной деятельности. В значении любого высказывания есть как лингвистическая, так и психологическая составляющая. Лингвистический компонент значения текста – это общепринятый, устойчивый, в той или иной мере отражаемый в словарях и лингвистических описаниях способ понимания языковых средств, которые выбран и содержит ответ на вопрос «Что присутствует в содержании текста?». Психологический компонент значения высказывания или текста характеризует позицию автора и те установки, на формирование которых у адресанта направлено сказанное, т. е. «Почему и для чего в тексте о чем-либо говорится».

4. Особенности психолого-лингвистической экспертизы на материале конфликтных текстов

Психолого-лингвистическая экспертиза позволяет выявить обстоятельства, эмоциональные состояния и цели адресанта экстремистского текста. Его целью является, как правило, не обнародование материала как такового, а возбуждение вражды и агрессии. Таким образом, публичное выступление или публикация текста в СМИ или социальных сетях является средством достижения цели возбуждения вражды, розни, унижения достоинства и т. п.

Для оценки особенностей ПЛЭ значимыми являются следующие параметры текстов: прагматические (цель, интенция, реакция), языковые (лексические, грамматические, синтаксические, семантические), речевые (жанр, стиль), изобразительные средства (рисунки, фотографии, карикатуры с этнической тематикой и т. п.).

4.1. Прагматические особенности конфликтных текстов

Вербальный экстремизм – это особый вид деятельности, который преследует, как правило, политические цели, реализуемые различными средствами и методами, с привлечением агитационно-пропагандистских возможностей воздействия на аудиторию. Существует множество группировок и влиятельных личностей, которые стараются привлечь как можно больше людей к своей идеологии посредством речевого воздействия. Экстремистские тексты становятся массово доступными, особенно в социаль-

ных сетях, и являются сильным орудием вербовки, разжигания ненависти и агрессии людей по отношению к расе, нации, этносу и политическому строю страны. Первостепенной задачей эксперта-лингвиста является, таким образом, выявление закрепленных в языковом материале целей, направленности и результатов воздействия на адресата экстремистского текста. Прагматические особенности связаны, следовательно, с базовыми коммуникативными функциями: эмотивной, апеллятивной и контактоустанавливающей.

Эмотивная функция экстремистских текстов реализуется прежде всего за счет лексики, выражающей и описывающей эмоции с целью воздействия на адресата в нужном адресанту направлении, побуждения его что-то сделать, вызвать в нем определенные чувства. Интенция автора при этом – волюнтаристическая. В качестве иллюстрации рассмотрим несколько примеров.

1. Публикация в социальной сети Twitter Тайсона Фьюри, профессионального боксера Великобритании:

This is the great man sir Winston Churchill, a man who saved millions of lives in the uk GB and around the world (смукер) he made it possible to live in the world we know today, don't forget if Hitler would of won the war there would be no Black, Gypsy, Jew, in Europe as he would of killed them all. We owe our lives to this legend of a leader, Sir Winston Churchill I salute you as A patriot of England & the world heavyweight boxing champion & the Gypsy King. RIP #worldsgreatestleader @borisjohnsonuk grow a pair. Do not let anyone desecrate our great leaders monument. #ILOVEYOUENGLAND [Tyson Fury (@gypsyking101), 13.06.2020]

Намерение автора – приписать все достижения государственных деятелей различных стран Уинстону Черчиллю. В интенции заложено внушение читателю мысли о превосходстве Уинстона Черчилля посредством эмоционально-окрашенной и военной лексики (*the great man, a leader, our great leaders*). Автор воздействует на читателя, уверяя, что Уинстон Черчилль спас не только Великобританию, но и весь мир. Реакция читателей негативная, поскольку сам Уинстон Черчилль, хотя и был прекрасным военным лидером, также высказывал неприемлемые вещи об индейцах и арабах (*Churchill was no doubt a great war time leader, but he was also a racist who said some absolutely disgusting things about Indians and Arabs over his lifetime. People tend to ignore this when they glorify him.*).

2. Следующий пример: вложенная статья к посту в социальной сети Twitter политического деятеля Великобритании, Найджела Фараджа:

It really is about time we all said it. China caused this nightmare. Period.

Текст вложения:

I believe that attention should now turn to China. When President Trump has talked about the Chinese virus"(others have called it the Wuhan Virus) he has been met with waves of criticism and accusations of racism. In the House of Commons, the shadow foreign secretary Emily Thornberry even said of Trump:

Now he's calling it the foreign virus, blaming it on Europe for its spread and today blaming China. 'I hate to break it to Ms Thornberry, but Trump is right. And it is time we all challenged China.

I have no ill-will against the Chinese people whatsoever; nor against Chinese doctors battling the pandemic in Wuhan, nor against Chinese scientists working shoulder to shoulder with their colleagues around the world to break the code of the disease. But the fact remains that China is an ideological state with its own long-term purpose in mind, and President Xi – now in a totally commanding position in Chinese society – is not our friend. [Nigel Farage, 18.03.2020]

Намерение автора – обвинение руководителя Китая и его народа в распространении нового вируса, называя его «*Chinese virus*» и поддержка негативного высказывания Дональда Трампа. В интенции прослеживается дискредитация правительства Китая и убеждение в своей правоте посредством инверсии, а также выражается призыв к действиям против Китая (*And it is time we all challenged China*). Автор, с одной стороны, высказывает уважение к ученым и докторам Китая, которые борются с новой инфекцией, но обвиняет при этом правительство Китая в наличии у него иных целей (*own long-term purpose in mind*) и заявляет, что «президент Си» не является «другом Великобритании» (*President Xi is not our friend*).

Реакция читателей на данный пост довольно агрессивная. Многие читатели называют Найджела Фараджа «отвратительным расистом» (*repulsive racist* – <https://www.indy100.com/article/coronavirus-nigel-farage-china-racism-covid-19-9410536>).

3. Следующий текст взят из публикации президента США Дональда Трампа в социальной сети Twitter:

So interesting to see “Progressive” Democrat Congresswomen, who originally came from countries whose governments are a complete and total catastrophe, the worst, most corrupt and inept anywhere in the world (if they even have a functioning government at all), now loudly and viciously telling the people of the United States, the greatest and most powerful Nation on earth, how our government is to be run. Why don't they go back and help fix the totally broken and crime infested places from which they came. Then come back and show us how it is done. These places need your help badly, you can't leave fast enough. I'm sure that Nancy Pelosi would be very happy to quickly work out free travel arrangements! [Donald J. Trump (@realDonaldTrump), 14.07.2019]

Прагматическая направленность текста – обвинить и настроить граждан против женщин-конгрессменов Александрии, которые «злобно» настроены против политики Дональда Трампа и США. Автор показывает США как «самое могущественное и великое государство на земле» (*the United States, the greatest and most powerful Nation on earth*), уничижая правительства штатов женщин-конгрессменов (*whose governments are a complete and total catastrophe, the worst, most corrupt and inept anywhere in the world*). Он прибегает к иронии, на что указывает использование кавычек

“*progressive*”. Использование превосходных прилагательных свидетельствует о крайне сильном эмоциональном и негативном отношении к женщинам-конгрессменам. В интенции прослеживается дискредитация с одной стороны политиков, с другой женщин.

4. Следующий текст был опубликован в социальной сети Twitter автором под именем Хашим:

Commander Shamil Basayev, the Hero who fought against Russia when they attempted to exterminate the Muslims. “Our Muslim brothers from Dagestan have asked us for help, and it is our duty to help them.” [Hashim (@hashimumarali), 18.03.2019]

Намерение автора – показать Шамиля Басаева героем, поддерживаемым мусульманским сообществом. В интенции текста заложено оправдание террористических действий Шамиля Басаева.

Таким образом, прагматический потенциал экстремистского текста раскрывается через общественно-политическую и религиозную тональность, в частности, в социальных сетях. Подобные тексты нередко сопровождаются оскорблениями, что способствует их коммуникативной успешности в определённых кругах реципиентов.

4.2. Языковые особенности конфликтных текстов

Анализ конфликтных текстов позволил выделить ряд характерных для них языковых особенностей. В основном они принадлежат к двум языковым уровням: *лексическому*, связанному с выбором лексических единиц, в частности, религиозных, националистических или этнических терминов, а также использованием грубой разговорно-сниженной лексики, бранных слов и т. п.; *грамматическому*, включающему в себя использование страдательного залога, повторение грамматических конструкций, инверсию, различные способы построения предложений и др.

Рассмотрим ряд примеров.

1. В электронном источнике *Politico* опубликована статья, в которой комментируется неоднозначное высказывание Хейли Барбура о политике Барака Обамы [<https://www.politico.com/story/2012/09/barbour-sorry-for-obama-remark-080642>]. По словам одного из собеседников, во время конференции Хейли Барбур сказал следующее:

And then he said there is no one who will run for president who will endorse Obama’s issues, because Obama’s issues are ‘tar babies’.

Словосочетание ‘*tar babies*’ в переводе на русский «смоляное чучело» берет свое начало из сказки Дж. Харриса «Сказки дядюшки Римуса», где рассказывается о коварном поступке брата Лиса, который сотворил данное чучело, после чего братец Кролик разозлился из-за молчания существа и начал колотить его, что в итоге привело к увязанию в смоле. Однако этот термин иногда использовали как расовое оскорбление. Данное выражение часто используется поэтому для обозначения щекотливой ситуации,

некоего груза, от которого нельзя избавиться. Именно это и подразумевал Хейли Барбур, как он сам утверждает.

2. В статье «**California woman arrested for alleged hate crime after leaving racist notes at homes**» электронного источника USA Today говорится о женщине, которая разместила рукописные сообщения на дверях нескольких домов, адресованные американцам азиатского происхождения [<https://www.usatoday.com/story/news/nation/2020/05/27/california-woman-arrested-leaving-racist-notes-homes/5265775002/>].

If you are a woman or man and was born in another country, return, go back to your land immediately, fast, with urgency. One American, white, brave, that serves the Nation or USA is going to live here [USA Today, 27.05.2020].

Слово *Nation* в написании с прописной буквы говорит о превосходстве американской нации. Повторение глаголов с одинаковым значением «возвращаться» (*return* и *go back to*) и прилагательных со значением «немедлительно» (*immediately, fast, with urgency*) свидетельствуют о подстрекании к действию. При этом повторами достигается усиление психологического давления. Цель адресанта и его мотивация ясны: запугать и внушить страх. В данном отрывке использованы как грамматические средства (повторы, перечисление, обособленные члены, так и лексические коннотации. Один из прочитавших сообщил, что из-за таких сообщений у него «бегут мурашки по спине» (*reading this letter sends chills down my spine*).

3. В связи с убийством чернокожего мужчины и последующими протестами в США, президент Дональд Трамп опубликовал пост в социальной сети Twitter:

These THUGS are dishonoring the memory of George Floyd, and I won't let that happen. Just spoke to Governor Tim Walz and told him that the Military is with him all the way. Any difficulty and we will assume control but, when the looting starts, the shooting starts. Thank you! [Donald J. Trump, 29.05.2020]

Слово *thugs* (головорезы) означает жестокий человек, преступник. Фактически Дональд Трамп обозначает этим словом всех граждан, требующих наказания для полицейского за убийство. Глагол *will* выражает решимость взять контроль над ситуацией в свои руки. Бросается в глаза то, что это слово выделено из общего контекста и написано заглавными буквами, то есть целью адресата было обратить внимание именно на него и вызвать негативные эмоции в отношении протестующих граждан. Стоит отметить и повтор глагола *starts*, что предполагает психологическое воздействие на читателя. Предложение *the looting starts, the shooting starts* по интенции и цели направлено на запугивание и решительные меры в отношении своих граждан. В данном фрагменте можно выделить лексические, грамматические и прагматические особенности. Социальная сеть Twitter не стала удалять данный пост, но обозначила его как героизацию насилия.

5. Против трактовки поста Трампа как героизации на его защиту встал помощник президента Дэн Скавино, распространив следующий пост:

Twitter is targeting the President of the United States 24/7, while turning their heads to protest organizers who are planning, plotting, and communicating their next moves daily on this very platform. Twitter is full of shit - more and more people are beginning to get it [Dan Scavino Jr. (@Scavino45), 29.05.2020].

Лексике текста характерны просторечные слова, лексемы со сниженной функционально-стилевой окраской. Использован коммуникативный прием прямого оскорбления с использованием грубого слова (*shit*). Стилистический прием повторения обращает внимание на других пользователей сети, организаторов протестов, и отводит тем самым внимание от постов Дональда Трампа. К синтаксическим особенностям можно отнести повествовательное невосклицательное предложение, осложненное подчинительным союзом *while*. На основе данных особенностей можно сделать вывод о том, что Дэн Скавино крайне эмоционален, настроен негативно по отношению к разработчикам сети Twitter, а также к протестующим.

Таким образом, выражение оценочных значений, содержащих скрытый призыв к действию, пользуется достаточно узким набором грамматических средств. Для этой цели широко используется специальная лексика.

4.3. Стилистические особенности конфликтных текстов

В качестве наиболее распространённой особенности текстов экстремистского содержания обычно отмечается их «деструктивная оценочность», при которой «...автор сознательно уходит от позиции социальной оценки и заменяет ее узкопрофессиональными, корпоративными, групповыми интересами, носящими подчас заказной характер, выдаваемыми в тексте за интересы общества в целом» [Чернышова 2011: 108]. Как и любая разновидность оценочности деструктивность находит свое выражение не в отдельных языковых единицах, а в системности их использования. В рассматриваемом материале к этому можно отнести стилистические средства выразительности, их жанровые и тематические особенности.

1. Пример из ресурса *Business Insider*: статья Лили Куо «**Britain's new foreign secretary once referred to Africa's "watermelon smiles" and "piccanninies"**» [<https://finance.yahoo.com/news/britain-foreign-secretary-once-referred-082439034.html>].

What a relief it must be for Blair to get out of England. It is said that the Queen has come to love the Commonwealth, partly because it supplies her with regular cheering crowds of flag-waving piccanninies; and one can imagine that Blair, twice victor abroad but enmired at home, is similarly seduced by foreign politeness.

They say he is shortly off to the Congo. No doubt the AK47s will fall silent, and the pangas will stop their hacking of human flesh, and the tribal warriors will all break out in watermelon smiles to see the big white chief touch down in his big white British taxpayer-funded bird [Lily Kuo, 14.06.2016].

Это публицистическая статья в жанре передачи косвенной речи политика, однако здесь используется лексика, присущая газетной статье. Интенционально прослеживается дискредитация автором цитаты (Борисом Джонсоном) темнокожих людей. Автор использует пренебрежительное слово *piccaninny* (русск. *негритенок, ребяенок*) для изображения афроамериканцев безмянными, беспомощными дикими шутами. Выражение *watermelon smiles* подчеркивает чрезмерную любовь афроамериканцев к арбузам, что впоследствии стало символом политической цели – равноправия и власти. Белые, доминированию которых угрожала вновь обретенная свобода чернокожих, ответили тем, что сделали этот плод символом лени, нечистоты, ребячества.

К единицам стилистического уровня можно отнести иронию (*the Queen has come to love the Commonwealth, partly because it supplies her with regular cheering crowds of flag-waving piccanninies*), гиперболы, эпитеты инверсии. Посредством данных средств прослеживается авторская интенция дискредитации и насмешки, хотя Джонсон и утверждал, что его комментарии были чисто сатирическими. В статье от 2002 года он критиковал тогдашнего премьер-министра Тони Блэра и его поездку в Демократическую Республику Конго.

2. Следующий пример является интернет-комментарием, опубликованным в социальной сети Twitter. Жанр – блог, поджанр – интернет-комментарий.

A lot of Jews, including myself, don't identify as 'white people' because that group has been our typical oppressor and has excluded us.

(of course many non-Jews, including white people, were also murdered in the Holocaust) [Bryce / BlackLivesMatter (@blelbach), 05.06.2020].

Автор использует необоснованную генерализацию (*A lot of Jews*), обращая внимание на выражение (*including myself*), уверяя, что многие имеют схожее мнение с автором текста. На стилистическом уровне можно отметить гиперболу *our typical oppressor*, под которой подразумевается, что все белые люди одинаковы (необоснованная генерализация). С помощью данных стилистических приемов автор заявляет об изначальной нетерпимости к белым людям (непрямое оскорбление). Выражение *white people* поставлено в кавычки для выражения иронии, чтобы обратить внимание читателя на то, что он негативно относится к белым людям и характеризует их хуже, чем евреев. Скобки используются для пояснения, что среди жертв Холокоста были и белые люди. По интенции прослеживается дискредитация белых людей посредством использования страдательного залога.

3. Статья «**Montenegrin prosecutor says Russian nationalists behind alleged coup plot**» была опубликована на сайте газеты The Guardian [<https://www.theguardian.com/world/2016/nov/06/montenegro-prosecutor-milivoje-katnic-russian-nationalists-behind-alleged-coup-plot>].

Прокурор Черногории, Миливое Катнич, утверждает, что за попыткой государственного переворота в стране стоит Россия.

We don't have any evidence that the state of Russia is involved in any sense ... But we have evidence that two nationalists from Russia were organizers. 500 people were intended to enter Montenegro on election night to cause violence ... and hire professional sharpshooters to kill the prime minister [Milivoje Katnić, 06.11.2016].

Автор говорит об отсутствии доказательств причастности России к перевороту, однако уверяет читателя в том, что организаторами являются националисты из России. По интенции прослеживается намерение убедить читателя, основанное на недостоверных аргументах и необоснованных предположениях. Автор использует многоточие, прерывая тем самым речь, одновременно обращая этим внимание на причастность России к перевороту. К стилистическим характеристикам можно отнести использование анафоры для реализации противопоставления: *We don't have any evidence - But we have evidence*. Использование страдательного залога служит цели убеждения читателя в существовании большого числа людей, планирующих участие в организации переворота и убийства премьер-министра.

Таким образом, в проанализированных 46 англоязычных источниках конфликтной направленности было выделено 109 примеров спорного содержания в текстах СМИ и постах в социальных сетях. Их описание позволило сделать следующие выводы.

Анализ прагматических и лингвистических – языковых и речевых – особенностей показывает конфликтный характер выбранных текстов. Исследование прагматического аспекта подобных текстов предполагает вовлечение в процесс рассмотрения параметры дискурсивной личности, идеологические установки которой реализуются в интенции таких текстов. Разные авторы используют различные коммуникативные приемы, в частности, косвенное и прямое оскорбление, неоправданная генерализация, закавычивание, навешивание ярлыков, пресуппозиции, имплицатуры, которые, в свою очередь, выражаются разнообразными средствами языка. На лексическом уровне можно выделить употребление эмоционально-оценочных средств, лексики с отрицательным коннотативным значением, бранных слов, а также лексем со сниженной функционально-стилевой окраской. С точки зрения стилистики можно отметить широкое использование иронии, гипербола, метафор, эпитетов и сравнений. Синтаксические средства также используются для актуализации интенций конфликта и дискредитации. Они заключаются в инверсии, использовании страдательного залога (для затушевывания акторов), упрощении структуры предложений.

Анализ англоязычных конфликтных текстов позволил выделить три класса в зависимости от семантики содержащихся в них высказываний: (1) тексты о национальной/религиозной группе, (2) о националистическом течении и (3) о политической организации страны. Рассмотренные в текстах

высказывания подразделяются на следующие виды: побуждение к действиям против какой-либо социальной группы; ложные или неподтвержденные утверждения о действиях такой группы, негативном отношении к ним; унижение представителей группы; угроза ее представителям; приведение недостоверной информации, которая преподносится как достоверная; процитирование собственного мнения на весь социум. Публичные идеологически мотивированные высказывания социально-политического или религиозного содержания ориентированы на психологическое воздействие средствами языка.

Выводы

В современном мире организации экстремистского и террористического толка набирают все большую активность в медиа пространстве. В связи с этим в научной литературе широко обсуждаются базовые проблемы проведения лингвистических экспертиз, методика их проведения. Как правило, комплексную психолого-лингвистическую экспертизу назначают при расследовании экстремистского потенциала в текстах медиа пространства, направленные на разжигание розни и ненависти, унижение чести и достоинства, разделение по расовому или национальному признаку, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека/группы людей и др.

Современные исследования экспертиз, применяемых в судопроизводстве, иллюстрируют широту и актуальность теоретической и практической проблематики в этой сфере. Проблема применения психолого-лингвистической экспертизы актуальна в силу того, что широкое публичное распространение пропагандирующих ненависть материалов провоцирует социальную напряженность, агрессию и насилие. Учитывая сложность комплексного рассмотрения всех сторон ПЛЭ, в данной работе были рассмотрены лингвистические и прагматических особенности текстов экстремистской (конфликтной) направленности как как часть экспертного комплекса. Основой этого комплекса является лингвистический анализ текста, на основе которого эксперт-психолог может дать психологическую оценку материала.

В ходе рассмотрения англоязычных конфликтных политических текстов установлено, что различные авторы чаще всего придерживаются интенции дискредитации, используя определенные приемы (убеждение, ложь, преувеличение, манипуляция) для воздействия на читателя. Среди вербальных языковых проявлений экстремистского содержания в текстах СМИ и в социальных сетях наиболее значимыми являются лексические маркеры, различные группы лексических и фразеологических единиц, обозначающие презрительно-уничижительные, пренебрежительные, бранные лексемы по национальной, расовой и религиозной принадлежности. Текст, наполненный экстремистским потенциалом, часто несет в себе косвенное оскорбление, скрытый смысл и необоснованную гиперболизацию явно невыраженных в тексте, извлекаемых на основе фоновых знаний и пресуппо-

зиций. Оценочная оппозиция «свой-чужой» часто прослеживается в спорных текстах, выраженных негативно-окрашенными лексемами, именами собственными, стилистическими приемами (метафоры, эпитеты, сравнения и др.). Помимо анализа языковых и речевых средств, скрытых смыслов, интенций и логики развертывания текста, в дальнейшем требуется исследование психологических установок, сферой исследования которых занимается эксперт-психолог.

Список источников

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
2. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы международной конференции, 2013. – С. 69–78.
3. Баранов, А. Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике / А. Н. Баранов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 4 (36). – С. 139–147.
4. Ворошилова, М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4 (42). – С. 94–99.
5. Голиков, Л. М. Семиотика экстремистского текста / Л. М. Голиков // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиголингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция, 2012. – URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_1_m_semiotika_ehkstre_mist_skogo_teksta/5-1-0-137
6. Злоказов, К. В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3. – С. 210–216.
7. Иваненко, Г. С. Анализ формы речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста / Г. С. Иваненко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2008. – С. 82–87.
8. Коченов, М. М. Судебно-психологическая экспертиза. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. – Москва, 1977. – 179 с.
9. Назарова, Т. В. Опыт производства автороведческих экспертиз по материалам переписок в мессенджерах / Т. В. Назарова, А. В. Громова // Экспертная практика, № 86. – Москва: ЭКЦ МВД России, 2019. – С. 14–18.
10. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изменениями от 30 декабря 2001 г., 5 февраля, 24 июля 2007 г., 28 июня 2009 г.). URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

11. О противодействии экстремистской деятельности. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. – URL: <https://base.garant.ru/12127578/>
12. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102247/>
13. Потапова, Р. К. Семантическое поле «наркотики»: дискурс как объект прикладной лингвистики / Р. К. Потапова, В. В. Потапов. – Москва: УРСС, 2004. – 192 с.
14. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. [Электронный ресурс: ГАРАНТ]. – URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
15. Чернышова, Т. В. Конфликтное функционирование медиатекстов: реализация инвективной функции языка в условиях публичного общения / Т. В. Чернышова // Медиатекст как полиинтенциональная система: сборник статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2012. – С. 104– 111.
16. Ponton D., Larina T. Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I) // Russian Journal of Linguistics, 20 (4), 2016, 7–25.

Источники представленных в публикации англоязычных конфликтных текстов

Посты в социальных сетях.

1. Donald J. Trump (@realDonaldTrump):
<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1252418369170501639>
2. Tyson Fury (@gypsyking101):
<https://www.twitter.com/p/CBWmdv1je6P>
3. Hashim (@hashimumarali):
<https://mobile.twitter.com/hashimumarali/status/1107645151109890049>
4. Donald J. Trump (@realDonaldTrump):
<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1266231100780744704>
5. Dan Scavino Jr. (@Scavino45):
https://twitter.com/Scavino45/status/1266343153466060803?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E1266343153466060803&ref_url=https%3A%2F%2Fwww.nbcnews.com%2Fpolitics%2Fdonald-trump%2Ftwitter-says-trump-violated-rules-against-glorifying-violence-places-public-n1217591
6. Bryce | BlackLivesMatter (@blelbach):
<https://mobile.twitter.com/blelbach/status/1268794725009461248>

Публицистические статьи

1. Nigel Farage «Nigel Farage: The Virus is Yet Another Reason to Rethink the West's Relationship with China | Opinion»: <https://www.newsweek.com/nigel-farage-china-coronavirus-west-rethink-1493085>

2. James Hohmann and Kenneth P. Vogel «Barbour apologizes after calling Obama's policies 'tar babies'»: <https://www.politico.com/story/2014/11/haley-barbour-apology-obama-policies-tar-babies-112726>

3. «California woman arrested for alleged hate crime after leaving racist notes at homes»: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2020/05/27/california-woman-arrested-leaving-racist-notes-homes/5265775002/>

4. Lily Kuo «Britain's new foreign secretary once referred to Africa's "watermelon smiles" and "piccanninies"»: <https://qz.com/africa/731695/britains-new-foreign-secretary-once-referred-to-africas-watermelon-smiles-and-piccanninies/>

5. «Montenegrin prosecutor says Russian nationalists behind alleged coup plot»: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/06/montenegro-prosecutor-milivoje-katnic-russian-nationalists-behind-alleged-coup>

РАЗДЕЛ 3. КОММУНИКАЦИЯ ВНУТРИ ВТОРИЧНЫХ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ВИРТУАЛЬНЫЙ ТЕАТР: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ, СИЮМИНУТНОЕ И ВНЕВРЕМЕННОЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ

Бушев А. Б.

Современное медиапотребление в один клик мыши позволяет посмотреть и оценить записанный на пленку театр нескольких эпох. Как работать с этим материалом? И ведь театр – не музей. Автор размышляет о том, остаётся ли с нами старый театр. Классические образцы, пьесы, сыгранные людьми, которые еще застали изображаемую эпоху, несомненно, остаются. Все остальное – увы – требует современного языка, современного прочтения и, может быть, более современного текста. В работе рассматривается цифровизация опыта документальности в современном российском театре. Создание отечественного документального театра совершилось в начале двадцать первого века. Сегодня множество театров в стране создает спектакли по этому методу. Что такое документалистика в театре, как создается такой спектакль и что он дает зрителю? На материале корпуса спектаклей документального театра рассматриваются их метод, механизмы создания, тематика.

Ключевые слова: театр, записи спектаклей, интерпретация, современность, цифровизация, театральное искусство, документальный театр

VIRTUAL THEATER AND ITS CHARACTERISTICS: PAST AND PRESENT, TRANSITORY AND ETERNAL, CREATIVE AND DOCUMENTARY

Alexandre B. Bouchev

Modern media permit their users to watch and appreciate at one click of a mouse the theater of different epochs that has been recorded and thus preserved for future generations. How should one tackle the histrionic materials? After all the theater is a far cry from the museum. The author of the paper dwells on the destiny of theatrical heritage: should it indeed stay with us? The classical performances – exemplary, depicting the epochs by the people who remembered the real times they depict – are destined to stay with us. The rest of the materials need updating, modern re-reading and perhaps are limited by old fashioned texts in need of modernization. The paper looks at digitalization of the documentary experience in modern Russian theater. The creation of a digital theater dates back to the beginning of the 21st century. Quite a lot of theatrical companies across the country are followers of its methods. What is the documentary method in the theater, how are such performances created and what impact do they have on the viewer? The materials under study allow us to come to certain con-

clusions concerning the digital theatre methods, mechanisms of creation of its performances, its topics.

Keywords: theater, theater performance recordings, interpretation, modern art, digitalization, theatrical arts, documentary theatre

Введение. Архивирование опыта театрального искусства

Настоящая статья базируется на YouTube-записях того, что, как кажется, не может быть сохранено для будущих поколений – театральных постановок. Автор, анализируя собственную рецепцию этих записей, пытается ставить проблемные вопросы – о вечном и сиюминутном, художественном и документальном в современном театральном искусстве.

В методике преподавания литературы фильмы по произведениям традиционно рассматриваются лишь как вспомогательное средство визуализации, подчас мешающее обильному чтению. Тем более вторичными произведениями представляются записи театральных спектаклей. Между тем записи театральных постановок обладают большим потенциалом. Что касается постановки драматических произведений, то до недавнего времени студенты могли довольствоваться лишь отдельными постановками местных театров и редкими возможностями увидеть классические записи поставленных произведений. Многие архивные записи спектаклей стали практически недоступны. Возможности возвратиться в любой момент к просмотренным произведениям студенты были лишены. До внедрения технологий YouTube студенты не задумывались о выборе отрывков из произведений, сравнении разных постановок. Практически недоступен широкому, непосвященному зрителю был новаторский театр.

Современные изменения связаны с архивированием в открытом доступе многих таких фильмов и постановок. Теперь скорее ставится вопрос, что выбрать для просмотра.

Исследователи телевидения и визуальной культуры связывают радикальные изменения в *культуре медианотребления* с возможностью обращения к архивированным записям, к телевидению on demand, к составлению собственного маршрута телевидеоосмотра [Зубкова 2021, Holland 2016, Chowdhury http]. Этот маршрут предполагает возможность абстрагирования от актуальной политической повестки и широкие интертекстуальные параллели, обращение к записанному на пленку и сохраненному опыту мировой визуальной культуры разных поколений и ценностей, возможность взаимодействия с ним [Новикова 2020]. Что говорить – впервые для самой широкой аудитории всё доступно «на кончиках пальцев» и экране своего мобильного устройства.

Культура в современных условиях дистанцирования приравнивается к культуре экрана. Об этом много ценных работ, например, К. Э. Разлогова, Е. В. Сальниковой [Разлогов 2010, Сальникова 2017]. Как правило, студенту не надо объяснять, что же такое конвергенция – схождение путей распространения контента и производства онога.

Мы считаем, что накопленный опыт театральной культуры XX века, сегодня, как никогда, достижим, доступен, пусть и в записи. Эталонные достижения театральной культуры сохранены экраном для будущих поколений. В том числе – наряду с музеефицированной классикой – доступным стали новации театра двадцать первого века.

Свое место в нашем медиапотреблении стремительно занимает медиатизирующееся театральное искусство – *театральный стриминг, цифровой театр, театр HD, театр в кино, театр на экране*¹¹. Известен стал и такой феномен, как *коммерческий YouTube театр*¹².

Накопленный опыт театральной культуры XX века достижим, доступен. Можно радоваться. Но вот парадокс: этот опыт превратился в непонятный ненужный кладезь знаний без рефлексии.

К тому же исполнительская культура устареваает.

Автор настоящей статьи пытается рассуждать на тему: экранная культура - благо или нет в театре, само искусство которого сиюминутно, рождается в конкретной эпохе и конкретной обстановке общения творцов со зрителем [см., например, Захава 2008]. Здесь можно поспорить. Но эталонные достижения театральной культуры сохранены экраном для будущих поколений.

В этой связи вспоминается сайт Малого театра, сохраняющий для нас в своем звуковом архиве легендарную московскую культуру сцены конца девятнадцатого – начала двадцатого века¹³, московскую норму речи¹⁴ [Бушев 2018].

Однако никаких театральных революций с этим наследием не связано. Представленное творчество Яблочкиной, Рыжовой, Турчаниновой, Гоголевой, Астангова, Садовских, Ермоловой не вызывает сегодня *актуального* интереса.

Устареваает и общая манера представления текста, и сам текст, и сам контент.

Обращают на себя внимание особенности сценической речи: *Эта задача от'ветственна..., талан'тлив, ар'мии, с'мер'тью, свер'ху, жёлчь...одноимЕнный, реалистическЫй, ЧацкЫй, реалистическЫй, мильенький, спектакль, лучше, рэпэрта, цалуите ручку, скуШнейший, шутошная фотография, помещиик какой, што(шо),прёмьера, раздвигалА, радилА, эффэктный, масковсага, сталквывались на сцене, выскакывать из кареты, перемиговаются и т. д.*

При этом никто не будет отрицать значимость сайта как посещения как театрального музея, установления образцов нормативной речи, знакомства с театральной традицией.

¹¹URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eTba8cedV-c>

URL: <https://www.youtube.com/c/thedigitaltheatre>

¹²URL: <https://www.youtubetheater.com/#>

¹³ URL: <http://www.maly.ru/pages?name=sound-archive>

¹⁴ URL: <http://www.maly.ru/pages?name=sound-archive>

Приведем иной пример. Не так давно автор статьи смотрел спектакль-агитку «Царская милость» по теперь уже мало кому знакомому болгарскому автору Камену Зидарову¹⁵ – один из последних спектаклей, где играла Алла Тарасова. При просмотре можно вспомнить историю Болгарии, то, что «болгарское ружье в русского солдата не стреляет».

Налицо интертекстуальность и маркетинговое предложение: Yandex чутко откликается на все клики автора, и тут же предлагает ему подборку спектаклей с Аллой Константиновной¹⁶.

Автор стал смотреть старые спектакли и телепередачи и – что показалось еще более занятным – читать комментарии под YouTube файлами. Это ведь громадная фокус-группа. Показательна принципиальная диалогичность бытования устаревших текстов в культуре как модус их осовременивания или хотя бы актуального (пере)прочтения.

Увы, телеверсии не равны спектаклям, а спектакли устаревают.

О гениальной четвертой сцене «Марии Стюарт»¹⁷ (Тарасова – Степанова, а иногда Ханаева, причем знатоки хвалили именно Ханаеву) современные комментаторы пишут такие реплики:

На редкость мерзкие бабки... В ту пору горлом только и брали. Шапито.

А ведь об этой актрисе Пастернак написал стихи:

*Сколько надо отваги,
чтоб играть на века,
как играют овраги,
как играет река.
Как играют алмазы,
как играет вино...*

Современный же зритель непреклонен: «*Стиль игры был совсем другим, похоже на немое кино, немного пафосно*».

В свое время один известный театральный критик писал, что однажды пришел на «Трех сестёр». На авансцене стояла Тарасова с кремовым зонтиком и молвила: «Я остаюсь завтракать». И он понял, что тоже остаётся в этом театре надолго...

Почему устаревают театральное искусство? Автор статьи упорствовал и посмотрел горьковский спектакль «Враги»¹⁸. Некоторые вещи очень социальные (как, увы, многое в Горьком). Но долго это тоже не смотрится.

В комментах люди обсуждают социальное, проводят параллели с днем сегодняшним, там написано:

Какая маевка в комментариях! Не хватает в комментариях студента с горящими глазами и «Песней о Буревестнике»!

¹⁵URL: <https://zen.yandex.ru/media/fond/poslednii-telespektakl-legendy-mhat-ally-tarasovoi-61fa4ccae546094f6e05b6fa?&>

¹⁶URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL40OiiJw6-gd6ewwF46JROwn8Ajq5vDAn>

¹⁷URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6i7nOZtbV0o&list=PL40OiiJw6-gd6ewwF46JROwn8Ajq5vDAn&index=2>

¹⁸URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o0WLFwCJdXA&list=PL40OiiJw6-gd6ewwF46JROwn8Ajq5vDAn&index=7>

Некоторые комменты заставляют пересмотреть отношение к социальному статусу персонажей:

Почему люди, которые даже себе чаю не заваривают, презирают того, кто зарабатывает на свою жизнь, выращивая огурцы? Да, презирай его за доносы. Но они презирают и за доносы, и за огурцы...

Горьковедам, как думается, и не снилось.

Спектакль оказался социально актуальным, а некоторые комменты находили параллели:

А старый генерал – вылитый единоросс.

Далее послушал отрывок из «Кремлёвских курантов», уже плохо помня пьесу¹⁹. Несколько лет назад томик Погодина лежал у нас на факультете на окне – этакий бук-кроссинг – и автор забрал его к себе, так же как он спас и Алданова.

В этом спектакле очень живописная Тарасова. Муж героини, утерев статус, торгует чем-то на улице после событий 1917 года. Люди комментируют, что *«мхатовские старики были вынуждены играть совершеннейший трэш»*.

«Кто тебя гонит на улице? – Советская власть. – Это не вмещается в мои понятия. – Мы поговорим с тобой, когда твои понятия расширятся».

Есть и злобные современные выкрики в комментах: *скоро опять на улицу!*

Также там был документальный фильм о Тарасовой, в нем Степанова, Яншин, Массальский (как он схож с Василием Ливановым, Ливанов копирует Массальского!), Прудкин, Жаров, вся компания. Начинается он с того, что Тарасова выдвигается в Верховный Совет СССР. Собрание, все чин по чину. Выступает сама актриса:

Только в нашей стране возможен такой факт, чтобы женщину-артистку выдвигали в верховный орган государственной власти.

На провокационный вопрос при выдвижении в Верховный совет *«Что вам дороже – театр или семья?»* актриса, не сморгнув глазом, ответила так: *«Театр. Театр служит вам, а потом уже все остальное»*.

Глубокие глаза, слезы, прекрасная речь... Комменты отмечают прекрасную речь – из семьи интеллигенции, закончила гимназию...²⁰

В духе современной манеры обсуждать личную жизнь актеров. Вся эта *светличная малаховщина* телевидения задает тон обсуждению в комментах. Известно и обсуждается, что Тарасова всю жизнь боялась за мужа – белогвардейца гардемарина Кузьмина, помогала ему. Комментаторы из современных пишут *«удачно вышла замуж»*, имея очевидно в виду третьего мужа-генерала. Директорствовала во МХАТе, ее должность так и называлась *директор МХАТ*. Как на производстве. Потом отказалась.

¹⁹URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jA4NNkLeOA4&list=PL40OiiJw6-gd6ewwF46JROwn8Ajq5vDAn&index=6>

²⁰URL: https://www.youtube.com/watch?v=y9WlIgv_0TZM&list=PL40OiiJw6-gd6ewwF46JROwn8Ajq5vDAn&index=4

Нет особого пиетета уже в мемуарах у тех, кто работал с А. К. Тарасовой. Кажется Казаков писал, что когда он репетировал во МХАТе, Тарасова отводила в сторону рампы Пилявскую и говорила: «А помнишь, Зося, Сталина на премьере «Анны Карениной»?! А наутро – рецензия в «Правде» и ордена, ордена, ордена...». Спектакль был о Пушкине, и Алла Константиновна говорила на репетициях актерам «Товарищи! Это же Пушкин! Ну как вам объяснить это явление?! Вот я... я бы сразу в него влюбилась». На что Казаков отвечал ей: «Вы бы, Алла Константиновна, влюбились в Дантеса».

В фильме показали аллею в Снегирях – целиком состоящую из высаженных из корзин цветов, подаренных Тарасовой. Все проходит в этой жизни... Пароход мурманского морпароходства в 1977 году получил имя *Алла Тарасова*. Символично, что в 1998 году он был переименован в *Clipper Adventurer*.

Желающие могут посмотреть советские киножурналы об А. К. Тарасовой, стилистика которых смотрится совершенным анахронизмом²¹.

Приведем третий пример. Может быть, взять социально острый текст?! Еще хуже оказался опыт рецепции театрального текста семидесятилетней давности.

Начал смотреть «Шторм» Белоцерковского. Играл великолепный, фактурный артист Леонид Марков.

Открывается спектакль «Шторм» сбором труппы Моссовета на сцене и Ю. Завадский, стоя в партере, так коротенько говорит о построении коммунизма²². Лица актеров общим планом. Завадский любил разводить дешевую демагогию. Недаром Раневская говорила о Завадском: «Он написал статью “Я – коммунист”. Это то же самое, если бы я надела скафандр и вышла на балкон, закричав “Я космонавт”».

Завадский говорит по-старинному: *рэпэртуар, спэктакль, дэталями, в суШности*. Смотрится сегодня старомодно-манерно.

На сцене прекрасные артисты Марков и Парфенов. И началось в спектакле:

– Продразвёрстка идет хорошо? – Сто прОцентов, под метлу. Да ты агитировал? – На языке чуть мозоль не выскочила.

А кулачье как? – орудуют. МУТЯТ (звучит почти как МУДЯТ – А. Б.) мужика.

Как же мы их до коммунизма дотащим? Одна надежда на мировую революцию.

Пусть поделится своей грамотностью.

Ты там тиф-то не встречал?

Он теперь комиссар бани (?! – А. Б.)

²¹URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EG9YqFpuDIA>

²² URL: <https://zen.yandex.ru/media/fond/spektakl-potriasaiuscei-sily-vy-ego-videli-tretii-shtorm-6113b8dfc688ae5268a4b79b?&>

Тут автор статьи смотреть бросил.

Где-то в массовке можно было увидеть очень хорошую актрису еще молодую Татьяну Пельтцер. Она даже не упомянута в титрах. В титрах прочитал что снимались Олег Анофриев, Валентина Талызина, Серафима Бирман, Ирина Карташева. Карташева, кажется, жива. Подходит к столетнему юбилею. Надо найти сцену с Бирман. На поклонах видно Плятта, Марецкую. На поклонах очень красивая царственная актриса средних лет – ба, да это же Любовь Петровна Орлова. Заканчивается все песней «*Смело мы с бой пойдём за власть Советов...*».

Пожалуй, это старое театральное искусство живо лишь в ситуации, когда надо увидеть пьесу из жизни тех лет.

Недавно умерли Ольга Барнет и мать ее Алла Казанская. Их похоронили на Новодевичьем, очевидно, из-за того, что собирались переносить туда прах Барнета. Актрисы, конечно, хорошие, но без особых титулов. Так вот про Казанскую было написано, что она очень хорошо сыграла в «На всякого мудреца» в Вахтанговском в семидесятые и остался фильм-спектакль. Стал искать. Втянулся и стал смотреть разные постановки «На всякого мудреца».

Лучшая – старый фильм 1952 года, там играют Турчанинова, Царев, Владиславлев, Великолепная Манефа Пашенной. Постановка Вахтанговского театра начала семидесятых привлекает великолепным Гриценко. Казанцева-Турюсина средненькая. Глумовы – Юрий Яковлев, как и Царев, староваты.

А вот голоса Садовского и Яблочкиной: они играют Глумова и Мамаеву. Эта запись предваряется вступлением Гоголевой ([URL: https://www.youtube.com/watch?v=HmiM4v_FayI](https://www.youtube.com/watch?v=HmiM4v_FayI)).

Есть мхатовская постановка середины семидесятых – мать Глумова Пилявская. Актриса, конечно, хорошая. Но роль не её – она навеки Алиса Витальевна, тетка Костика. Там хорошие артисты – Яншин, Прудкин, Масальский, Кира Головкина, Манефу играет Зуева. Там хороший молодой герой – актер Игорь Васильев. Надо навести справки, как сложилась его судьба.

Есть малый театр восьмидесятых – постановка Ильинского. Тут Глумов тоже староват – Коршунов, Анненков, жена Ильинского Еремеева, сам Ильинский.

Есть спектакль Малого театра начала нового века – Ирина Муравьева, Ключев, Быстрицкая. Совсем не веришь им. Совсем недостоверная крикливая Муравьева. Скучная Быстрицкая в гриме. Панкову не дождался.

Есть версия с Безруковым – смотреть невозможно.

Есть только анонсы спектакля Богомоловым – он переписал весь текст. Всё осовременил.

Вот такие *интертекстуальные переключки* – и место осовремененной пьесы в них не случайно. Каждая эпоха предполагает свое, *актуальное прочтение*.

Итак, наш вывод таков: театр вынуждают заново и с оптикой своего поколения читать текст. Классику ведь не объявили долой с парохода современности (хотя ситуация близка к этому).

В рамках проекта «Культура дома» автор посмотрел спектакль Р. Туминаса «Евгений Онегин». Всего, конечно, не осилил. Татьяну играет неплохая актриса Ольга Лерман – госпожа Кирсанова из детективного сериала. Онегин – Маковецкий. В «Сне Татьяны» выступает Юлия Борисова с ее фирменным голосом. В целом занятно, но не более. Изощренная изобразительность – не психологический и исторически недостоверный театр. Такой чудной театр, но без социальных аллюзий и без фиги в кармане.

Также посмотрел монолог Пьера Безухова из «Войны и мира» Туминаса. Краем глаза посмотрел любопытного «Дядю Ваню» Туминаса.

В «Современнике» Туминас поставил «Играем Шиллера». Неелова – Елизавета рвет страсти в клочья, орет благим матом. Увидел сдержанную Хаматову в роли Марии.

Вкупе с просмотренной когда-то состоящей из кусков «Пристанью» автору статьи Туминаса хватило.

Видно, неглупый человек, актриса Л. Вележева сказала о «Маскараде» Туминаса – *это построено на гротеске. Надо не играть это, а играть в это.* Это очень верно.

Краем глаза посмотрел также хореографический спектакль по песням Дитрих «Город женщин». Это «Дитрих для бедных». Никакой «атмосферности» я не увидел.

Однако современные зрители предпочитают знакомство с современными версиями спектаклей. По нашему мнению, тому «виной» – современные поиски языка театра, ср. «Онегин» Туминаса (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9EXjrU-2cMM>), «Вишневый сад» Шапиро (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1n1pxwoAioK>), «Черный монах» и «Скрипка Ротшильда» К. Гинкаса (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zGZ7dy1HP8k>, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LyWAM-HiCuk>), «Варшавская мелодия» в Театре на Малой Бронной (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pwwBxY5E94Q&list=PLFwn5mqJn1sutyBjkiu4Ni37jVetpRHgW&index=2>).

«Вишневый сад». Текст хрестоматиен. Его современные студенты знают наизусть. Надо посмотреть на образы – сравнить Раневскую в разных спектаклях: с Р. Нифонтовой, с А. Фрейндлих, с Т. Васильевой, Т. Еремеевой, в версии «Ленкома» с А. Захаровой, с Нееловой, с Исаковой... Есть сцены с Л. Добржанской (в постановке Кнебель!), эфросовский аудиоспектакль. Есть, наконец, абсурдный спектакль Коляды-театра, современный спектакль театра Моссовета режиссера Марчелли...

Можно увидеть фрагмент с первыми исполнителями Книппер-Чеховой и Качаловым (правда, надо сказать, что эти сцены сняты через много лет после премьеры).

Студенту должна быть предоставлена возможность самостоятельно делать выводы!

Итак, театр – не музей. Классические образцы, пьесы, сыгранные людьми, которые еще застали изображаемую эпоху, живы в записи и могут конкурировать с современным театром. А все остальное – увы – требует современного языка, современного прочтения и, может быть, более современного текста.

Укажем на некоторые важные в учебных целях постановки.

«Враги»:

URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=o0WLfWcJdXA&list=PL40OiiJw6-gd6ewwF46JROwn8Ajq5vDAn&index=7>

«Свадьба Кречинского»:

URL: <https://zen.yandex.ru/media/fond/nepovtorimaia-svadba-malogo-ili-celyi-million-v-ruku-lezet-61a4ac00eedd4975a1541ac8?&>

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tRDupepopyc>

«Шторм» Белоцерковского:

URL: <https://zen.yandex.ru/media/fond/spektakl-potriasaiuscei-sily-vy-ego-videli-tretii-shtorm-6113b8dfc688ae5268a4b79b?&>

«Варвары»:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mPbDQqTb9Zk>

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gTVcKL-Inpc>

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WeNyWIFeBz4>

«Мещане»:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sruybSH9Nf4>

«Ревизор» в Театре Сатиры, постановка Плучека:

URL: https://www.youtube.com/watch?v=cbOJsvs6_HQ

«Ревизор», постановка Вестника и Соломина:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QWQwQtCb504>

«Ревизор», спектакль Товстоногова:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Pb6uec7K3bQ>

«Ревизор», спектакль В. Фокина в Александринском театре:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4fgIocmoNDI>

«Женитьба» в «Ленком»:

URL: https://www.youtube.com/watch?v=bvA97vRV_TU

«Женитьба», в Театре Маяковского постановка С. Арцыбашева:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s3Y-N6BqvA8>

«Мертвые души»:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3c2PvIU61oc>

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r0ZiEXe5IsE>

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PEbI0H8VTMI>

«Горе от ума»:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CcVATTgseQo>

Тут со спектаклем вполне может и конкурировать старый фильм «Горе от ума», где играют лучшие актеры Малого театра Михаил Царев, Ольга Хорькова, Михаил Садовский, Вера Пашенная, Ирина Ликсо, Евдокия Турчанинова, Константин Зубов, Игорь Ильинский. Есть и постановка Женовача:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mOxDH2Fzjpw>

Доступны современные постановка Яцко в театре Моссовета:

URL: https://www.youtube.com/watch?v=SI4TPvmR_NY

«Село Степанчиково» с Грибовым:

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JFixghVZ6V0>

Можно сравнить Фому Опискина Грибова с игрой Дурова, есть и версия 2014 года спектакля, поставленного в Малом театре.

Цифровизация опыта документального театра

Одновременно с традиционным драгоценным театральным музеем в XXI веке в России сложился *новый документальный театр*, со своим кругом авторов, своей спецификой текста, своими эстетикой, кредо, своей вовлеченностью зрителя, театральной политической и социальной актуальностью [Матвиенко 2018, Родионов, Курочкин 2015]. Театр, доказавший, что одна из перспектив современной драматургии – документальное начало, нон-фикшн. Этот театр продемонстрировал связи этого документалистского, а иногда и политического театра с более широким течением – новой драмой²³.

Известны повсеместно пересказываемые истории о прививке британского опыта документального театра и даже опыта документального театра двадцатого века : фестивали «Новая драма»²⁴, «Любимовка»²⁵, семинары Британского Совета по внедрению документальных практик Ройял Корт и т. д. Автор настоящей статьи помнит, как Британский Совет предложил на конкурс британские новаторские пьесы для перевода в начале XXI века.

На прошедших в Москве в начале нового века творческих семинарах лондонского «Ройял Корт» представители театра познакомили российских драматургов и режиссеров с новой *техникой вербатим* (от англ. «дословно»), с помощью которой создается документальный текст. Вербатим-пьеса строится на основе интервью, проведенных драматургом или группой актеров с реальными людьми, принадлежащими к одной социальной группе или объединенных социокультурными характеристиками и обстоятельствами. Социально-профессиональная группа в центре пьесы передает особенности профессионального говора, сленга, культуры и ценностей

²³ А. Никольская. Что такое новая драма. URL: <https://teatral-online.ru/news/361/>

²⁴ Фестиваль новая драма. Центр имени Вс. Мейерхольда. URL: <http://meyerhold.ru/festival-novaya-drama/>
К. Матвиенко. Новая драма в России: краткий экскурс в недавнее прошлое и эскиз настоящего. URL: <https://ptj.spb.ru/archive/52/new-reading-52/novaya-drama-vrossii-kratkij-ekskurs-vnedavnee-proshloe-ieskiz-nastoyashhego/>

²⁵ Фестиваль театральной драматургии Любимовка. URL: <https://lubimovka.ru/>

личностей одного профессионального круга, что может рассматриваться с помощью понятийно-терминологического инструментария социолингвистики и теории профессиональной языковой личности.

В начале нового века в Москве состоялся российский фестиваль «Документальный театр», проведенный ассоциацией «Новая пьеса» при поддержке «Ройял Корта» и Британского совета. В рамках фестиваля показали спектакли из разных уголков России: «Цейтнот» по пьесе Екатерины Садур о воевавших в Чечне солдатах²⁶, «Яма» в постановке Екатерины Шагаловой по пьесе В. Сигарева об эпидемии СПИДа на Урале, «Месяц мертвого месяца», материал для которого драматурги Мария Кузьмина и Оливер Реди (Великобритания) собирали, кочуя с ненецкой семьей по тундре Ямала, «Угольный бассейн» Яны Глембоцкой о трагедии в шахте в постановке кемеровского театра «Ложа» – и многие другие читки и презентации только-только написанных пьес, которые затем стали базой отечественной документальной драматургии.

Вершиной развития документального театра нового времени в России стало основание в 2002 году Театра.doc под руководством Е. Греминой и М. Угарова, полностью посвященного документальному направлению. При театре сформировалась собственная команда единомышленников, которая выпустила серию документальных спектаклей, повлиявших впоследствии на стилистику новой драмы в целом. Таковы «Преступления страсти» Галины Синькиной о женщинах-убийцах в колонии²⁷, «Сентябрь.doc» Е. Греминой и М. Угарова по материалу кавказских интернет-форумов после бесланской трагедии и др. Документальное начало присутствует не только в документальных драмах, но и в публицистике, в документальном кино, в нон-фикшене. Известен метод документального кино, в своих шедеврах позволяющий создать подлинно художественные открытия. Известен метод привнесения документального материала в художественное кино и художественного материала в документалистику, докудramу. Но на исходе двадцатого века подлинной инновацией театра стало привнесение документалистики в театр – искусство, которое, казалось бы, по своей природе отвергает всякую документальность. Именно эта возможность работы с документальным материалом на сцене московских театров Практика и Театр.doc и фестиваля «Любимовка» позволила говорить о новом направлении в драматургии и сценическом искусстве²⁸.

Пьесы документального театра вербатим состоят из *реальных монологов, перепроизносимых актерами*. Вербатим соответствует нон-фикшену.

26

Произведения

Садур.

URL:

[https://proza.ru/avtor/sadur#:~:text=%D0%95%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%A1%D0%90%D0%94%D0%A3%D0%A0%20%2D%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BA%2C%20%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B3..\(%D0%93%D1%8D%D0%BD%D0%B4%D0%B7%D0%B8%2D%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8\)%22](https://proza.ru/avtor/sadur#:~:text=%D0%95%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%A1%D0%90%D0%94%D0%A3%D0%A0%20%2D%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BA%2C%20%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B3..(%D0%93%D1%8D%D0%BD%D0%B4%D0%B7%D0%B8%2D%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8)%22)

²⁷ Варвара Фаэр. Режиссер театра и кино, актриса. URL: <https://www.teatrdoc.ru/persons/person/394/>

²⁸ М. Токарева. Жена и автор.doc. Год назад не стало Елены Греминой // Новая газета № 52, 2019.

Актер здесь выступает в качестве психолога, интервьюера. Тексты – свидетельства реальных людей, преображенные психодрамой, импровизацией, игрой, тренингом. Работа с документальным материалом чрезвычайно сложна – это и сами свидетельства, документы, это и реплики героев, преображенные психодрамой²⁹. Как правило, документальный театр обращается к политическим, социальным или психологическим событиям большой силы³⁰. Как правило, свидетели и свидетельства злободневны³¹. Известно, что триггерами нашумевших спектаклей были истории фигурантов политического протеста, история адвоката Магнитского, истории участников вооруженных конфликтов, истории «людей дна» и т. д. При этом театроведы еще напишут о самом новаторском методе документального театра, использующего на своих подмостках актеров-непрофессионалов, элементы психодрамы, потока сознания, медиа и т. д. Это не первая попытка создания документального театра – есть и предтечи документального театра, причем очень разные. Так, например, наряду с Брехтом можно ведь вспомнить и драматурга Сурова, еще в середине XX века переписывавшего в свои пьесы злободневные политические статьи «Правды». Или, например, в восьмидесятые годы появляется первая советская документальная политическая драма «Как убили Улофа Пальме» Зубкова. Перед нами сложное явление: политический театр, театр-трибуна, публицистический театр, пропагандистский театр.

Журналист, одна из авторов документальных драм Елена Костюченко говорит о себе «Я – профессиональный свидетель»³². Показательно использование интервьюируемых как информационных доноров.

Документальный театр как явление рефлексивируется в современной эстетике. Обсуждаются этические вопросы самой возможности использования актуальных публицистических тем и интервью на сцене³³. Поставлен и звучит сакраментальный вопрос: зачем со сцены говорить то, что можно прочесть в газете? Как высказаться о социальной реальности на языке театра? Это авангардный бунт или попытка неявной коммерциализации (хотя бывавший на спектаклях смеясь отметит последнее). С чем борется документальный театр? Почему это театр, который *сочинен из духа времени*³⁴?

²⁹ Е. Дьяконова. Шум времени // Новая газета № 41, 2019. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/04/14/80223-shum-vremeni>

³⁰ З. Светова. Театр-идеалист в мире панических атак // Новая газета 3, 18, 2022. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/13/alla-terekhova-ia-khotela-vytashchit-muzha-iz-pasti-leviafana>

³¹ Десятерик Д. Вербатим // Энциклопедия «Альтернативная культура». – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/alternative-culture/articles/16/verbatim.htm> (13.03.2021). Школина О. Документальный театр в России: от истоков до современности. URL: [http://teatrologia.ru/praktika/11\(13.03.2021\).](http://teatrologia.ru/praktika/11(13.03.2021).) Официальный сайт Театра.doc / Что такое verbatim? (13.03.2021).

³² Автор Е. Костюченко. URL: <https://novayagazeta.ru/authors/56>

³³ Школа злословия. Елена Гремина. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iw0k9Jirc0s>

³⁴ Михаил Угаров. Стоит отразить реальность – и ты уже персона non-grata. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=karn2Y4w32M> Драматургия Михаила Угарова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uaOTXwZGGPE>

Рефлексируется проблема «документальный театр и актерское образование», повсеместно обучение практикам создания документальных спектаклей³⁵. Вслед за театральным критиком Павлом Рудневым искусствоведы размышляют, какое место занимает документ в создании этих спектаклей. Это ведь нередко *театр отчета* – в спектаклях могут быть использованы протоколы, акты, письма³⁶. Проходят круглые столы театроведов, посвященные документальному театру³⁷. Документальный театр понимается как возможность исследования жизни - «того, что происходит вокруг нас»³⁸. И сегодня уже множество российских и зарубежных театров работает в стиле документального театра.

В пьесах документального театра предполагается *дословное воспроизведение прямой речи реальных людей*. Документальный театр, основанный на «подлинных» текстах, интервью и судьбах реальных людей, является особым жанром, существующим на стыке искусства и злободневного социального анализа. Это тексты, первоначально не предназначенные для театра – *глубинные интервью, публицистика*³⁹.

Творческие группы театра создают спектакли на основе встреч с реальными людьми, на самые актуальные и своевременные темы окружающей действительности⁴⁰.

Каким образом появляются пьесы? Они основываются авторами на использовании свидетельства реальных людей, *техники verbatim*, «глубокой импровизации», театральных игр и тренингов. Кроме спектаклей, сделанных по методу вербатим, стали появляться свидетельские спектакли, иммерсивные спектакли и т. д.

Вот как понимает вербатим основатель метода М. Угаров (цитируем по «Антисловарю» М. Угарова на сайте Театра.doc):

Техника «Verbatim» – творческая группа выбирает тему, и начинает опрос тех реальных людей, которых решено опросить именно для этого спектакля. Очень важны вопросы. Вопросы – начало будущей концепции спектакля. Актеры с диктофонами записывают интервью, на репетиции

³⁵ Основы режиссуры. Юрий Муравицкий. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XUbSIHa1cGs>

³⁶ Лекция Павла Руднева. Документальный театр. Этика и практика. URL: https://www.youtube.com/results?search_query=%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%82%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80

³⁷ Документальный театр. Презентация журнала «Театр». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ULZYhVAGt5E>

³⁸ Документальный театр как исследование (6, часть 1). ФОМ-ЛАБС. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fEBuaXYIk8M>

³⁹ Е.Ковальская. Доверительное управление из истории и практики документального театра. URL: <https://seance.ru/articles/doveritelnoe-upravlenie/>

Матвиенко К. Н. Лаборатория как один из способов жизни документального театра: российский опыт 2000-х годов // Шаги / Steps. Т. 5. № 4.2019. С. 161–171.

⁴⁰ А. Родионов. Реальный диалог на подмостках. URL: <https://strana-oz.ru/2002/4/verbatim---realnyy-dialog-na-podmostkah> Ним А. Театр как интервью. URL: http://samlib.ru/a/anna_n/kultira.shtml

М. Курочкин, А. Родионов. Как мы полюбили вербатим. URL: <http://oteatre.info/kak-my-polyubili-verbatim/> Г. Заславский. В Москве открылся еще один театр современной пьесы. Самой современной. URL: <https://mxat.ru/authors/directors/ugarov/861/>

приносят не только расшифровки интервью, но и сценические характеристики персонажа. Дальше - работа над спектаклем и пьесой».

Проходили и проходят семинары по технике вербатим⁴¹, позволяющие научиться этой технике будущим авторам документальных спектаклей.

Рассказы о технике вербатим в создании определенных спектаклей можно найти и в Сети: вот, например, спектакль «Ровесники» в Лысьвенском драматическом театре. Спектакль представляет собой исследование двух поколений восемнадцатилетних – современного и военного.⁴²

Перед автором документального спектакля стоит вопрос, как принести на сцену реальную речь персонажей, как произвести *запись человеческой речи как верлибра*. Жёсткий вербатим предполагает, что не добавлено ни одного слова. Это в подлинном смысле слова *документальные свидетельства*.

При это показательны и собственно лингвистические проблемы такого свидетельствования. Различие между устной и письменной речью знакомо всем, кто оформляет стенограмму, кто берет интервью, тем, кто занимается фиксацией разговорной речи. Записанную речь отличают особенности устной речи, «непричесанной речи», особенности коллоквиального синтаксиса, неявной когерентности тем устного регистра, наличия просторечия, сниженной речи, наличие общенизмов.

Но спектакль вербатим – это не только лингвистика, не только речевой портрет нашего собеседника из разных социальных слоев, что уже само по себе интересно.

Метод устной истории хорошо знаком социально-гуманитарным наукам. Личные свидетельства на телеэкране порой становятся событием. Стоит вспомнить фильмы М. Голдовской, фильмы О. Дормана и Е. Якович, где рассказывают Л. Лунгина, дочь философа Шпета, О. Волкова, Д. Лихачева и т. д. Методология устной истории хорошо разработана: участники и очевидцы событий интервьюируются специалистами, представляют свои субъективные, личные переживания и оценки, которые являются одним из видов исторических источников. Обращаются к устной истории представители разных гуманитарных специальностей – социологи, историки, филологи, психологи, журналисты. Как метод интервью может быть использовано для фиксации истории практически любой отрасли науки, что доказывает работа В.Д. Дувакина, деятельность которого стала широко известной [Радзишевский 2014]. Записи бесед применимы для выявления многих феноменов: институционализация отраслей науки и сбор воспоминаний по ключевым темам советской истории, этнографические исследования, исследования коллективной памяти. Показателен интерес к *oral history* зарубежных историков: в своём генезисе устная история идет из фольклорных

⁴¹ Театр.doc. Семинар по вербатиму. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4SYsn-n_ZBY

⁴² Спектакль-вербатим «Ровесники» (режиссер Артем Терехин). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zfGYtYelz3c>

Вербатим. Родители. Диалоги. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Hf8PwhaIWS4>

исследований, скажем, в Британии – из исследований Шотландии [Дрожцкий 2007, Щеглова 2011]. Ставится задача не только производства этих нарративов, но и их интерпретации

Д. Споров, работающий с коллекцией Дувакина (цифровизация архива), создает новые беседы с 2011 года [Споров 2021, сайт Фонда устной истории 2021].

На устные записи по разным темам можно смотреть под разными углами зрения [Кротов, Липаев 2016, Ростовцев 2018, Липовецкий 2015].

Отдельно обсуждается метод дедукции в документалистике. Возможно ли в театре отбросить все фантазии и сделать художественным/театральным чисто документальный материал? И если – да, то, что для этого нужно? И какие формы и форматы обретает такой спектакль? И насколько это ново и актуально для современного театра? Дедуктивный метод – это отбрасывание всех фантазийных форм применительно к воплощению документального материала на сцене. Он не предполагает вариантов, он суть вычисления реальности. Он – способ художественного переосмысления документального текста, при применении которого сохраняется ощущение подлинности происходящего на сцене»⁴³.

Чрезвычайно важны все эти техники для написания пьес. Техника «вербатим»; техника «лайв гейм», когда прямо на аудитории разыгрывается жизнь персонажей; собственные изобретения Театр.doc – «глубокое интервью» артиста, - погружение в обстоятельства героя, актер присваивает себе документальный материал персонажа и как бы перевоплощается, дает от его имени интервью, отвечает на вопросы зала и т.д. Но, как считают все эти техники, заимствованные и изобретенные, – не самодостаточны, это всего лишь инструменты для театральной работы написания пьесы и постановки спектакля [Юхананов, Шевченко 2016].

Мы знаем, как широко в различных видах человеческой деятельности используется интервьюирование – в устной истории, в фольклористике и диалектологии, в журналистике, в психиатрии. Интервью понимается и как метод исследования, и как результат, продукт такого исследования. В документальном театре это интервью вкладывается в уста артиста.

В документальном театре актёр сами опрашивают *информационных доноров* – это позволяет вписать манеру речи, понять, оценить человека. Даже через карикатуру можно приблизиться к живому человеку, послужившему основой для пьесы. Это интервью драматургическое, не журналистское. Считают, что это происходит на пересечении профессий. С методикой, техникой создания пьесы, спектакля связан разговор о том, как пье-

⁴³ Актуальный театр России: прошлое, настоящее, будущее. URL: <https://teatrdoc.ru/news.php?nid=934>

са становится событием⁴⁴, как театр стал историей⁴⁵, каков лабораторный опыт осмысления Театра.док⁴⁶.

Показательно, что среди параллелей создания документальной пьесы находятся такие журналистские методы, как исследование и расследование⁴⁷.

Форма спектаклей нового театра

Театр.doc возник одним из первых театров данной формы в России. Он возник в Москве в 2002 году как независимая площадка, противопоставляющая себя классическим театрам. Он отменил все формы условности, принятые в традиционном театре: маленькое подвальное помещение, «сцена», плавно перетекающая в «зрительный зал» на 30 мест, полное отсутствие служебного персонала и администрации театра, драматурги и режиссеры сами продают билеты зрителям на спектакли, а зритель часто оказывается вовлеченным в представление.

Кроме привычных документальных пьес – монологов, диалогов и отрывков из документов – есть и некие другие формы спектаклей.

Многое в России было создано под влиянием европейского документального театра, особенно известно влияние театральной группировки Rimini Protocoll. Они работают с 2002 года, их спектакли известны по всему миру. Их документалистика, как считают, объединяет в себе социологическое исследование, документ и городской урбанизм. Один из самых распространённых проектов – Remote X, который был реализован по всему миру. В России так же есть подобные практики (Москва, Санкт-Петербург, Пермь и т. д.). Суть заключается в том, что здесь конструкт «пространства театра» как такового полностью разрушается, сценой и зрительным залом становится целый город. Люди ходят по определённому маршруту, который диктуется в наушниках, совершают определенные действия и контактируют с городом. Сюжета как такового нет, есть просто история, которую каждый зритель воплощает сам. Каждый новый спектакль не похож на предыдущий. В сущности, это путешествие происходит ради путешествия, не только по городу, но и на уровне самосознания. В Rimini Protocoll нет опоры на конкретный документальный источник, сами люди являются «живым документом», продолжая традиции «свидетельского театра».

Посмотрим на иммерсивный театр и обсудим, где его искать, чем он отличается от интерактивного. Впрочем, ответ очевиден: прежде всего отсутствием сцены.

«Неявные воздействия» – российский спектакль, поставленный В. Лисовским в театре Театр.doc. Тексты – И. Кант, М. Дурненков, Т. Манн,

⁴⁴ Публичная дискуссия/ Читка. От разбора пьесы к самостоятельному жанру театрального события. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ae1hUGyCs40>

⁴⁵ Театр.doc. Елена Гремина. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BbEX1tkyQuM>

⁴⁶ Юбилей Театра.doc. URL: <https://teatrdoc.ru/news/article/6291/>

Актуальный театр России: прошлое, настоящее и будущее. URL: <https://teatrdoc.ru/news/article/6211/>

⁴⁷ Вербатим + метод Гюнтера Вальфафа. URL: <https://teatrdoc.ru/news/article/6224/>

С. Давыдов, У. Фолкнер, Е. Гремина, Ж.-П. Сартр, М. Крапивина, Т. Тцара, К. Уварова, Г. В. Ф. Гегель, К. Толмазин, Б. Спиноза, Э. Асадов, Платон, Р. Рождественский, Г. Майринк, В. Гейзенберг, В. Сорокин, маркиз де Сад, А. Платонов, Г. Аполлинер и другие авторы.

Жанровая принадлежность спектакля наиболее близка к понятию «спектакль-променад». Сам режиссёр Всеволод Лисовский определяет жанр как «вождение обезьяны».

«Неявные воздействия» – это спектакль, действие которого разворачивается в различных городских локациях. Станции метро, кабинки общественных уборных, площади и частные квартиры, торговые центры и заброшенные здания. Актеры и зрители в этом путешествии взаимодействуют на равных, превращаясь в полноценных соавторов режиссёра. Зрители и актёры перемещаются по городу, следуя по постоянно изменяющемуся маршруту за режиссёром спектакля Всеволодом Лисовским, несущим флаг с изображением трубказуба. Этот флаг с трубказубом стал символом спектакля «Неявные воздействия». Режиссер поясняет: «Маршрут каждый раз будет разный, в формировании его самое деятельное участие будут принимать зрители. Если „точка старта“ известна, то „точка финиша“ каждый раз будет неожиданной как для зрителей, так и для актёров. Актёры будут вооружены знанием определённого количества текстов и пониманием того, что в определённый момент от них могут потребовать исполнения определённого этюда, но дальше этого их осведомлённость не идёт. И ничья не идёт. Порядок и форма исполнения номеров будут определяться спонтанно, опять же при самом активном участии зрителей. Хотя в контексте этого путешествия разделение «актёр– зритель» утрачивает значение. Правильнее говорить «участники». Формы участия будет три. «Участники, знающие текст», «участники, знающие, что присутствуют на чём-то типа спектакля» и «участники, которые вообще ничего не понимают». В последнюю категорию входят прохожие, пассажиры общественного транспорта, сотрудники бизнес-центров, посетители торгово-развлекательных центров, сотрудники полиции и ЧОПов и вообще все, кому не посчастливилось попасться нам на пути.

Обычно театр поделен на зал и сцену. Сцена – это место, где вырабатывается месседж и тем или иным способом транслируется в зал. А в «Неявных воздействиях» главное, что месседж не транслируется, он должен формироваться у каждого из зрителей. Это такая обоюдная эксплуатация. Тут месседжа нет, последовательность действий, высказываний и даже сам маршрут перемещений – случайность. За счет этого каждый из зрителей в результате получает что-то свое» – так полагает режиссер спектакля.

Зачем делать театр, где не играют, не-театр? До Лисовского, как ни странно звучит, не-театром занимался Антонен Арто. Про «театр жестокости» ясно одно – если умеючи вставить в театральную рамку историю любого человека, оно и выйдет жестоко.

Оставим читателя самого сделать вывод, как это далеко от традиционного театра⁴⁸.

Оценим и спектакль-перформанс. «Солдат» – российский спектакль, поставленный Дмитрием Волкостреловым по пьесе Павла Пряжко в 2011 году в московском театре «Театр.doc» (совместно с петербургским театром Post). Критики считают этот спектакль самым коротким на российской театральной сцене.

Длительность спектакля – 5 минут. Текст, произносимый единственным актёром Павлом Чинарёвым, состоит из двух коротких предложений. Структура и язык данного театрального представления дают основание предположить, что спектакль «Солдат» находится в приграничной зоне, разделяющей пространства театра и перформанса.

Драматург так рассказывает о спектакле: «Меня беспокоила тема о том, как солдат пришел в увольнительную. Я начал выстраивать какую-то историю – одну, вторую, третью. А потом понял, что не могу точно передать то, что хочу. Да, следуя закону построения сюжета, ввожу каких-то персонажей, но, по сути, занимаюсь какой-то ерундой, совсем ухожу от того высказывания, которое мне необходимо. И вдруг я понял, что нужная мне форма – это два предложения, это единственный вариант. Дима решил поставить. Благодаря ему текст не пропал. Потому что я выслал текст еще одному режиссёру, но тот подумал, что это шутка. А для меня это серьезная работа. Я рад, что Дима это увидел» – рассказывает драматург Павел Пряжко.

Комментарий основателя театра М. Угарова таков: «„Солдат“ – самый радикальный спектакль российского театра! Пьеса – две фразы, спектакль длится 5 минут. Внутри – бездна. Эту бездну даёт не режиссёр, не автор, не актер, – а мы сами, зрители».

Пьеса Пряжко состоит из двух предложений – но это ничего не значит, в пьесе вообще может не быть слов, причем не только реплик, но и ремарок (кстати, текст Пряжко не предполагает однозначного подхода к этим двум предложениям – то ли это реплика героя, то ли авторская ремарка), может и пьесы не быть – а постановка при этом возможна вполне традиционная по формату. Волкостреловский «Солдат» интересен в первую очередь именно своим хроно-форматом – не то что это какая-то мировая театральная революция, уже Беккет вплотную подходил к чему-то подобному, а до него – радикалы начала XX века, ну а уж после – кто только не, но все-таки пока что пятиминутные представления, которые тем не менее прокатываются не как перформансы, но как театральные постановки (то есть

⁴⁸ Неявные воздействия. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CoN0d2yShFY>

Всеволод Лисовский и Алексей Киселёв. Трансформации и воздействия. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JAMFOwFcr3s>

Театр.doc. Спектакль Неявные воздействия. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1ys_UiiKVxc

Неявные воздействия. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jGeOmJkIhUo>

Неявные воздействия. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Rtlk_XLrNyM

О временах года. Исполняют актеры Театра.doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JdT6uS117Zs>

зрители, сколько бы их ни набралось, приходят к условленному времени, ожидают, заходят в зал, а в конце, если возникает желание, могут даже поаплодировать) – достаточно редкое явление. «Солдат» – именно спектакль, а не перформанс и не акция, еще и потому, что составляющее его действие – принципиально однократное, оно не допускает циклического самовоспроизведения, не предполагает бесконечного повторения. В нем есть завершенная история с неким экзистенциальным подтекстом». Таков комментарий за ником Арлекин.

Интересны и другие пьесы Павла Пряжко⁴⁹. Автор смог изменить ход развития современной пьесы в России. Он повернул «новую драму» от драматургии темы к драматургии языка, к дискуссии вокруг строя современной пьесы. Он сделал форму текста и язык пьесы темами для обсуждения. До Пряжко «новая драма» цепляла, прежде всего, сюжетами, пограничными состояниями, путешествиями в миры, еще театром не освоенные: новая религиозность и психотропный мир, новая городская романтика и навыки сопротивления капитализму в России. Павел Пряжко, прежде всего, ставит формальные эксперименты на территории драматургического письма: он по сути переворачивает функцию ремарки, он задумывается над свойствами современного языка, редуцированного до узкого набора полуслов-обозначений-иероглифов, он играет с ритмом фразы, он намеренно использует примитивистские методы построения речи. Пряжко наблюдает за пароксизмами современного языка как бы стороны, как лаборант-наблюдатель: как исказили речевой аппарат современного подростка поп-культура и интернет-сознание, как отмирает функция языка в мире, лишенном потребности в «живой» коммуникации, какими многозначительными оказываются слова и какими сверхкороткими бывают предложениями в условиях нелитературной, некультурной речи, как меняющийся язык передает мучительную скованность и отуплённость насквозь материализованного сознания, лишенного метафоры и необходимости язык приукрашать, играть словами, – так комментирует эти пьесы П. Руднев⁵⁰.

Показательна форма спектакля «Молчание вакханок». Это тоже производство невербальных текстов⁵¹. Создатели действия так комментируют спектакль-перформанс: «Молчание классиков» – это цикл спектаклей, в которых мы промалчиваем классические пьесы. Каждый раз новую. Уже успели промолчать Эсхила, Еврипида, Шекспира, Шиллера, фон Клейста. Это не пантомима, не балет. В нашем спектакле молчание – это полноценное выразительное средство. А если зритель запомнил, о чем идет речь в самой пьесе, мы пускаем авторский текст титрами на экране. Вышеуказан-

⁴⁹ Павел Пряжко. Пушечное мясо. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9aRtWF_uzxE

Павел Пряжко. Обсуждение читки пьесы «Мы уже здесь». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wFPHtC-POJo>

Производство бреда. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9W9AE3Rxn-4>

⁵⁰ Руднев П. Новая драма № 10. Павел Пряжко. Закрытая дверь // Топос. – 2010, 22 июня.

⁵¹ Театр.doc. Молчание на заданную тему. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3vNNq4EJDGY>

ные формы спектаклей подводят нас к размышлениям о том, каковы рамки импровизация спектакле⁵².

Есть и форма, рождающаяся *ex tempore*. Вот перед нами фрагменты спектакля Театра.doc «Общество анонимных художников», сняты и смонтированы Молли Глотт-Родькиной. Съемка спектакля производилась 11 мая 2011 года. «Общество анонимных художников» – продолжение творческого эксперимента, начатого авторской группой Георга Жено, Армана Бекенова и Нины Беленицкой в интерактивном спектакле «Демократия.doc», в котором зрители разыгрывают свою модель демократии в России, а исход вечера зависит от каждого из присутствующих в зале. Известный немецкий художник Йозеф Бойс утверждал, что каждый человек – художник. Эта идея легла в основу нового спектакля. Кто-то это про себя знает, а кто-то – еще нет. «Общество анонимных художников» можно назвать «вербатим live». Это спектакль на основе документальной пьесы, которая родится прямо на ваших глазах. Ведущие – блогер-тысячник Веро4ка Полозкова и психотерапевт Арман Бекенов. Вместе с ведущими спектакля можно будет исследовать свое «я» и попытаться раскрыть имеющиеся таланты. Разговор о том, что такое творчество, не будет ограничен рамками искусства, умением создавать картины, музыку или кино. Сама жизнь человека, его биография может быть творчеством. Участие в спектакле происходит на основе полной анонимности.

Новая драма – понятие довольно размытое. Это скорее временные рамки поствампировской драматургии. Она мыслится как свободный разговор о темах, проблемах прежде табуированных. В ней – идеализация этой новой жизненной правды, герои дна, чернушность как естественная реакция на казенную мораль. Понятие расплывчатое, скорее просто современные пьесы. интерес к низовой жизни, к отклонениям, к шоковым ситуациям, данность жестокости приводят к отсутствию художественной идеи, бытописанию фактографическому, даже пародированию в стиле черной комедии. Такие пьесы часто характеризует отсутствие драматургических законов (завязка, кульминация и развязка), игнорирование художественности, подчеркнутый антиэстетизм, натуралистические описания, обценная лексика. Не выводящие к новым художественным идеям.

Здесь видится корреляция с новым кино. Новыми направлениями нон-фикшн в литературе, с блогами.

Итак, материалом представлений могут быть вербальные тексты или театр без пьесы – визуальный театр. Практикуется игровая читка пьес новой драмы в театрах на фестивалях.

При этом театру придается социальная функция. Он рассматривается как игровое поле новых коммуникаций. Власть, отнятая у режиссёра переходит к сотворцам вербатимного спектакля.

⁵² Театр.doc. Общество анонимных художников. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NdQ3xi2wdwM>

Влияние Театра.док на жизнь, влияние через арт-проекты на действительность осуществляет социальную функцию театра.

В пьесах представлены новые герои. Так, например, в пьесе «Мотовилихинский рабочий» – интервью с рабочими завода⁵³. Параллели с книгой «Ебург» А. Иванова. Есть пьеса-исследование жителей города Кирова. Замечательная пьеса «Деревни нет» – алтайская деревня Курья, где часть жителей протестует против строительства золотодобывающего предприятия. Выявление шукшинских чудиков в жизни приводит к разочарованию в этом типе в современных условиях. В первых петербургских пьесах типы авторов вербатима – бомжи со Ржевки, мороженщица с Площади искусств и т. д. Налицо диапазон типажей, паноптикум современников.

Тематика спектаклей документального театра

Новая драма заставляет нас посмотреть на пограничные состояния современного человека или на обыденность, привычность, автоматизм горечи и жестокости. Тюрьма, убийство, изнасилование, трагедии в шахте – все на грани гибели (или – за ее гранью). Один только список тем, за которые взялись молодые драматические писатели, определенно повторяет заголовки рубрики «Срочно в номер», той самой, которая призвана изо дня в день пугать и привлекать читателей таблоида.

Посмотрим на темы этих текстов.

• чернуха быта пригорода и быта современной неработающей вымирающей деревни, обыденность быта спального района

Жизнь человека спального района, жизнь обычного человека в пятиэтажке на окраине города... Тема, широко поставленная в искусстве Кшиштофом Кеслевским, имеющим множество последователей...

Пьеса Валерия Печейкина «Соколы» посвящена семье вернувшихся в Россию русских, где есть проблемы с психикой и конфликт поколений⁵⁴. «Оборванец» М. Угарова посвящен жизни человека из спального района⁵⁵. «Тариф» М. Дурненкова – о пользовании телефоном пенсионеркой⁵⁶.

Жизнь мигрантов, жизнь люмпен-пролетариата, показана, например, в пьесе Вячеслава Дурненкова «Вымирание земли».

Пьесы Дурненкова «Крестьяне»⁵⁷ (обращенная к истории) и «Анна» драматурга Клавдиева посвящены трагедии российского села⁵⁸. Спектакль представлен так: «Что делать на селе? Прозябать без работы, продавать за

⁵³ Мотовилихинский рабочий. Материалы документальной пьесы. Искусство кино 2009, № 12. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2009/12/n12-article15>

⁵⁴ Соколы: спектакль по пьесе Валерия Печейкина в театре.doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TDA04n4bpro&list=PLIQSY3G18rZoVGTEpgFgZTOUG0W2b67JT&index=31>

⁵⁵ Михаил Угаров. Оборванец. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=egfzv-iLF9U>
Угаров. Дос. Фестиваль пьес худрука. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Xaqakwr8_JY&list=PLIQSY3G18rZoVGTEpgFgZTOUG0W2b67JT&index=5

⁵⁶ Михаил Дурненков. Тариф (читает роман Волков). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fgM0uVqemzQ>

⁵⁷ Вячеслав Дурненков. Крестьяне. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D6mAnEsnxME>

⁵⁸ Юрий Клавдиев. Анна. Читка в ЦСДР. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6Uc8dGQfTVM>

копейки государству хлеб и молоко, спиваться по-тихому? Или стрелять друг в друга, как ковбой так, что на улицу после семи вечера невозможно выйти? “Анна” – деревенский вестерн, история-гротеск-антиутопия про студентку, завязшую в деревне с дикими нравами».

Раздаются обвинения в том, что это смотрит сытый зритель для хорошего пищеварения. Те, кто так живет, в этих постановках не нуждается. Эти пьесы и постановки характеризует безысходность, они не предлагают решения. Все это активно фигурирует в кино, начиная с кино девяностых. Правда жизни не дает никакой надежды. Тем самым искусство не выполняет свою миссию давать иллюзию, предлагать выход.

- **психологические драмы**

Здесь целый спектр тем, достойный современного психоаналитика: обращение в внутреннему миру человека, проблемам взаимоотношения в семье, с родителями, с возлюбленными и т. д., взросление, развитие смертельных заболеваний, немощности, представление человека о своем будущем, своей интимной жизни, своем социальном лице.

Мы видим актрису, попавшая в психиатрическую клинику и ведущую рассказ о своем там существовании⁵⁹.

В другом спектакле «Актеры» актёры рассказывают о поиске себя в профессии⁶⁰. Пьеса называется «Вне театра // А что если я не буду...». Это документальный спектакль о жизни семи актеров, о том, как и почему они ушли или не ушли из актерской профессии, и какую роль в этом играли их мамы, жены, мужа, рок, Бог, ветры, одиночество и другие неподвластные людям обстоятельства... Семь историй - семь исповедей о сбывшихся и несбывшихся мечтах, о сомнениях и вере в себя, об одиночестве и необходимости делать выбор, о человеческом счастье, о взлетах и падениях и, конечно, об особенностях актерской профессии. Этот спектакль несомненно психологический и терапевтический как для самих участников проекта, так и для зрителей, ведь эти жизненные изломы бесконечно узнаваемы и универсальны. Режиссер: Анастасия Патлай. Драматург: Нана Гринштейн.

Был спектакль с выразительным названием «Манагер», посвященный жизни менеджера⁶¹. Это тема в литературе нулевых представлена С. Минаевым.

Что делать с выгоранием? Об этом – «Усталость» Насти Николаевой, представляющая монологи перфекционистов.

Современному человеку посвящены пьесы и постановки братьев Дурненковых – кратко, весело и об одном и том же. В интернете можно найти постановку пьесы, посвященной изоляции «Непереводимое»⁶².

⁵⁹ Театр.doc. Спектакль «ВНЕ ТЕАТРА. А что, если я не буду?». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eOVuNRYONsg>

⁶⁰ Спектакль Актеры. Театр.doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Mysy1E7VQk>

⁶¹ Манагер. Пьеса о спектакле театр.doc. URL: http://www.smotr.ru/2005/2005_doc_manager.htm

Сцена из спектакля Манагер (реж. Р. Маликов). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=58-nkyUWoz0>

⁶² Untranslatable/ непереводимое. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ko2ozTOI5wo>

«Человек в бандане» – этот спектакль представляет монологи пациента онколога⁶³.

Спектакль «24 плюс» – разговор об интимных отношениях, о браке⁶⁴.

Спектакль Лидии Руссковой посвящён природе современной женщины⁶⁵.

Есть спектакль-разговор о любви⁶⁶.

Театр «Практика» поставил спектакль о бабушках⁶⁷. Спектакль «Бабушки» – это мозаика из рассказов реальных деревенских жителей. Спектакль сделан в технике вербатим и в полной мере передает традиции, обычаи, песни, иначе, жизнь русской деревни. Вполне себе этнографическая зарисовка.

Пьеса Алексея Куличкова и Сергея Шевченко «9 месяцев 40 недель», в центре которой беременность женскими глазами, но сыгранная мужчинами⁶⁸.

Есть пьесы о клерикальности и религиозности («Язычники» Анны Яблонской⁶⁹). Вполне естественно, что в ряде пьес обсуждают богоискательские и богоборческие мотивы в репертуаре современного человека.

В спектакле «Будущее» люди рассказывают про свое будущее, как они его себе представляют. Биография вперед – спектакль о жизни в будущем (здесь обсуждаются сценарии собственной жизни, тогда как при обращении к прошлому это скорее скетчи).

Ковид вызвал целую серию публикаций документальных свидетельств и спектаклей о медработниках⁷⁰.

Часто психологические документальные драмы представляются в виде стендапа – перед нами человек смеющийся, человек, рассказывающий истории, исповедальный театр, монологи на сцене в традиции Е. Гришковца.

- **политическая сатира, хроника и памфлет**

Одно из центральных мест в документальном театре занимает обращение к современным символам политического мира, к миру политического.

Здесь можно назвать спектакли по пьесе В. Тетерина «Путин»⁷¹, «Берлуспутин»⁷², посвящённые обожествлению российского президента.

⁶³ Человек в бандане. Презентация книги А. Беяева. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JV-2tAZfTTg>

⁶⁴ 24 плюс. Театр.doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dgYNgN66Q1s>

⁶⁵ Трейлер спектакля «Она – это мы». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p-OVG1dxZUw>

⁶⁶ Спектакль «Я боюсь любви» в театре.doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qErAqULfryU>

⁶⁷ Театр Практика. Бабушки. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FML0ZjFvV1s>

Бабушки. Театр практика. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=q96jHyL4R8U>

⁶⁸ Тизер спектакля «9 месяцев / 40 недель». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M5FRIEI0sPQ>

⁶⁹ Спектакль «Язычники». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=V394RzRI8Ic>

⁷⁰ Е. Костюченко. Звонки родных как письма на фронт. Анонимный монолог анестезиолога – реаниматолога из Москвы. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/22/85038-zvonki-rodnyh-kak-pisma-na-front>

⁷¹ Спектакль Путин.doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0RsmMmLARGI&list=PLIQSY3G18rZoVGTEpgFgZTOUG0W2b67JT&index=2>

⁷² БерлусПутин. Премьера в театре.doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=C2dMYpZ78-Y>

Актуальные темы публицистики и периодики представляет В. Шендерович «Увидеть Солсберри»⁷³ по мотивам памятных публикаций о путешествии в Англию.

Документальный театр представляется и как часть протестного сознания⁷⁴. Широкую известность получила пьеса о суде над Pussy Riot⁷⁵.

Пьеса «Московские процессы» – объединяет ряд документированных историй: это и суд по поводу выставки «Осторожно: религия»⁷⁶, и Pussy Riot, и нашумевший процесс Магницкого⁷⁷.

Мы видим, что спектакль порой рождается на наших глазах, когда еще нет пьесы. Это выступления очевидцев⁷⁸. Вовлечена и аудитория. Ряд съемок сделан под эгидой «Русского репортера».

Мы видим, что документальный театр откликается на события текущей политической повестки⁷⁹. О том, что театр социально значим свидетельствует и то, что театру угрожают⁸⁰. В стенах театра разыгрываются спонтанные политические перфомансы.

Поставленный спектакль о Магницком⁸¹ вызывает показательный негативный коммент Веры Фоминой:

Какая же все же дрянь ваш театрик. Косноязычные актеры с отвратительным произношением, бездарные режиссеры, омерзительные сюжеты, тотальная русофобия. Закройтесь уже.

В документальном театре нашли отражения события нашей истории: Новая Антигона – основанная на интервью матерей Беслана⁸² Спектакль «Сентябрь.doc» – о Бесланской трагедии.

Очень острый спектакль был поставлен про дело болотников⁸³.

Обращению к опыту мигрантов в Москве XXI века была посвящена «Война молдаван за картонную коробку» по пьесе А. Родионова.

⁷³ Увидеть Солсберри (комедия). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aeFz6L5sAbM>

⁷⁴ Театр.doc часть как протестного сознания. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2012/02/13/48225-teatr-doc-151-chast-protestnogo-soznaniya>

⁷⁵ Свидетельский театр «о суде над Pussy Riot». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r9LL2E5lyFo&list=PLIQSY3G18rZoVGTEpgFgZTOUG0W2b67JT>

⁷⁶ Запретное искусство- 2006. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B5%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%E2%80%944_200

⁷⁷ За что убивали Магницкого. Продолжение следует Читает Евгений Ройзман. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/26/za-chto-ubivali-magnitskogo>

⁷⁸ Наталья Магницкая. «Мне кажется, все происходило как вчера...». URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/17/82763-natalya-magnitskaya-mne-kazhetsya-vse-proishodilo-kak-vchera>

⁷⁹ Охота за реальностью. Многострадальному Театру.doc опять грозит переезд. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/11/13/87952-ohota-za-realnostyu>

⁸⁰ В Театр.doc поступило сообщение с угрозами. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2018/04/02/140680-v-teatr-doc-postupilo-soobschenie-s-ugrozami>

⁸¹ Спектакль театра.doc «час 18». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hBN7RP4D0Js>

⁸² Новая Антигона. Документальная пьеса о суде над мамами Беслана нашей коллеги Е. Костюченко сегодня опубликована на крупнейшем книжном сервисе bookmate. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/03/86946-novaya-antigona>

⁸³ Театр.doc читает «Болотное дело». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-G3BmXS9XrY>

Шаман Габышев также нашел отражение в постановке документального театра⁸⁴.

Одна из центральных пенитенциарных тем – пытки⁸⁵. Эта тема одновременно с документальным театром находит отражение в публицистике. О пытках пишет и «Новая газета»⁸⁶, и «МК»⁸⁷ (Ева Меркачева, Ольга Богуславская, Ирина Боброва, Александр Минкин и др.). Есть реакция властей⁸⁸: правоохранительных органов, законодателя.

Эти проекты документального Театра.doc совместно с «Новой газетой», документальные расследования которой общеизвестны⁸⁹.

Генезис пьесы «Моя война» вызван изменениями настроений и шпиономанией в обществе. Пьеса представлена театром вот так: «У каждого своя война. Алла Терехова написала пьесу о своей. Так и назвала – «Моя война». Муж, попытавшийся найти работу за рубежом, упустил из вида, что он когда-то работал над секретным проектом. Арест, обыск, допрос, суд, приговор. И вот ты жена изменника Родины. Ему – срок, ей – кошмар повседневности в «новом статусе» и страх, постоянный страх. Сразу скажем, что эта война кончена, что вместо изначального срока в 15 лет удалось добиться меньшего. И эти «всего 6» уже позади. Алла и Геннадий вместе. В интервью, данном новой газете автор рассказала о написании пьесы.

Поставлен спектакль о Болотной, которая также освещалась в масс-медиа⁹⁰, где публиковались многочисленные свидетельства.⁹¹

⁸⁴ Нечистый дух. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/11/24/88097-nechistyy-duh>

⁸⁵ В Петербурге запретили «Пытки». URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/05/26/76610-v-peterburge-zapretili-pytki>

⁸⁶ Тут, конечно, крыть уже нечем. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/23/89336-tut-konechno-kryt-uzhe-nechem>

России изуверные сыны. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/08/rossii-izuvernye-syny>

⁸⁷ И. Боброва. Посадившей полицейских за пытки многолетней матери пришлось переехать из-за травли. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/01/25/muzh-mnogodetnoy-zhenshhiny-posadivshyey-policeyskikh-za-pytki-rasskazal-o-vynuzhdenom-pereezde.html>

Е. Меркачева. Почему пытки в России стали обыденностью: новые страшные факты. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/01/30/pochemu-pytki-v-rossii-stali-obydennostyu-novye-strashnye-fakty.html>

А. Минкин. Депутатов пока не пытают. URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/12/29/deputatov-poka-ne-pytayut.html>

⁸⁸ Д. Ерусалимский. Бастрыкин: за пытки в Саратовской тюремной больнице привлечены шесть человек. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/01/13/bastrykin-za-pytki-v-saratovskoy-tyuremnoy-bolnice-privlecheny-6-chelovek.html>

А. Хохряков. В Госдуме представили законопроект о лишении свободы за пытки. URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/12/20/v-gosdume-predstavili-zakonoproekt-o-lishenii-svobody-za-pytki.html>

⁸⁹ У Театра.doc и «Новой» было четыре общих проекта. Я хочу еще шесть. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/04/02/76027-1-aprelya-ushel-rezhisser-i-dramaturg-mihail-ugarov>

⁹⁰ Болотная стала потрясением для всех. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/10/bolotnaia-stala-potriasieniem-dlia-vsekh>

⁹¹ Их породила Болотная площадь, а утопит «болотное» дело. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2012/10/14/51840-ih-porodila-bolotnaya-ploschad-a-utopit-151-171-bolotnoe-delo-187>

Правда о Болотной. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2013/04/19/54415-pravda-o-bolotnoy>

Болотная площадь: те же минус 28 обвиняемых. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2013/05/05/54597-bolotnaya-ploschad-te-zhe-minus-28-obvinyayemyh>

Документальный театр становится политическим, теряет нейтральность⁹², когда одна из его основателей Е. Гремина ставит «Беслан», пьесу по репортажам Елены Костюченко. Здесь ставятся спектакли «Война близко» о деле Олега Сенцова, «Правозащитники», «Когда мы придем к власти»... Постановка «Война близко» – пьеса о Луганске и Сирии⁹³ – позволяет судить об уровне политической актуальности репертуара.

Отдельного документального спектакля удостоены правозащитники⁹⁴. Другой спектакль – «Оюб» – посвящен чеченскому правозащитнику Оюбу Титиеву, главе правозащитного центра Мемориал в Грозном⁹⁵.

А. Ганиева, В. Ивлева являются авторами спектакля «Процесс. Дело Константина Котова»⁹⁶.

Медиапроект «Август 2020» посвящен событиям в Беларуси⁹⁷ Авторы/исполнители: Сергей Гиндилис, Екатерина Финевич, Сергей Борсук, Даша Демура, Ксения Терещенко, Николай Прилуцкий.

Показательно, что в таком спектакле приняли участие правоохранительные органы⁹⁸

- **темы литературы** – как правило, предполагают абстрагирование. Однако возможны спектакли по мотивам гоголевских сюжетов, шекспировских сюжетов.⁹⁹

- **острая историческая проблематика**

Спектаклей удостоиваются такие исторические события, которые вызывают рефлексию, актуальную для осмысления настоящего.

«150 причин не защищать Родину»¹⁰⁰.

«Кантград»¹⁰¹ посвящен истории и настоящему Калининграда.

Может ли театр быть судьей истории?

Например, спектакль «Сквоты «89-93» представляют размышление о художественном времени.¹⁰²

Отдельных спектаклей удостоены Бродский, Галич.

⁹² З. Светова. Театр-идеалист в мире панических атак. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/13/allaterekhova-ia-khotela-vytashchit-muzha-iz-pasti-leviafana>

⁹³ О. Михайлова. Незаносчивое слов. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/07/85739-nezanoschivoeslovo>

⁹⁴ Театр.doc Спектакль «Правозащитники». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-f35JheufCM&list=PLIQSY3G18rZoVGTEpgFgZTOUG0W2b67JT&index=8>

⁹⁵ Театр.doc/ запись премьеры спектакля «Оюб». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2a9GLr6yCH8&list=PLIQSY3G18rZoVGTEpgFgZTOUG0W2b67JT>

⁹⁶ Приговор Константину Котову поставили ставили в театре doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SGfTxToFhpk>

⁹⁷ В московском театре doc сорвали премьеру спектакля «Соседи» о протестах в Беларуси. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/02/v-moskovskom-teatre-doc-sorvali-premeru-spektaklia-sosedi-o-protestakh-v-belarusi> Соседи/ Сусудзі. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5fg5DqyzCvY>

⁹⁸ В Театре.doc полиция сорвала премьеру спектакля о белорусских протестах. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XfimPAjHmr8>

⁹⁹ Сторителлинг представление Гоголь. Домашнее задание» (театр. Doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dQ8vNdi2QAE>

¹⁰⁰ Спектакль «150 причин не защищать Родину». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YyUEnG4cTzY>

¹⁰¹ «Кантград». Театр.doc. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cLAvqNm3UZ8>

¹⁰² 89–93. Сквоты. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fgxTXcczLaI>

Известен спектакль о смерти Сталина и Прокофьева, поставленный Кириллом Серебренниковым¹⁰³.

История двадцатого века содержит много трагичного. Уходят из жизни поколения переживших двадцатый век, и этот опыт уходит с ними. Нам же остаются память и практики коммеморации (традиция обсуждения этих практик включает такие известные имена, как М. Хальбвакс. П. Нора, Я. Ассман). Практики памяти, коллективная память и коммеморация заставляют нас постоянно возвращаться к травматической истории.

Методами исследования меняющихся социальных представлений в нашей работе являются изучение современных устных комментариев, комментариев в медиа, произведений периодики, рецензии художественных произведений. При этом мы понимаем, что произведения большой художественной силы из-под пера очевидцев и участников, свидетельства современников уже опубликованы. Новых свидетельств не будет. Но показательны наши сегодняшние дискуссии и действия.

- **социальный памфлет**

Так, например, «Три сестры. Акция в поддержку сестер Хачатурян» поднимает социальную проблему домашнего насилия.¹⁰⁴

Спектакль «Люди добрые» заставляет нас вместе с авторами размышлять о плюсах и минусах благотворительности¹⁰⁵

- **социальная хроника**

Проект «Помоги врачам» продемонстрировал монологи врачей, борющихся с ковидом¹⁰⁶.

- **судебная документалистика**

Выставки «Осторожно искусство» и «Запретное искусство»¹⁰⁷ отождествались актуальной постановкой театра.

Это вызвало претензии к театру¹⁰⁸, как юридические, так и в виде акций¹⁰⁹.

Уголовная тематика проявилась в спектакле «Песни белого павлина»¹¹⁰.

¹⁰³ Похороны Сталина. Документальный спектакль Кирилла Серебренникова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z5H9JZhoMW8>

¹⁰⁴ Три сестры. Театр.doc. Видео. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/07/02/81090-18-teatr-doc-tri-sestry-video>

Театр.doc. Три сестры. Акция в поддержку сестер Хачатурян. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uOMYr7-6Lbw>

¹⁰⁵ Тизер спектакля «Люди добрые». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zXWpFL3-2Bo>

¹⁰⁶ #ПОМОГИ ВРАЧАМ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=b4zWCpIbC4M&list=PLiB2itqS7zwn5a3gId34OcOJvQ0yYi9TH>

¹⁰⁷ Оскорблённые чувства. Театр.doc/2011/. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3GvmUTQCNGQ&list=PLIQSY3G18rZoVGTEpgFgZTOUG0W2b67JT&index=5>

¹⁰⁸ Депутат Ямпольская попросила проверить спектакли Театра.doc на антироссийскую пропаганду. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2019/11/28/157257-deputat-yampolskaya-poprosila-proverit-spektakli-teatra-doc-na-antirossiyskuyu-propagandu>

¹⁰⁹ Активисты SERB попытались в театре.doc сорвать спектакль о Донбассе. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5d85305f9a794767bebcc3da>

¹¹⁰ Тизер спектакля «Песни белого павлина». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3kyy2eA9VRg>

Отдельная постановка «дневник Али» выполнена на основе дневниковых записей находящегося в КПЗ журналиста «Новой».

«Закон» Михаила Дурненкова¹¹¹.

- *черные комедии*
- *актуальные художественные перформансы* – например, Петра Павленского¹¹².

Выводы и заключение

Материал современного театра ценен не только per se: есть такие-то драматурги, есть такие-то темы. Поиски нового театрального языка позволяют с более тонкой оптикой рассуждать о динамике вербального и визуального в коммуникации, динамике художественного и документального в нарративе. Это в широком смысле связано с **проблемами психологии коммуникации, психологии воздействия**. Внимание к вербальным и невербальным механизмам коммуникации, стремление к визуализации коммуникации с целью облегчения понимания смысла текста – проблемы вполне психологические. Исследуя рецепцию текста, мы даем обоснованные рекомендации для текстопостроения. В психологии речи, так же, как и в ораторике, в стилистике, в риторике речь ведётся о **речевом воздействии**. И если в риторике или литературоведении все речевое воздействие сводится к фигурам речи, то в психологии воздействие речи поменяется как использование психологических механизмов аргументации, манипуляции, внушения и т. д.

Показательно здесь само понимание важности речи, языка и текста. Речь – объект исследования психологии и лингвистики. Коммуникативная и когнитивная функции языка дополняются здесь речевой прагматикой. Работает текст, погруженный в коммуникацию, работает дискурс как вид разговорной практики. В союзе с социологией, социальной психологией обсуждаются способы организации такого дискурса, прежде всего интерактивные, прагматические, контекстные аспекты вербальной коммуникации. Налицо также проблемы социальной психологии и функционирования социальных групп. При построении корпоративного дискурса мы имеем дело с дискурсом социальной группы, разделяемыми ею ценностями. Часть этих ценностей вербализована. Налицо актуальность проблем корпоративной лингвистики, ищущей коды корпоративной идентичности, групповые нормы и правила. Универсальна психологическая стратегия самопрезентации. Перед нами социальные группы – коллектив, социальная группа, этническая группа с присущим ей этноцентризмом, ценностями, психологическими стереотипами, тезаурусом и т. д. Дискурс в малой группе выводит нас также к техникам решения проблем, разрешения конфликтов. С проблемами социальной психологии связаны также социальные репрезента-

¹¹¹Михаил Дурненков. Закон читка в ЦСДР. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7LQkQ8WpRcY>

¹¹²Петр Павленский в Театре.doc/ Разговор об искусстве. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YWTywV8S FI>

ции, социальные представления, этнические конфликты, межкультурное взаимодействие, культурный шок.

Список источников

1. Бушев, А. Б. Звуковой архив Малого театра / А. Б. Бушев // Русская речь. – 2018. – № 4. – URL: <https://ruskayarech.ru/ru/archive/2018-4/64-67>
2. Дрожецкий, Д. А. Понятие «устная история» в международной практике (по материалам ресурсов Интернета) / Д. А. Дрожецкий // Устная история (Oral History): теория и практика: материалы Всероссийского научного семинара (г. Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.); сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2007. – С. 160–167.
3. Захава, Б. Е. Мастерство актера и режиссера: учебное пособие / Б. Е. Захава. – 5-е издание. – Москва: РАТИ - ГИТИС, 2008. – 432 с.
4. Зубкова, Л. В. Youtube как основа медиакommunikации / Л. В. Зубкова // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Всероссийская научно-практическая конференция. – Нижневартовск, 2021. – С. 439–442.
5. Кротов, Н. И. Устная история, или Доктор память / Н. И. Кротов, А. П. Липаев. – Москва: Экономическая летопись, 2016. – 105 с.
6. Липовецкий, М. Иллюзия документальности и другие иллюзии / М. Липовецкий // Театр. – № 19. – 2015. – С. 84–89.
7. Матвиенко, К. «Общество спектакля» по Михаилу Угарову / К. Матвиенко // Театр. – № 34. – 2018. – С. 132–136.
8. Новикова, А. А. «Культурные индустрии» как часть публичной сферы: трансформация форм соучастия / А. А. Новикова // Художественная культура. – 2020. – № 1. – С. 65–86.
9. Радзишевский, В. Изгой с допотопным магнитофоном: жизнь после катастрофы / В. Радзишевский // Знамя. – № 12. – 2004.
10. Разлогов, К. Э. Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета / Рос. ин-т культурологии. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 287 с.
11. Родионов, А. Как мы полюбили вербатим / А. Родионов, М. Курочкин // Театр. – № 19. – 2015. – С. 114–115.
12. Ростовцев, Е. А. Российская наука об устной истории / Е. А. Ростовцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – История. – 2018. – Т. 63. – Вып. 2. – С. 522–545.
13. Сайт фонда устной истории. – URL: <http://oralhistory.ru/> (дата обращения: 29.01.2022).
14. Сальникова, Е. В. Визуальная культура в медиасреде [Текст]: современные тенденции и исторические экскурсы / Екатерина Сальникова; [Гос. ин-т искусствознания]. – Москва: Прогресс-Традиция, 2017. – 551 с.
15. Споров, Д. Б. Через частную историю проще увидеть разнообразие человеческой жизни. – URL: https://istorex.ru/sporov_db_cherez_chastnuyu_istoriyu_prosche_uvidet_raznoobrazie_chelovecheskoy_zhizni (дата обращения: 29.03.2022).

16. Щеглова, Т. К. Устная история / Т. К. Щеглова. – Барнаул, АлтГ-ПА, 2011. – 364 с.

17. Юхананов, Б. Театр и его дневники. Фрагменты жизни, речи и тексты / Б. Юхананов, Н. Шевченко. – Москва: Фонд поддержки и развития Электротheater Станиславский, 2016.

18. Chowdhury, N. R. A study on the user behavior and impact of YouTube videos on college students from East Bangalore. – URL: https://www.researchgate.net/publication/334491492_A_STUDY_ON_THE_USER_BEHAVIOR_AND_IMPACT_OF_YOUTUBE_VIDEOS_ON_COLLEGE_STUDENTS_FROM_EAST_BANGALORE

19. Holland, M. How YouTube Developed into a Successful Platform for User-Generated Content *Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*, Vol. 7, No. 1. Spring 2016. – URL: https://eloncdn.blob.core.windows.net/eu3/sites/153/2017/06/06_Margaret_Holland.pdf

МЕТОДИКО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XX–XXI ВЕКОВ)

Курьянович А. В.

Публикация посвящена рассмотрению эпистолярных текстов представителей русской интеллигенции XX–XXI веков не только в качестве значимого культурно-исторического феномена и самостоятельного объекта филологических исследований, отражающего специфику национальной ментальности, но и как ценного методико-дидактического средства и материала обучения. Привлечение текстов данного типа способствует эффективному решению ряда образовательных задач, связанных с предметным и межпредметным обучением, воспитанием и личностным ростом иностранцев, осваивающих русский язык и знакомящихся с русской культурой. Материалом выступает частная переписка ярких мастеров русского слова, носителей русской элитарной речевой культуры XX–XXI веков.

Ключевые слова: эпистолярный текст, частное письмо, русская интеллигенция XX–XXI веков, лингводидактика, русский язык как иностранный, методический и дидактический ресурс эпистолярного текста

EPISTOLARY TEXTS AS METHODOLOGICAL AND DIDACTIC RESOURCE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (ON THE BASIS OF PRIVATE CORRESPONDENCE OF REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN CULTURE OF THE 20–21 CENTURIES)

A.V. Kuryanovich

The research is devoted to the consideration of epistolary texts of representatives of the Russian intelligentsia of the 20th-21st centuries. We regard letters not only as a significant cultural and historical phenomenon and an independent object of philological research, reflecting the specifics of the national mentality, but also as a valuable methodological and didactic tool and teaching material. The involvement of texts of this type contributes to the effective solution of a number of educational tasks related to subject and interdisciplinary education, upbringing and personal growth of foreigners mastering the Russian language and getting acquainted with Russian culture. The material is the private correspondence of outstanding masters of the Russian word of the 20-21 centuries, the bearers of the Russian elite speech culture.

Keywords: epistolary text, private writing, Russian intelligentsia of the 20th-21st centuries, linguodidactics, Russian as a foreign language, methodological and didactic resource of epistolary text

Введение

Эпистолярные речевые произведения имеют многовековую историю появления и функционирования в социуме в качестве текстов особого типа. *Эпистолярные тексты* (далее – ЭТ), как аутентичные – в виде традиционной частной корреспонденции, принадлежащей разговорной сфере коммуникации, так и неаутентичные, освоенные другими стилями и экстраполированные в другие дискурсы, активно используются носителями национального языка для решения задач социального взаимодействия. Наиболее знаковой и сущностной разновидностью ЭТ являются *частные письма*. Изменившийся характер современной интеракции (перенесение значительной ее части в электронное пространство, расширение функционала за счет мультилингвальности, поликультурности, поликодowości) обусловил трансформацию эпистолярного жанра, но не прекращение его существования. Тексты в формате письма остаются востребованными и сегодня, что свидетельствует об их значимости для русской лингвокультуры.

«Классический» ЭТ имеет привязку к разговорной сфере. Ключевая интенция его автора определяется как желание вступить с адресатом в коммуникацию ради достижения каких-либо целей, часто – исключительно фатического свойства. Русский эпистолярный демонстрирует такие доминанты национальной коммуникации, как рефлексивность и неформальность диалога: «Общаться по-русски значит приблизительно “разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта”. При этом разговор, составляющий содержание общения, не обязательно должен быть “о главном” – речь может идти и о пустяках; так как главное в общении – именно поддержание контакта, ощущение общности» [Зализняк 2005: 280].

ЭТ обладают рядом жанрово-стилистических особенностей (включая факторы интерактивности диалогового взаимодействия, сосредоточенности на коммуникативном векторе «автор–адресат», наличие традиционной композиционно-структурной рамки и речевых эпистолярных клише, политематичности), свойствами мультифункциональности, полидискурсивности (способности реализовать потребности коммуникации в различных дискурсах), жесткой обусловленности внелингвистическими факторами, в том числе культурно-историческим контекстом, особой открытостью в выражении авторской позиции. В связи со сказанным ЭТ характеризуются специалистами как уникальные и в высшей степени ценные источники знаний о людях и эпохах.

Особую ценность представляют письма русской интеллигенции – «духовно-социальное явление» (Н. А. Бердяев) и исторический феномен одновременно. Переписка с разными адресатами видных деятелей культуры в области литературы, философии, науки, театрального и музыкального искусств, кино, живописи, деятельности представителей светской и церковной общественности, чье речевое поведение манифестирует принадлежность авторов к элитарному типу речевой культуры, определяется как

эталонное проявление творческой и гражданской позиции человека. Знакомство и изучение эпистолярных образцов этих видных личностей, каждого из которых можно назвать мастером слова, способствует решению задач личностного и профессионального роста, поиска ориентиров национального самоопределения, воспитывает любовь к родному языку и родной культуре, укрепляет в правильности национальных ценностных смыслов, составляющих основу русской ментальности на протяжении истории формирования национального самосознания.

ЭТ – не только аксиологически значимый историко-культурный феномен, в полной мере репрезентирующий специфику национальной ментальности и духовности, но и обладающий самостоятельной ценностью объект научного описания в современной гуманитаристике.

Так, ЭТ составляют уникальный эмпирический материал для осуществления современных лингвистических исследований, поскольку позволяют иллюстрировать и осмыслять ряд вопросов из области функциональной лексикологии, стилистики, грамматики, текстоведения, дискурсивной лингвистики, теории речевых жанров, теории речевой культуры, речевого этикета, коммуникативной лингвопрагматики, лингвоперсонологии [Седова 1985; Нижникова 1991; Белунова 2000; Ковалева 2001; Полякова 2001; Протопопова 2003; Кабанова 2004; Бусоргина 2006; Силаева 2006; Фесенко 2008 и др.]. Об основных направлениях и теоретических вопросах изучения эпистолярия в современной лингвистике см.: [Курьянович 2013].

Отметим также возможность использования ЭТ в качестве средства обучения и иллюстративного материала в дидактических целях. В образовательной практике ЭТ могут быть востребованы с целью, во-первых, обучения первичной и вторичной текстовой деятельности, продуцированию различных видов речевой активности (чтению, письму, слушанию, говорению), знакомства с ресурсами системы языка, его жанрово-стилевой системой, совершенствования орфографического и пунктуационного навыка, стилистического редактирования, понимания различий между устной и письменной речью, диалогом и монологом и пр.; во-вторых, воспитания языковой личности, формирования уважительного отношения к языку, знакомства с правилами речевого этикета и речевой культуры; наконец, развития коммуникативных способностей и творческих навыков обучающихся, общей эрудиции, креативного мышления, познавательной активности, самовыражения через слово (подробнее: [Курьянович 2013]).

Привлечение в качестве обучающего контента частной переписки деятелей русской культуры с разными адресатами позволяет решать круг обозначенных образовательных задач и добиваться сформированности широкого перечня предметных, метапредметных и личностных образовательных результатов, работая с высокохудожественным текстовым материалом. Речевую манеру авторов – представителей творческой интеллигенции, энциклопедически образованных, имеющих многогранные интересы, соблю-

дающих этические нормы коммуникации, демонстрирующих творческое отношение к языку и нестандартность мышления, – можно считать образцовой, манифестирующей чертой элитарной речевой культуры. Изучение текстов данных авторов актуально «как изучение определенного «консерванта» эпистолярной и высокой речевой культуры общения» [Белунова 2009: 8].

Перечисленные образовательные задачи могут быть экстраполированы в область практики обучения иностранным языкам.

Целью статьи является рассмотрение лингводидактического ресурса ЭТ, реализуемого на занятиях по русскому языку в иноязычной аудитории.

Изучение истории вопроса показало, что в последнее время внимание специалистов в области лингводидактики привлекают ЭТ разных типов. В большей степени в этом отношении изучены возможности деловой [Жданов, Жданова 2006; Лесневская 2016; Ли 2016; Железнякова, Бойчиук 2020 и др.], праздничной [Сухотерина, Евсеева, 2017; Мартыненко 2019 и др.], электронной [Голев 2015; Сологуб 2016; Мандрикова, Сологуб 2020 и др.] корреспонденции в силу ее широкой востребованности на практике носителями-иностранцами. Письма представителей русской творческой интеллигенции в качестве обучающего средства в лингводидактических целях рассматривались отдельными учеными [Ковалева 2020; Абиева 2021], однако проблема не нашла еще широкого и комплексного освещения в специальной литературе.

Методы и материал

Методологический аппарат исследования составляют общенаучные и специально-лингвистические методы и приемы анализа – *теоретические* (анализ научной и методической литературы по теме исследования, систематизация и классификация информации, обобщение существующего педагогического опыта по теме исследования) и *эмпирические* (текстовый, жанрово-стилистический, функционально-прагматический с элементами дискурсивного анализа, диагностические методы (наблюдение, интерпретация и описание результатов)).

В качестве *материала* используются ЭТ известных представителей русской культуры XX–XXI веков: М.В. Нестерова, Ф.И. Шаляпина, В.И. Вернадского, М.И. Цветаевой (первая треть XX века), Ю.М. Лотмана, Д.Д. Шостаковича (вторая треть XX века), В.П. Астафьева, Д.С. Лихачева (конец XX – начало XXI веков). Заявленные персоналии – масштабные публичные фигуры со сформированным мировоззрением, имеющие четкое представление о системе духовно-нравственных ценностей, чье речевое поведение манифестирует принадлежность к элитарному типу речевой культуры. Это значимые и знаковые для русской культуры личности, чья жизнь и творчество рассматриваются как камертон, определяющий судьбу конкретных людей, коллективов, социальных групп и в целом русского этноса. В свете сказанного привлечение ЭТ данных авторов к реализации задач иноязычного образования видится оправданным и актуальным.

Результаты

В современной предметной методике, в том числе лингводидактике, одним из основных является принцип *текстоцентризма* (подробнее: [Клобукова 2022]). Текст определяется в качестве единицы и средства обучения, а различные приемы, методики и методы работы с текстом – как способы обучения, характеризующиеся определенным образовательным ресурсом. Наиболее часто специалистами для работы привлекаются художественные тексты (например: [Дзюба, Ткаченко 2021]). Считаем, что *методико-дидактический ресурс ЭТ как текста обучающего (учебного) типа* сегодня в лингводидактических целях используется не в полную меру.

Раскроем суть ключевых для настоящего исследования методических дефиниций.

В перечне обучающих текстов можно выделить *дидактические* и *методические* тексты, что обусловлено наличием у текстов разной жанрово-стилевой ориентации *дидактического* и *методического ресурса*. Данные понятия связаны, с одной стороны, с определением текста одновременно как *средства* (инструментария, позволяющего освоить содержание обучения по предмету), так и *способа организации обучения* (форм технологизации в освоении содержания обучения). С другой стороны, – с дифференциацией текстовой деятельности на *первичную*, ориентированную на производство оригинальных авторских текстов, и *вторичную*, направленную на декодирование смысла и прочие виды работы с чужими текстами. Дидактический ресурс текста коррелирует с представлениями о тексте как средстве обучения и предполагает включенность обучающегося во вторичную текстовую деятельность. Методический ресурс связан с понятием текста как способа организации обучения и отражает особенности первичной текстовой деятельности языковой личности.

Основной функцией текстов, осмысляемых в качестве технологического педагогического инструментария, вне зависимости от реализуемых ими либо методических, либо дидактических свойств, является *обучающая функция*, т.е. способность выступать средством обучения предметным знаниям, адресатом которых являются обучающиеся разных категорий, имеющие определенные образовательные потребности. Дидактический ресурс обучающего текста способствует реализации им *иллюстративно-обучающей функции*, методический ресурс – *технологизирующе-обучающей*. Например, дидактическим ресурсом обладают тексты, используемые в качестве иллюстрирующей какое-либо орфографическое или пунктуационное правило базы. В своем большинстве такие тексты не создаются специально, а уже используются в готовом виде. Методическим ресурсом – аутентичные тексты, специально создаваемые в обучающих целях участниками образовательной коммуникации: как обучающими, так и обучающимися. Например, создание текста конкретного обучающего жанра (лекция, практикум, словарь и пр.) со стороны обучающих лиц, а также создание собственных текстов обучающимися служит наглядным

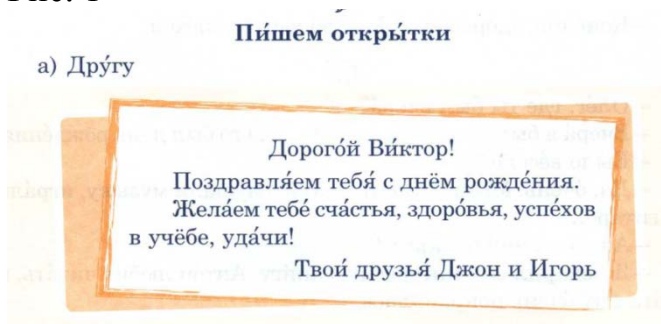
примером функционирования текстов с целью реализации ими методического ресурса.

В выделении и обосновании дидактических и методических свойств у текстов разных типов мы отталкиваемся от ключевых положений, существующих в современном текстоведении. В соответствии с последними, каждый текст обладает рядом системообразующих свойств: *информативностью* (содержанием знаний о мире, которые отражают авторское мировоззрение), *структурностью* (взаимосвязью элементов в рамках целого), *интегративностью* (ориентацией всех элементов текста на синтез содержательного плана с целями и мотивами автора), *регулятивностью* (управлением познавательной деятельностью читателя) [Сидоров 1987: 67].

В перечне обучающих текстов, обладающих дидактическим и методическим ресурсом, особое место занимают ЭТ. Применять ЭТ можно в разных аспектах: от анализа «чужого», авторского, частного письма до написания собственного, оригинального. Т.е. речь идет о включенности обучающегося-инофона посредством работы с ЭТ как в первичную, так и вторичную текстовую деятельность.

Как показал анализ учебно-методических комплексов по русскому языку как иностранному (далее – РКИ), случаев использования ЭТ в них представлено в недостаточной степени для формирования общего представления о методическом и дидактическом ресурсе текстов этого жанра, а также их использовании в лингводидактике с целью достижения эффективного образовательного результата. Эти случаи единичны. ЭТ привлекаются в первую очередь в качестве дидактического материала для отработки техники чтения и письма¹¹³ (Рис. 1) либо осмысленного чтения с последующими произвольными вопросами на определение понимания содержания прочитанного¹¹⁴ (Рис. 2) или уже сформулированными авторами учебника¹¹⁵ (Рис. 3):

Рис. 1

¹¹³ Караванова Н.Б. Матрешка: элементарный практический курс русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Курсы, 2015. 336 с.; С. 268.

¹¹⁴ Чернышов С.И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2009. 280 с.; С. 109.

¹¹⁵ Нахабина М.М., Антонова В.Е., Жабоклицкая И.И., Курлова И.В., Смирнова О.В., Толстых А.А. Русский сезон: учебник по русскому языку. Элементарный уровень. М.: Институт русского языка и культуры МГУ им. М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2015. 336 с.; С. 272.

Рис. 2

Задание 138

Письмо

Здравствуй, дорогая Хельга!
Как ты живёшь, какие новости в нашем тихом маленьком городе?

У меня всё хорошо. Только погода в этом прекрасном городе плохая: ветер и дождь, небо серое.

Я уже писал, что я был на интересной экологической конференции в Петербургском университете. В языковой школе тоже всё нормально. Я живу на Садовой улице, это в центре, и часто гуляю в небольшом парке. На прошлой неделе я был в Русском музее и в Мариинском театре. Ещё я почти каждый вечер работаю в Национальной библиотеке. Иногда мы ужинаем в ресторане: в мексиканском, в итальянском или в русском. Я был даже в ночном клубе.

Я много думаю о тебе и очень тебя люблю. Здесь хорошо, и я очень хочу видеть тебя в этом красивом и холодном городе.

Твой Свен

Рис. 3

№ 10

Прочитайте письмо, которое Акира написал бабушке.
а) Скажите, что умеет делать Джон?

Здравствуй, дорогая бабушка!

Сегодня суббота, мне не надо идти в университет, поэтому я могу написать тебе письмо, у меня есть время. Ты спрашиваешь, какая в России погода. Сейчас не очень холодно, +5 градусов. Не волнуйся, пожалуйста, у меня есть теплая куртка и шапка. Ещё ты спрашиваешь, что я делаю в свободное время в Москве. Я люблю гулять, встречаться с друзьями. Нам нравится вместе ходить в музеи, в театры, на концерты, в клубы. Я часто играю в футбол и совсем не играю в компьютерные игры!

Ты пишешь, что хочешь больше узнать о моём друге Джоне. Джон приехал из Англии, из Ливерпуля. У него есть сестра и брат. Джон – очень интересный человек. Ему только 18 лет, но он уже пишет музыку и стихи. Джон умеет играть на пианино, на гитаре и даже на саксофоне. Ещё он интересуется поэзией. Он начал писать стихи, когда ему было только 10 лет. Джон любит писать стихи о любви, о природе. А недавно он написал стихотворение о России:

Россия, я люблю тебя!
ведь ты великая страна!

А потом Джон написал музыку, и теперь мы часто все вместе поём эту песню!
Как твои дела? Как бабушка?

До свидания! Акира

- б) Как вы думаете, какие ещё вопросы бабушка задала Акире в письме?
в) Что вы узнали об Акире и Джоне из письма?

В качестве методического инструментария и средства реализации первичной устной или письменной текстовой деятельности обучающихся ЭТ также редко используются авторами учебных текстов. Приведем пример задания, суть которого состоит в создании оригинального письменного ЭТ¹¹⁶ (Рис. 4):

Рис. 4

- д) Напишите письмо. Где вы были в Москве, куда вы хотите пойти, что вы хотите посмотреть? Что вам нравится или не нравится в Москве и почему?

ЭТ, в свою очередь, могут служить дидактическим материалом, знакомство с которым будет служить пресуппозицией для создания оригинального устного текста не в эпистолярной форме¹¹⁷ (Рис. 5):

¹¹⁶ Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). Санкт-Петербург: Златоуст, 2010. 343 с.; С. 254.

¹¹⁷ Там же; С. 252.

Рис. 5

23 Прочитайте письма Джона и Марии. Как вы думаете, кто из них оптимист, а кто пессимист? Какое письмо вам нравится и почему?

а)

Привет, дорогая Марта!

Это моё первое письмо из Москвы.

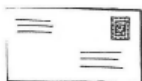
Я рад, что живу в Москве и учусь здесь в университете. Мне очень нравится русский язык, потому что это трудный, но очень красивый язык. Я уже немного понимаю, что говорят москвичи в метро, в магазине, на улице. Я уже немного знаю Москву. Я был на Арбате. А ещё я хочу поехать на экскурсию в Кремль.

Я живу в общежитии. Это очень хорошее общежитие, потому что недалеко находятся магазины, метро, рынок, почта. Моя комната небольшая, но очень удобная. Я рад, что у меня хороший сосед. Он тоже студент, он приехал из Китая. Мой сосед очень симпатичный человек. Его зовут Лю Янь. Мы друзья. Мы живём и учимся вместе. Он хорошо готовит. Ты знаешь, что я не люблю готовить, поэтому я обедаю в университете в столовой. Во-первых, это очень удобно и недорого. Во-вторых, мне очень нравятся русские блюда, особенно борщ и пельмени. А в воскресенье Лю Янь приготовил мясо по-китайски, и мы обедали вместе, а потом мы ходили в кино.

Марта, ты не знаешь, какая холодная погода в Москве! Но у меня есть тёплая одежда. Я купил шапку, шарф, перчатки и хочу купить куртку. Русские говорят, что «нет плохой погоды, а есть плохая одежда». Я тоже так думаю.

Марта! В декабре у нас каникулы. Но не жди меня дома, в Америке. Мои друзья из Петербурга пригласили меня в гости. Ты знаешь, что я давно хотел поехать туда и посмотреть площади, улицы, музеи Петербурга.

До свидания. Пиши! Я жду твои письма.

Твой Джон — из Москвы.

Закономерность организации эпистолярия на всех уровнях позволяет обучающимся осознать важность переписки между людьми как способа вербального общения. Письма как дидактический материал можно использовать при изучении отдельных тем на уроках русского языка.

К дидактическим свойствам ЭТ можно отнести следующие: *доступность* (текст должен быть понятен для воспринимающего сознания), *языковая репрезентативность* (насыщенность грамматическими и лексическими единицами, синтаксическими конструкциями, стилистическая безупречность), *познавательность* (ЭТ должен быть интересен обучающимся), *коммуникативная направленность*. В случае рассмотрения ЭТ представителей русской культурной элиты следует говорить также об *аксиологической значимости* данных текстов, позволяющих реализовать им не только обучающую, но и воспитательную функцию, и функцию личностного развития, способствовать формированию нравственно-этических качеств и ценностного фрагмента картины мира обучающегося с опорой на эталонный вариант. Перечисленные свойства способствуют появлению эмоционального отклика у обучающихся, вследствие чего становится возможным более эффективное достижение предметных и метапредметных образовательных результатов.

Анализируемые ЭТ, имеющие, как и в целом ЭТ любого автора, жесткую привязку к дискурсивным обстоятельствам, представляют значимую источниковую базу для расширения информационного тезауруса инофона в области русской истории и культуры.

Обучающиеся имеют возможность познакомиться с такими знаковыми представителями русской культуры, имеющими мировую известность, как, например, *М.В. Нестеров* (1862–1842) – художник, автор полотен на религиозную тематику («На Руси. Душа народа», «Думы», «Святая Русь» и пр.), *Ф.И. Шаляпин* (1873–1938) – оперный певец, исполнитель партий Бориса Годунова, Ивана Грозного, Мефистофеля, *В.И. Вернадский* (1863–1945) – ученый-естественник, основоположник учения о ноосфере, *М.И. Цветаева* (1892–1941) – тончайший лирик, чье творчество и сама жизнь является яркой и драматичной страницей русской поэзии и русской культуры, *Ю.М. Лотман* (1922–1993) – литературовед, искусствовед, основатель тартуско-московской структурно-семиотической школы гуманитарных исследований, *Д.Д. Шостакович* (1906–1975) – один из самых исполняемых в мире композиторов, в творчестве которого нашел свое истинное выражение суровый XX век, *В.П. Астафьев* (1924–2001) – прозаик и публицист, посвятивший свое творчество исследованию исторических корней становления «сибирского» характера, *Д.С. Лихачев* (1906–1999) – историк и теоретик искусства, знаток древнерусской литературы, ученый-подвижник, посвятивший жизнь исследованию феномена культуры, истоков национального культурного самосознания и самобытных форм его существования. Эпистолярный данных авторов опубликован и доступен широкому массовому читателю.

Проиллюстрируем сказанное примерами из обозначенного контента текстов, сопроводив отобранные нами в качестве дидактического материала фрагменты писем вариантами вопросов и заданий, направленных на развитие знаниевой базы обучающихся.

Пример 1. Познакомьтесь с фрагментами из двух писем Ф.И. Шаляпина: *«Моя милая, дорогая, любимая дочурка Аришка, – я получил твое письмо, которое меня, по обыкновению, страшно обрадовало. Ты не можешь себе представить, какое чувство удовольствия испытываю я, когда вижу, что моя маленькая Аришка уже может писать письма своему папе. Это удовольствие тем больше чувствую я, что мне пришлось довольно долго его дожидаться, а именно, целых семь лет. Ведь ты на восьмом году только стала уметь писать»*; *«Мой славный, любимый дружочек, Иринкин! Спасибо тебе за письмо. Всякий раз, когда я получаю от тебя записку, я разваливаюсь на кровати вверх ногами и читаю ее так, как будто бы кушаю вкусное мороженое в жаркий день... Я страшно рад, что вы чувствуете себя хорошо, – будьте осторожны с водой и сырыми фруктами, потому что в Италии есть большая холера. Поцелуй за меня маму, бабушку и всех родимых малышей, а также передай поклон всем. Я тебя целую бесконечное количество раз и люблю, люблю, люблю. Твой Папуля»*¹¹⁸.

¹¹⁸ Шаляпин Ф. И. Сборник материалов / ред.-сост. и автор коммент. Е.А. Грошева. Москва: Искусство, 1960. Т. 1. Литературное наследство. Письма. И. Шаляпина. Воспоминания об отце. 768 с.; С. 436; С. 439.

Вопросы и задания: Чем знаменит Ф.И. Шаляпин – автор данных текстов? Современником каких исторических событий в России он был? Кому адресовано письмо? Докажите выбор своего ответа. Назовите формы обращения к адресату? Прокомментируйте языковые особенности этих форм. Какую функцию выполняют обращения в ЭТ? Назовите языковые единицы, реализующие этикетную функцию.

Помимо знакомства с творчеством и биографией авторов, инофон приобщается к фактическому историческому материалу, которым изобилуют их письма, – именам других публичных людей и исторических деятелей, событиям истории, науки, культуры.

Пример 2. *«Личная моя судьба, моя природа. Обстоятельства жизни и проч. были иными, чем у других, иными, чем у Васнецова, Репина, Сурикова. Однако мы все были, с ног до головы, русскими, и это как-то и где-то сказывалось – у каждого, однако, по-своему, сообразно размерам дарования, темпераменту, этике и проч. и проч.»*¹¹⁹.

Вопросы и задания: Кто автор письма? В какое историческое время он жил и творил? Какие темы поднимал в своем творчестве? Назовите его наиболее известные работы. Найдите в тексте имена собственные. О ком идет речь? Каковы черты сходства и отличия между лицами, о которых идет речь в письме, и автором письма.

Поскольку жанровой чертой писем как типа текста является акцент на значимости коммуникативной роли «адресант–адресат», обращение к ЭТ в качестве дидактического материала позволяет отрабатывать представление о ситуации и сфере коммуникации, тексте как форме коммуникации, жанровой и стилевой принадлежности текста, речевом этикете.

Пример 3. Познакомьтесь с фрагментом письма В.И. Вернадского, адресованного жене Наталье: *«Так грустно быть долго без писем, мы так привыкли даже уже и при переездах быть близко связанными хотя бы письменным словом; совсем отвыкли от старых условий – даже наших отцов – когда на недели обычно при отъездах обрывалось слово. Я думаю, что наши дети увидят, а может быть и мы, возможность переговариваться и при отъездах на далекое расстояние»*¹²⁰.

Вопросы и задания: Докажите, что перед вами – текст. Какие свойства текста вы знаете? Каковы стилистическая и жанровая принадлежность данного текста? Какие отношения связывают коммуникантов? Можно ли частное письмо назвать способом общения на расстоянии? Когда вы в последний раз писали письмо? Что это была за ситуация (ваша цель, тематика письма, кто адресат)?

Пример 4. Прочитайте текст (фрагмент письма Ю.М. Лотмана другу – Борису Федоровичу Егорову): *«Дорогой Борфед! От души поздравляю*

¹¹⁹ Нестеров М. В. Из писем. Ленинград: Искусство, Ленинградское отделение, 1968. 452 с.; С. 271.

¹²⁰ Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1909–1940 / сост. Н. Ф. Филиппова, В. С. Чесноков; отв. ред. Б. В. Левшин; Архив РАН. Москва: Наука, 2007. 299 с.; С. 125.

Вас и ваших дам + баронета Cyrille с Новым 1978 (жутко подумать!) годом. Будьте все здоровы и благополучны. А если Новый год выдаст еще хотя бы по 1 килограмму счастья на человека, то мое задание на Вашу семью будет относительно выполнено»¹²¹.

Вопросы и задания: В числе разновидностей писем в зависимости от коммуникативной цели автора можно выделить информативные, оценочные, императивные и этикетно-фатические. Какой тип ЭТ представлен в данном случае? Что такое этикет? Что вы понимаете под фатической функцией текста? Расскажите о структуре речевого этикетного жанра «поздравление». Какие русские праздники вы можете назвать? Какие национальные праздники можно выделить в вашей родной культуре?

Письма, создаваемые представителями культуры, можно рассматривать как тексты, отличающиеся нормативно грамотным, стилистически разнообразным строем речи. В связи с этим их можно привлекать для отработки навыков письменной речи, отвечающей существующим требованиям.

Пример 5. Прочитайте фрагмент из письма В. И. Вернадского жене, Н. Е. Вернадской: *«Пока была погода благоприятная. С вчерашнего дня начались признаки ухудшения. Барометр здесь публике недоступен, где-то спрятан, но по изменению ветра, ряби и характеру волн уже со вчерашнего дня все знали, что может быть качка. Сильной качки еще нет, ждем ее ночью, пишу тебе вечером после обеда, но уже сейчас корабль, державшийся хорошо, начинает раскачиваться. С утра идем среди волнующейся ряби, среди всюду пробегающих барашков, и часа три тому назад появились плоские, но широкие волны. Корабль хороший и крепкий и быстро бежит вперед навстречу свинцовому, покрытому тучами небу»¹²².*

Вопросы и задания: Объясните расстановку знаков препинания в тексте. Какой тип речи представлен (повествование, рассуждение или описание)? Перечислите все имена прилагательные, сформулируйте лексическое значение трех из них (по вашему выбору), не используя словари. Укажите случаи использования автором однородных членов предложения. Какова функция однородных членов в предложении? В прямом или переносном значении в тексте фигурирует лексема «барашки»? Составьте структурную схему последнего предложения.

Пример 6. Познакомьтесь с отрывком из письма М. Нестерова старшей дочери, Ольге: *«Я много работаю... день жарко, и я сижу в комнате, зато вечера и серые дни пишу этюды без усталости. Хорошо здесь в горах. Далеко виден Эльбрус, к нему на много десятков верст тянется цепь гор; это целое море холмов, нагроможденных один на другой, и чем дальше, тем бледнее и бледнее становятся контуры их, покрытые лиловатой*

¹²¹ Лотман Ю. М. Письма: 1940–1993 / сост., подгот. текста, вступит. ст., коммент. Б.Ф. Егорова. Москва: Языки славянской культуры, 2006. 800 с.; С. 268.

¹²² Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1909–1940 / сост. Н. Ф. Филиппова, В. С. Чесноков; отв. ред. Б. В. Левшин; Архив РАН. Москва: Наука, 2007. 299 с.; С. 127.

дымкой, а иногда сокрытые быстро бегущими облаками. Тихо и мирно вдали от жилых мест, только слышно, как в траве стрекочет кузнечик, да где-то вдали над лесом вьется орел, жалобно или зловеще перекликаясь со своими орлятами. Так проходят часы, мимо проедет горец или наш казак, которого и не отличишь сразу от горца, тоже папаха и бурка, и лишь русые волосы выдают казака, а потом опять тишина, мир и покой, сколько передумаешь за эти часы, а больше всего о тебе»¹²³.

Вопросы и задания: Прочитайте в справочной литературе об Эльбрусе, горцах, казаках, папаче, бурке. Составьте собственный рассказ об Эльбрусе, состоящий из 5–8 предложений. Привлекая толковый словарь, определите лексические значения слова «контур», «лиловатый», «верста», «стрекотать», «зловеще». Приведите примеры использования слов в переносном значении, установите тип переноса.

Пример 7. Вспомните, что такое «троп». Какие виды тропов вы знаете? В текстах какого функционального стиля чаще всего встречаются тропы? Какова функция тропов? В одном из писем М.И. Цветаевой встречается троп, созданный на основе уникальной ассоциации: «... когда я сейчас ходила по пляжу, волна явно подлизывалась»¹²⁴.

Вопросы и задания: Определите вид тропа и способ его образования. Сравните актуальный смысл слова «подлизывалась» со значением, представленным в толковом словаре: «Подлизываться – угодливостью, лестью добиваться чьего-нибудь расположения»¹²⁵. Опишите, какой зрительный образ возникает? Какой троп – узуальный или индивидуально-авторский – присутствует в письме поэта?

Пример 8. Окказионализмы – лексические единицы, возникающие в идиолексиконе конкретного автора по узуальной модели. Попробуйте определить значение окказионализмов, функционирующих в письмах В.П. Астафьева, с опорой на существующие в современном русском языке модели. Какова роль подобных слов в тексте?

«У нас зафеврало, морозно и очень ветрено», «еще пара больных словонедержанием людей», «Пока так называемые писатели драли друг на дружке рубахи и доказывали, кто из них писателестее... эти художники своего времени на все способны», «Я же его пою под какую-то сборно-сборную мелодию», «за стены держась, ходит, но уже дает ценные указания, командирничать принимается», «сияет февральско-мартовское солнце», «Нельзя допускать, чтобы писатели такого уровня и высоты духовной голодовали и холодовали», «Один пинжак на троих – в нем и запинжачиваем»¹²⁶.

¹²³ Нестеров М. В. Из писем. Ленинград: Искусство, Ленинградское отделение, 1968. 452 с.; С. 123.

¹²⁴ Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / вступ. статья А. Саакянц. Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. Т. 6.: Письма. 800 с.; С. 255.

¹²⁵ Малый академический словарь (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957–1984. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 03.09.2022); Т. 3; С. 93.

¹²⁶ Астафьев В.П. *Нет мне ответа...*: эпистолярный дневник. Москва: Эксмо, 2012. 896 с.; С. 576; С. 580; С. 608; С. 639; С. 688; С. 728; С. 848.

Особо хочется отметить воспитательную роль ЭТ, принадлежащих перу представителей творческой интеллигенции. В своих письмах эти авторы размышляют о ценностях, имеющих общечеловеческое измерение, – этике, морали, высоких нравственных качествах. Проиллюстрируем сказанное.

Пример 9. Прочитайте высказывание Д. Шостаковича: *«Нельзя лишиться совести. Потерять совесть – все потерять... Добро, любовь, совесть – вот, что самое дорогое в человеке»*¹²⁷.

Вопросы и задания: Как вы понимаете смысл данного высказывания? Что вкладывает автор в понятие совести? Согласны ли вы с автором? Сформулируйте собственное понимание, что такое «совесть», «добро», «любовь». Подберите из сборника пословиц и поговорок русского языка выражения, раскрывающие содержание представлений об этих понятиях в русской культуре. Приведите примеры из своего родного языка. Сравните материал двух языков – русского и родного – с точки зрения его роли в формировании соответствующих фрагментов национальных картин мира. Составьте устное сообщение на тему: «Представления о добре в русской языковой картине мира». Используйте научные источники и материал, рекомендованные преподавателем.

Пример 10. Познакомьтесь с Письмом пятым «В чем смысл жизни» из книги Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном»: *«Можно по-разному определять цель своего существования, но цель должна быть – иначе будет не жизнь, а прозябание. Надо иметь и принципы в жизни. Хорошо их даже изложить в дневнике, но чтобы дневник был «настоящим», его никому нельзя показывать – писать для себя только. Одно правило в жизни должно быть у каждого человека, в его цели жизни, в его принципах жизни, в его поведении: надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспомнить. Достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим. Ради достоинства жизни надо уметь отказываться от мелких удовольствий и немалых тоже... Уметь извиняться, признавать перед другими ошибку – лучше, чем юлить и врать. Обманывая, человек прежде всего обманывает самого себя, ибо он думает, что успешно соврал, а люди поняли и из деликатности промолчали»*¹²⁸.

Вопросы и задания: Передайте своими словами, что вкладывает автор письма в понятие смысла жизни. Объясните суть названия данной книги. Можно ли эту книгу назвать циклом писем? Как можно охарактеризо-

¹²⁷ Письма Дмитрия Дмитриевича Шостаковича Борису Тищенко: с комментариями и воспоминаниями адресата. 2-ое изд. Санкт-Петербург: Композитор–Санкт-Петербург, 2008. 52 с.; С. 19.

¹²⁸ Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / сост., общ. ред. Г.А. Дубровской. Москва: Прогресс, 1992. 237 с.; С. 14.

вать адресата этих писем? Постарайтесь познакомиться со всеми письмами, входящими в эту книгу.

Безусловно, в ситуации привлечения ЭТ, в частности, авторами которых выступают представители русской творческой интеллигенции, необходимо учитывать уровень общей подготовленности аудитории, а также степень владения иностранцами русским языком и корректировать содержание заданий в соответствии с их образовательными возможностями и потребностями.

Использование ЭТ данных авторов в *методических* целях связано, в первую очередь, с включением обучающихся в первичную текстовую деятельность, результатом которой выступает создание собственных, оригинальных, речевых произведений в формате письма.

В числе возможных форм работы с ЭТ на занятиях по РКИ можно назвать следующие:

1) составление словаря, куда бы входили общеупотребляемые дефиниции тематической группы «Эпистолярный»: адресат, адресант, эпистолярное клише, P.S. (постскриптум (лат.), после написанного) Vale (будь здоров, прощай! (лат.)) и пр.;

2) написание творческих работ в формате письма на различные темы, например: «Письмо другу», «Письмо своему любимому литературному персонажу» и пр.;

3) разработку памяток, содержащих рекомендации по составлению писем различной жанрово-стилевой направленности;

4) составление вопросников, формирующих и совершенствующих навык редактирования и анализа как «чужих», так и «своих» писем. Перечень вопросов может включать, к примеру, следующие: Заинтересовало ли Вас данное письмо? Почему? Что можно сказать о его авторе? Придерживается ли он традиционной композиции? Какие темы, проблемы поднимаются в письме? Для кого они актуальны? Что вы можете сказать по поводу авторской стилистики? Используются ли какие-либо художественные приемы? Интересно было бы вам встретиться с автором письма? и пр.;

5) работу по карточкам-информаторам, содержащим задания как теоретической, так и практической направленности (например, нацеленных на отработку речевой модели писем, их композиционной структуры, соответствия жанровому канону и пр.);

6) оформление стенда «Традиции эпистолярного жанра», изготовление стилизованного почтового ящика, куда обучающиеся могли бы помещать написанные творческие работы;

7) проведение различных тематических игр и конкурсов: «Колесо истории» (об этапах развития эпистолярного жанра), «Конкурс эрудитов» (угадывание автора и адресата литературных писем), ассоциативный кроссворд «Я к Вам пишу...», блиц-турнир «Скажи!», экспресс-конференция и пр. [Курьянович 2013: 60–61].

Например, в качестве домашнего задания по курсу «Русский язык в современном поликультурном мире», преподаваемого иностранным слушателям магистратуры по профилю «Русский язык как иностранный» в Томском государственном педагогическом университете, нами предлагается следующее: написать текст в жанре «открытого письма», адресованного соотечественникам, в котором бы речь шла о значимости изучения русского языка. В качестве ориентира студентам предлагается познакомиться с одним из «открытых» писем писателя и публициста В. П. Астафьева, а также прочитать книгу Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном». Приведем один из таких оригинальных ЭТ, созданных китайским магистрантом.

«Уважаемые соотечественники, здравствуйте!

Обращается к вам студент из Китая Ван Синхуа. Я изучаю с удовольствием русский язык в университете, в далеком сибирском городе Томске. Я хочу поделиться с вами своими мыслями о роли русского языка в жизни современного китайца.

Наш век знаменуется значительными изменениями в жизни всего международного сообщества и России, в частности. Политические, экономические и культурные связи между странами и народами крепнут и расширяются. Во многом этому способствуют процессы глобализации, мощного развития научно-технического прогресса, вхождения и эффективного функционирования в сети Интернет. В связи с этим иностранный язык, выступающий способом социального и межличностного общения и самореализации каждого индивида, средством проникновения в иную лингвокультуру, становится реально востребованным, а обучение ему – всесторонне мотивированным.

Русский язык, который является государственным языком Российской Федерации, а также одним из официальных языков ООН, в КНР официально признан одним из языков национальных меньшинств Китая. Обучение русскому языку в Китае впервые началось в 1708 г. Это примерно на 150 лет раньше, чем обучение другим европейским языкам. С тех пор прошло уже более 300 лет, и сегодня именно русский язык в Китае является одним из наиболее значимых инструментов межнационального взаимодействия.

Русский язык сыграл важную роль в истории развития взаимоотношений между Китаем и Россией. В последнее десятилетие у нас во многих провинциях, городах и особенно в пограничных районах (Маньчжурии, Суйфэньхэ, Фуюань и др.) на первый план вышло обучение русскому языку как иностранному. В настоящее время русский язык преподаётся более чем в 100 вузах, общее количество студентов, изучающих русский язык, уже превышает 20 тыс. В развитии умения оптимального использования средств языка в устном и письменном общении заинтересованы лица, имеющие к этому устойчивый, профессионально обусловленный интерес:

переводчики, преподаватели, предприниматели, менеджеры, работающие в непосредственном контакте с русскоговорящими партнерами.

Изучение русского языка предполагает в первую очередь освоение нормативного аспекта речи, позволяющего осуществлять грамотную коммуникацию в любой сфере общения. На соблюдение речевых норм большое влияние оказывает «языковой вкус эпохи», мода на употребление тех или иных языковых единиц, существующие варианты речевого поведения, воспринимаемые говорящими как образец и т. п. В подобных условиях невладение по крайней мере необходимым словарным запасом может обернуться чередой коммуникативных неудач, привести к ситуации неприятия в коллективе, а от этого напрямую зависит успешность в профессиональной деятельности и частной жизни, формирование адекватной самооценки, востребованность в коллективе, умение работать в команде. По большому счету русский язык для любого рядового китайца сегодня во многом определяет степень эффективности самореализации, делает возможным достижение множества целей, способствует получению удовольствия от жизни, создает ощущение самодостаточности и восприятия себя как личности.

*Изучайте русский язык! Это язык великой нации и великой культуры!
До свидания. До скорой встречи на китайской земле.*

Ван С.

20 февраля 2020 г.».

Созданный магистрантом ЭТ соответствует жанровому канону: имеет рамочную композиционную структуру, состоящую из начального (обращение к адресату) и конечного (подпись, указание даты и места написания) элементов, в нем присутствуют эпистолярные речевые клише, реализуется принцип диалогической коммуникации. В тексте можно обозначить «магистральную» тематическую линию, а также выделить некоторые другие темы (возможных сбоев в общении, ситуации с изучением русского языка в современном Китае, характеристики мирового контекста для реализации межкультурной и полиязыковой интеракции), что позволяет говорить о соответствии жанровому принципу политематичности. Канон «открытого письма» также выдержан: адресата можно определить как массового, очевидна воздействующая коммуникативная установка адресанта, продемонстрирован отбор соответствующих цели взаимодействия способов выражения авторских мыслей (аргументация посредством констатации фактов, демонстрация веских оснований в пользу сказанного, продуманная структура высказывания) и языковых средств их репрезентации (риторические восклицания, ряды однородных членов предложения, характерные для письменной речи причастные обороты). В качестве устного комментария относительно полученного домашнего задания магистрант отметил, что оно оценивается им как интересное, «необычное», ему «понравилось сочинять письмо», «вышел как будто разговор со своими друзьями, оставшимися в Китае».

Заключение

Таким образом, рассмотрение ЭТ в целом и частной переписки представителей русской творческой интеллигенции XX–XXI веков свидетельствует о широком диапазоне привлечения данных текстов в практику обучения иностранным языкам, в первую очередь, – РКИ. Жанровые свойства текстов данного типа, а также содержательный ресурс в раскрытии разнообразных тем, включая аксиологически значимые, позволяет определять эпистолярный как ценный методический и дидактический материал в современном обучении языкам.

С самых общих позиций текст в перечне своих свойств актуализирует методические свойства, если реализует авторские коммуникативные установки методической направленности, например, способствует решению образовательных целей (обучения, развития, воспитания). В этом смысле текстовая деятельность автора понимается как *методический способ* реализации образовательных целей и задач. О методических свойствах текста можно говорить, когда автор предпочитает для реализации своих целей в качестве методического обеспечения процесса обучения тексты определенного типа. Чаще всего методические свойства реализуются в аутентичных (авторских) текстах.

Дидактический ресурс текстов актуализируется, когда возникает необходимость проиллюстрировать методические идеи и образовательные концепции текстовым материалом – ярким, отражающим во всей полноте суть этих идей и концепций. Как правило, дидактические свойства текстов связаны с их жанровыми, стилистическими, языковыми характеристиками либо с именем автора, условиями создания, содержательно-тематическим наполнением и пр.

Использование ЭТ в поликультурном образовательном процессе позволяет решать ряд задач обучающего, воспитательного характера, а также способствует личностному развитию студентов-иностранцев, формированию и совершенствованию у них широкого компетентного ряда: предметной (лингвистической и языковой), и метапредметных (лингвокультурологической, коммуникативной) компетенций. Знакомство с письмами выдающихся русских писателей, поэтов, ученых, представителей других творческих профессий, особенно в аспекте диахронии, определяет возможность изучения русского языка в контексте русской истории и культуры, что делает процесс обучения комплексным, наиболее эффективным.

Список источников

1. Абиева, Н. М. Чтение эпистолярия А. П. Чехова на практических занятиях по русскому языку как иностранному со студентами-медиками / Н. М. Абиева // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 4. – С. 71–74.
2. Белунова, Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем) / Н. И. Белунова. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. – 140 с.

3. Белунова, Н. И. Элитарная речевая культура и ее основные особенности (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в.): учебное пособие / Н. И. Белунова. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. – 104 с.
4. Бусоргина, Н. Ю. Эпистолярный текст как составляющая ритуального и этикетного дискурса (на материале английского языка): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Самара, 2006. – 20 с.
5. Голев, Н. Д. Электронная переписка как стратегия и тактика обучения иностранным языкам (лингводидактический проект) / Н. Д. Голев // Язык и культура. – 2015. – № 2. – С. 105–116.
6. Дзюба, Е. В. Художественный текст в учебнике РКИ: объект изучения или средство обучения? / Е. В. Дзюба, Ю. Г. Ткаченко // Филологический класс. – 2021. – Т. 26. – № 3. – С. 243–254.
7. Жданов, А. А. Деловые письма и контракты. На русском, английском и немецком языках / А. А. Жданов, И. Ф. Жданова. – Москва: Филоматис, 2006. – 288 с.
8. Железнякова, Е. А. Русское деловое электронное письмо: лингводидактический аспект / Е. А. Железнякова, Г. В. Бойчиук // Kant. – 2020. – № 1 (34). – С. 225–231.
9. Зализняк, А. А. Заметки о словах *общение, отношение, просьба, чувства, эмоции* / Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – С. 280–288.
10. Кабанова, Т. Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения: На материале рукописных и опубликованных текстов XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Челябинск, 2004. – 18 с.
11. Клобукова, Л. П. Текст, текстотека и гипертекст в учебниках и профессионально ориентированных учебных пособиях по РКИ / Л. П. Клобукова // Русский язык за рубежом. – 2022. – № 3 (292). – С. 95–98.
12. Ковалева, Н. А. Лингвокультурологический потенциал эпистолярного наследия русских классиков на занятиях русского языка как иностранного с китайскими магистрантами / Цивилизация знаний: российские реалии: сборник трудов XXI Международной научной конференции. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2020. – С. 333–336.
13. Ковалева, Н. А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура / Н. А. Ковалева. – Москва: СпортАкадемПресс, 2001. – 284 с.
14. Курьянович, А. В. О роли эпистолярных текстов в развитии коммуникативной компетентности школьников / А. В. Курьянович // Научно-педагогическое обозрение. – 2013. – № 2 (2). – С. 42–58.

15. Курьянович, А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике: монография / А. В. Курьянович. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2013. – 220 с.
16. Лесневская, Д. С. Прагмалингвистические особенности эпистолярного дискурса в обучении РКИ в болгарской аудитории / Д. С. Лесневская // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2016. – № 1. – С. 276–283.
17. Ли, Г. Обучение китайских студентов жанру русского делового письма на занятиях по русскому языку как иностранному (второй сертификационный уровень): диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 162 с.
18. Мандрикова, Г. М. Онлайн-переписка как обучающая практика / Г. М. Мандрикова, О. П. Сологуб // Русистика без границ. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 54–62.
19. Мартыненко, Ю. Б. Обучение китайских учащихся письму поздравительного характера (в контексте межкультурной парадигмы) / Ю. Б. Мартыненко // Наука и школа. – 2019. – № 2. – С. 118–124.
20. Нижникова, Л. В. Письмо как тип текста: автореферта диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Одесса, 1991. – 17 с.
21. Полякова, Е. В. Отрицательная оценка в русских письмах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саратов, 2001. – 19 с.
22. Протопопова, О. В. Эпистолярный жанр / О. В. Протопопова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва: Флинта [и др.], 2003. – С. 627–631.
23. Седова, О. Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка / О. Н. Седова // Филологические науки. – 1985. – № 6. – С. 57–62.
24. Сидоров, Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. – Москва: Наука, 1987. – 138 с.
25. Силаева, Н. В. Эпистолярные тексты в свете теории дискурса (на примере дружеской переписки 18–19 вв.) / Н. В. Силаева // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2006. – С. 98–104.
26. Сологуб, О. П. Онлайн-переписка как самообучение / О. П. Сологуб // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 180–186.
27. Сухотерина, Т. П. Тексты естественной письменной речи как средство обучения русскому языку как иностранному (на материале «новогодних писем») // Т. П. Сухотерина, К. Р. Евсеева / Педагогическое образование на Алтае. – 2017. – № 1. – С. 175–180.
28. Фесенко, О. П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс / О. П. Фесенко // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 23 (124). – С. 132–143.

РАЗДЕЛ 4. ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ТЕРМИНОСИСТЕМ

ПРОЕКТ РАЗРАБОТКИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ КОНСУБСТАНЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ ЛИНГВИСТИКИ

Тимофеева М. К.

Рассматривается проблема пересечения терминологий разных научных дисциплин, осложняющая взаимопонимание представителей этих дисциплин в рамках междисциплинарного сотрудничества. Обсуждается проект разработки словаря, предназначенного для поддержки такого рода коммуникации и отражающего результаты сопоставительного семантического анализа терминов, параллельно используемых в разных дисциплинах. Приведены примеры анализа конкретных пар терминов. Намечены перспективы исследования.

Ключевые слова: междисциплинарное взаимодействие, семный анализ, сопоставительный анализ, консубстанциональные термины, словарь терминов, дифференциальные семы

INTERDISCIPLINARY RESEARCH AS INTERCULTURAL COMMUNICATION: THE EXPERIENCE OF ELABORATING INTERDISCIPLINARY CONTRASTIVE-COMPARATIVE TERMINOLOGICAL DICTIONARY

Timofeeva M. K.

The paper considers the problem of overlapping of terminologies of different scientific disciplines. Such a situation sophisticates mutual understanding of the representatives of these disciplines within the framework of interdisciplinary research. The project of elaborating a dictionary for supporting this kind of communication is discussed. The dictionary presents the results of comparative semantic analysis of terms used in parallel in different disciplines. Examples of the analysis of several pairs of terms are given. Perspectives of the research are outlined.

Keywords: interdisciplinary cooperation, component analysis, contrastive-comparative analysis, consubstantial terms, terminological dictionary, differential meanings

Введение

В 1959 г. в газете «Комсомольская правда» вышли две публикации – писателя И. Г. Эренбурга и математика И. А. Полетаева, – положившие начало активной дискуссии между «физиками и лириками». Об этой дискуссии время от времени вспоминают до сих пор, несмотря на прошедшие десятилетия. Это свидетельствует о том, что действительно есть различия в мировоззрении, менталитете, когнитивных привычках представителей гу-

манитарной сферы, с одной стороны, точных и естественных наук, с другой стороны. Но наряду с этими различиями есть и растущая необходимость сотрудничества, появляется всё больше актуальных исследований, лежащих на стыке дисциплин. В подтверждение этого факта достаточно упомянуть такие направления как разработка систем разговорного искусственного интеллекта, а также широкого круга других задач, связанных с автоматической обработкой текстов естественного языка (NLP – natural language processing). При решении таких задач использование знаний и данных, полученных в лингвистике, часто затруднительно из-за сложностей взаимопонимания между лингвистами и математиками или программистами.

Важнейшим фактором, осложняющим такое взаимопонимание, являются языковые различия, в частности, – различия в понимании терминов. Это, в свою очередь, проистекает из многих других факторов: разных требований к точности и эксплицитности информации, разных критериев оценивания результатов исследований (экспериментальная проверяемость, логическая состоятельность, практическая применимость, согласованность с результатами других исследований и др.). Можно говорить даже о различиях в эстетических оценках: зачастую непросто объяснить представителю другой научной дисциплины, почему одно видится стоящим внимания, интересным, красивым, а другое – нет (ср. «красивая мелодия» и «красивое доказательство»). Всё это в комплексе значительно осложняет освоение языка другой, «чужой», научной дисциплины.

Немалые проблемы при освоении языка другой научной дисциплины создаёт пересечение терминологий. Актуальность сопоставления терминологических систем разных дисциплин отмечалась уже давно (см., например, [Хяутин 1972]), но сопоставительные терминологические словари до сих пор отсутствуют. Обсуждаемый далее тип словарей предназначен для заполнения этого пробела и содействия пониманию терминов другой дисциплины при междисциплинарном взаимодействии. Более глубокие, когнитивные, аспекты междисциплинарной коммуникации как варианта межкультурной коммуникации не рассматриваются, однако создаваемые словари могут дать материал для изучения таких аспектов.

Проект создания междисциплинарного сопоставительного словаря терминов инициирован на кафедре фундаментальной и прикладной лингвистики Новосибирского государственного университета. Ниже обсуждаются детали этого проекта и начальные результаты.

Понятие консубстанциональности

Существуют термины, используемые параллельно в разных дисциплинах, причём в каждой из этих дисциплин – в своём варианте значения. Такую функциональную разновидность полисемии можно рассматривать как консубстанциональность терминов. Первоначально в [Гринев 1993] консубстанциональными были названы термины, параллельно используемые в профессиональной области и в обыденной коммуникации. Впослед-

ствии данное понятие стали применять и по отношению к терминам, используемым параллельно в разных научных дисциплинах [Рычкова 2012]. Консубстанциональные термины имеют как бы два «лица», повернутые к разным реальностям.

Далее будет рассматриваться только один вариант консубстанциональности, а именно, термины, параллельно используемые в разных дисциплинах.

Причины появления таких терминов, многообразны: исторические связи между соответствующими областями познания, предметные связи между ними, заимствование терминов из одного и того же источника, общность этимологии. Например, многие из этих факторов объясняют наличие значительного количества терминов, параллельно используемых в лингвистике и логике. Данные две дисциплины тесно связаны со времён античности, общим объектом интересов для них является язык, многие термины происходят из одного источника, имеют общую этимологию. Таковы, в частности, термины *предикат*, *пропозиция*, *суждение*, *высказывание*, *тавтология*, *модальность*. Конечно, большинство лингвистов и логиков согласятся с тем, что понимание каждого из этих терминов в одной из данных двух дисциплин, хотя и похоже на его понимание в другой дисциплине, вместе с тем, отличается от него по существенным признакам, так как значения консубстанциональных терминов лингвистики и математики развивались в рамках данных двух областей знания в значительной степени автономно. Однако мало кто сможет чётко сформулировать, в чём именно состоит сходство, а в чём – смысловые различия в каждой паре таких терминов.

В «монодисциплинарном» исследовании существование подобных терминов не создаёт проблем. Однако при междисциплинарном сотрудничестве такие термины, подобно «ложным друзьям переводчика», могут обуславливать непонимание, неправильное понимание, некорректное употребление слов, неточный или ошибочный межъязыковой перевод. В связи с этим возникает необходимость разработки нового типа словарей – междисциплинарных сопоставительных словарей терминов (МССТ), в которых проводится семантический анализ расхождений в понимании консубстанциональных терминов в рамках разных научных дисциплин. Ранее попыток создания таких словарей не было.

Характеристика исследовательской ситуации

Поиск терминологических источников для поддержки междисциплинарной коммуникации дал следующие результаты. Имеется незначительное число цитатных терминологических словарей русского языка, то есть изданий, сводящих воедино толкования из специализированных словарей, составленных для дисциплин, вовлечённых в междисциплинарное сотрудничество. В качестве примеров можно привести один словарь терминов лингвистики и близких к ней дисциплин [Цейтлин и др. 2006], словари по нелингвистическим дисциплинам [Ширшов и др. 2020], в том числе онлайн-

новые (например, словарь «Минимакс-94», <https://mm94.ru/slovar/>), словари для поддержки межъязыкового перевода (например, словарь «ложных друзей переводчика» в научной лексике [Борисова, 2005]). Есть также единые терминологические базы для разных языков, например: открытая многоязычная база терминов, используемых в документах Европейского союза IATE (Inter-Active Terminology for Europe: <https://iate.europa.eu/home>); открытая терминологическая база ТЕРА Term Bank (<https://termipankki.fi/tepa/en/>), содержащая коллекцию словарей Финского терминологического центра; терминологическая база Т-Сервис (компании Trados) для русского языка, ориентированная на межъязыковой перевод (<https://www.tra-service.ru/tb>), данная база содержит термины и правила их употребления для нескольких языков, открытая версия у неё отсутствует; терминологическая база знаний «Научная терминология» (ТБЗ НТ) Терминологического центра при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, составленная на основе имеющихся специализированных источников, открытая версия данной базы также не обнаружена. Ни в одном из названных выше источников терминологической информации не проводится семантический сопоставительный анализ слов, входящих в терминосистемы двух или более научных дисциплин. В обзорной публикации [Лесников 2011] также нет сведений о подобных словарях, из числа междисциплинарных словарей указан только уже названный выше словарь [Цейтлин и др. 2006].

В диссертационном исследовании И. Ю. Бережанской «Консубстанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков (сравнительный анализ)» [Бережанская 2005] автор, анализируя консубстанциональные термины русского и английского языков (73 русских слова и 89 английских слов), сравнивает диахронические аспекты их образования, грамматическую структуру, участие в семантических процессах. Консубстанциональность здесь понимается в первоначальном, более узком, варианте: как параллельное использование слова в профессиональной сфере и в обыденной коммуникации. Сопоставительный семантический анализ различий в понимании такого слова в данных двух сферах его использования не проводится.

Подытоживая состояние дел в терминологическом обеспечении междисциплинарных исследований, можно заключить, что в настоящее время отсутствуют сопоставительные словари, в которых проводится компонентный анализ значений консубстанциональных терминов, параллельно используемых в разных научных дисциплинах.

Проект создания междисциплинарных сопоставительных словарей терминов

Идея проекта междисциплинарного сопоставительного словаря терминов зародилась довольно давно, когда некоторые из терминов математики и лингвистики были рассмотрены в первом издании учебного пособия

[Тимофеева 2019], опубликованного в Новосибирском государственном университете в 2007 г. Фактическая реализация проекта началась в 2021 г.

Предназначенность МССТ для поддержки междисциплинарной коммуникации предъявляет определённые требования к метаязыку, содержанию, структуре словаря. Важно, чтобы он был доступен для восприятия представителем другой научной специальности, а это, в свою очередь, означает, что следует свести к минимуму узкоспециальную терминологию и пояснять её в случае необходимости использования.

В пределах одной дисциплины термин может иметь варианты понимания в составе разных теорий и идиолектные аспекты понимания. Отражение всех подобных вариаций в МССТ осложнило бы восприятие словарной статьи и могло бы существенно увеличить её размер. Поэтому в МССТ отражаются прежде всего современные наиболее устоявшиеся базовые трактовки термина. Сведения об истории, этимологии термина, его идиолектных трактовках факультативны, но могут использоваться в случае их значимости. Сведения о межъязыковых различиях в трактовке терминов на данном этапе также факультативны, но в будущем планируется введение такой информации в словарь.

Структура и состав словаря определены его нацеленностью на междисциплинарное сотрудничество между представителями конкретных пар научных дисциплин. Словарь МССТ делится на части, в каждой из которых сопоставляются две дисциплины и анализируются термины, параллельно используемые в этих дисциплинах. Иначе говоря, в каждой статье словаря фактически рассматриваются два внешне совпадающих термина, один из них используется в первой дисциплине, другой – во второй. Структура такой словарной статьи включает: 1) термин; 2) его толкования из базовых источников (цитатная информация с комментариями); 3) семный анализ толкований, включая экспертный анализ, уточнения, пояснения; 4) иллюстративный материал (примеры употребления, как правильные так и неправильные); 5) обобщение в виде таблицы дифференциальных и интегральных признаков.

Для реализации проекта МССТ планируются следующие этапы работы: 1) составление списка терминов; 2) поиск толкований этих терминов в специализированных терминологических словарях, энциклопедиях, учебниках; 3) проведение дефиниционного анализа, выявление интегральных и дифференциальных сем; 4) уточнение состава сем на основе экспертного анализа; 5) подбор примеров для иллюстрирования семантических различий; 6) обобщение всех этапов сопоставительного анализа рассматриваемой пары научных дисциплин и формирование единого метаязыка описания; 7) реализация словаря в цифровой среде. В настоящее время завершена первичная выборка терминов, подлежащих анализу (список является открытым и может дополняться), разработаны принципы семного анализа, сделан пробный анализ. Продолжается работа над выполнением этапов 3–5.

В качестве первых двух пар дисциплин выбраны лингвистика и логика, лингвистика и информатика. Первая пара дисциплин представляет особый интерес из-за тесной переплетённости их истории и интересов. Вторая пара дисциплин родственна первой и, кроме того, особенно актуальна в силу развития современной компьютерной лингвистики; роста количества и разнообразия цифровых ресурсов, предназначенных для работы лингвистов; связанной с этим необходимостью формулировки лингвистами технических заданий для программистов.

В рамках проводимого сопоставительного анализа терминов рассматривается только математическая логика, так как именно этот раздел современной математики наиболее тесно связан с современной лингвистикой, прежде всего в прикладных междисциплинарных областях, нацеленных на разработки в сфере развития систем искусственного интеллекта. Соответственно другие направления логики, в частности, представленные в области философии, не учитываются.

Теоретической базой для работы по составлению МССТ послужили работы в области терминоведения [Герд 2005; Герд 2011; Гринев 1993; Гринев-Гриневиц 2021; Лейчик 2009]. При разработке процедуры семного анализа учтены общие принципы, обсуждаемые в работах Московской семантической школы, в частности, реализованные в [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2004], а также порядок проведения дефиниционного и семного анализа, использованный при создании электронного тезауруса RussNet [Материалы к компьютерному тезаурусу лексики русского языка 2002].

Далее приведено несколько примеров анализа терминов. Словарные определения в них приводятся с небольшими сокращениями в иллюстративной части, то есть воспроизводятся не все примеры. Не приводятся также авторские концепции и концепции, относящиеся к другим наукам, например, к философии. Для облегчения восприятия принятые в словарных толкованиях сокращения заменяются на полные написания слов. Например, в словарном толковании слова *алфавит* для обозначения этого слова используется аббревиатура «А.», в приводимом ниже цитатном воспроизведении данного толкования она заменена на полное написание слова *алфавит*; сокращённые записи слов также развёрнуты, например, сокращение «наз.» заменено на подходящую по контексту форму глагола *называть*, «аксиоматич.» – на подходящую по контексту форму прилагательного *аксиоматический* и т. д.

Примеры результатов сопоставительного анализа терминов

Рассмотрим для иллюстрации текущие результаты анализа нескольких терминов. Каждый из приводимых ниже проектов словарных статей содержит следующие части: заголовок (анализируемый термин); словарные толкования в лингвистике и математике (цитатная информация); семный и экспертный анализ; сводная таблица дифференциальных и интегральных признаков.

Термин *алфавит*

I. Словарные толкования

Алфавит: «Совокупность расположенных в определенном порядке графических знаков, сложившаяся в определенный исторический период и используемая для фиксации и передачи на письме данного языка или языков» [Ахманова 1966: 41].

Алфавит: «список (конечное множество) символов, называемых буквами. Обычно в алфавит объединяются буквы, необходимые для развития той или иной символики (или, как иногда говорят, языка). ... В целях удобства иногда допускают к рассмотрению и пустой алфавит, то есть алфавит, не содержащий ни одной буквы» [МЭС 1988: 67]. В общем случае алфавит формального языка определяется как бесконечное множество a_1, a_2, a_3, \dots (см., например, [Символическая логика 2005: 12]).

Алфавит: «совокупность простейших исходных символов, из которых строятся выражения языка» [Бочаров, Маркин 2001: 32].

II. Семный и экспертный анализ

Общая интегральная сема: множество элементарных (простейших) символов языка.

В лингвистике алфавит – множество, являющееся фиксированным и общим для всех носителей рассматриваемого языка. Так, все люди, говорящие на русском языке, пользуются одним и тем же алфавитом из 33 букв. Этот набор букв неизменен (при рассмотрении его в плане синхронии). В процессе исторического развития языка алфавит может меняться, но это не обязательно означает, что изменился язык. Например, до 1942 г. в алфавите русского языка было 32 буквы, а затем, после добавления буквы «ё», – 33 буквы. Однако русский язык считается таковым и до и после 1942 г. Надо заметить, что изменение алфавита естественного языка, даже совсем небольшое, «точечное», должно обсуждаться и обосновываться прежде всего лингвистами, а возможно и всем сообществом носителей этого языка.

В любом математическом языке алфавит также должен быть фиксирован для данного языка, но каждый исследователь свободен в конструировании своего собственного, подходящего для решаемых задач, формального языка, в частности, – в определении алфавита этого языка. Он не должен обосновывать выбор внешней формы знаков алфавита, не должен выбирать символы какого-либо уже известного алфавита, может смешивать символы разных известных алфавитов, может включить в алфавит изображения, отличающиеся от букв известных алфавитов. Обосновывать ему надо будет только роль и правила использования знаков алфавита в языке. Однако алфавит математического языка должен быть неизменен на всём протяжении использования этого языка, любое изменение алфавита означает переход к другому языку.

Ещё одно различие состоит в том, что в лингвистике буквы алфавита равнозначны по своим функциям, хотя и могут характеризоваться разной частотностью употребления в речи. Использование букв алфавита (в линг-

вистическом понимании термина) не регламентировано какими-либо жёсткими правилами, есть лишь некоторые стихийно сформировавшиеся и не формулируемые в виде правил закономерности употребления. Например, в русском языке почти нет слов, начинающихся с буквы «ы», нет слов, начинающихся с мягкого или твёрдого знаков. В логическом языке символы алфавита различаются по своим функциям, по роли в языке. Так, в алфавит языка предикатов первого порядка входят нелогические символы: индивидные переменные, индивидные константы, предикатные константы, функциональные константы. Кроме них в алфавит такого языка входят логические символы (пропозициональные связки, кванторы) и технические символы (скобки, запятая). Каждый из этих типов символов алфавита характеризуется своими правилами использования (то есть синтаксисом языка), нарушение которых недопустимо. Символы алфавита формального языка не имеют какого-либо собственного значения, как принято говорить, они используются *автонимно*, то есть символ алфавита обозначает только сам себя. В конкретном логическом языке некоторые из указанных типов символов могут отсутствовать. Например, возможен логический язык без функциональных символов или без индивидных константных символов. «Число предметных констант, функциональных и предикатных символов может быть как конечным, так и бесконечным» [МЭС 1988: 609]. Вместе с тем, существуют типы формальных языков, алфавит которых должен быть (согласно определению) непустым и конечным, таков, например, алфавит формальных грамматик [Гладкий 1973: 19, 27].

В лингвистическом понимании алфавит – упорядоченное множество с конечным числом элементов (букв). Какого-либо смыслового различия, зависящего от позиции буквы в алфавите, нет, однако состав алфавита принято описывать, перечисляя буквы в фиксированном порядке. Это лишь устойчивая традиция, обусловленная удобством такого представления алфавита. Теоретически можно задать алфавит русского языка, перечислив буквы в другом порядке, русский язык не перестанет от этого быть тем же самым русским языком. Однако реально вряд ли можно встретить такое переупорядочивание в каких-либо учебных или научных изданиях. Для логического понятия *алфавит* порядок перечисления элементов алфавита незначим и устойчивых традиций установления порядка здесь нет.

В лингвистике *алфавит* – это множество букв, буквы в общем случае не имеют собственной семантики в рассматриваемом языке и не приобретают собственного значения, будучи использованы в речи в составе более сложных единиц языка. Редкие случаи совпадения буквы и значимой части слова или даже полного слова (например, в русском языке буква «в» может совпадать с приставкой или предлогом) – исключение из общего правила.

В интерпретируемом математическом языке, например, в языке предикатной логики, символы алфавита приобретают собственную семантику, задаваемую интерпретацией. Например, если некоторый символ определён в синтаксисе логического языка как одноместная предикатная константа, то

при интерпретации данного языка этот символ сможет обозначать только определённое свойство, возможно, наличествующее у элементов множества, на котором интерпретирован логический язык. Этот символ не сможет быть интерпретирован как-либо иначе, например, как отношение между такими элементами. Поэтому можно сказать, что, несмотря на автономность синтаксического определения символов алфавита в логическом языке, эти символы обладают своей собственной «протосемантикой».

III. Сводная таблица дифференциальных и интегральных признаков
 В Таблице 1 приведены результаты сопоставительного семного анализа трактовок термина *алфавит* в лингвистике и математической логике

Таблица 1

Итог сравнительного анализа значений термина *алфавит*

Наименование признака	Лингвистика	Логика
Дифференциальные признаки		
Недопустимость изменения алфавита в процессе использования языка	–	+
Предназначенность алфавита для всего социокультурного сообщества пользователей рассматриваемого языка	+	–
Свобода выбора внешней формы знаков при составлении алфавита языка	–	+
Возможность использования пустого алфавита	–	+
Допустимость бесконечного алфавита	–	+
Единообразная упорядоченность алфавита как традиция	+	–
Подразделение алфавита на подмножества элементов, различающихся по своим семантическим функциям в языке	–	+
Приобретение символами алфавита значения при интерпретации рассматриваемого языка (наличие у символов «протосемантики»)	–	+
Наличие жёстких правил использования символов алфавита	–	+
Интегральный признак		
Множество элементарных (простейших) символов языка	+	+

Термин *отрицание*

I. Словарные толкования

В лингвистике *отрицание*: «Выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и др. средств языка того, что связь, установленная между элементами высказывания, реально не существует (мыслится в речи как реально не существующая)» [Ахманова 1966: 302]. *Отрицание*: «элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует (А. М. Пешковский) или что соответствующее утвердительное предложение, отвергается говорящим как ложное (Ш. Балли). ... Отрицание может ... быть компонентом значения слова (например, *отказаться* = *не согласиться*) или целого предложения (например, *Много ты понимаешь*)» [ЛЭС 1990: 354]. Из этого следует, что наличие отрицания не обязательно свидетельствует о большей сложности языкового выражения, например, слово *отказаться* не сложнее слова *согласиться*.

В математике *отрицание* – «логическая операция, в результате которой из данного высказывания А получается новое высказывание "не А". В формализованных языках высказывание, получающееся в результате отрицания высказывания А, обозначается $\neg A$, $\sim A$, \bar{A} , $- A$, A' (читается "не А", "неверно, что А", "А не имеет места")» [МЭС 1988: 445].

«*Отрицание* (будем использовать для него символ " \neg ") является *унарной* связкой, то есть из одной формулы образует другую, более сложную формулу: из произвольной формулы А формулу $\neg A$. Логическое содержание высказывания, имеющего форму $\neg A$, таково: в нём утверждается *отсутствие* положения дел, описываемого в А» [Бочаров, Маркин 2001: 35].

II. Семный и экспертный анализ

Самое очевидное различие – привязка логического значения термина *отрицание* к истинностному значению, точнее – к определённом регулярному изменению этого значения при добавлении к языковому выражению отрицания. В лингвистике взаимосвязь отрицания и оценки истинности не актуальна и даже не всегда естественным образом устанавливается, например, неясно, как приписать значение истинности вопросу, приказу, восклицанию.

В лингвистике выделяются разные типы отрицания в зависимости от нескольких параметров: от сферы действия отрицания (всё предложение или определённая его часть), формы выражения отрицания (частица «не», отрицательная форма глагола и т. д.). Для обозначения типов отрицания используются специальные термины, например, фразовое, присловное, смещённое, множественное [ЛЭС 1990: 354]. В логическом языке типология используемых в нём отрицаний не строится.

Определения А. М. Пешковского и Ш. Балли приписывают отрицанию аспект субъективности: нечто отрицается «по мнению говорящего».

Как считает Е. В. Падучева, основу этого утверждения составляет видение отрицания как речевого акта; однако отрицание не всегда можно трактовать таким образом, например, отрицание в составе презумпции (пресуппозиции) не является самостоятельным речевым актом [Падучева 2013: 16]. В логическом определении отрицания компонент субъективности отсутствует.

В каждом логическом языке использование отрицания регулируется жёсткими правилами, нарушать которые нельзя; при этом в разных типах логик могут действовать разные правила. В частности, в логическом языке сфера действия отрицания однозначно определена синтаксисом языкового высказывания и не может обуславливать неоднозначность этого высказывания, в отличие от одноимённого лингвистического явления. Например, предложение *Мы не ездили в музей* неоднозначно именно из-за неясности сферы действия отрицания: отрицается ли поездка в целом (*никуда не ездили*), или только конечный пункт поездки, обозначенный дополнением глагола (*ездили, но не в музей*).

III. Сводная таблица дифференциальных и интегральных признаков

В Таблице 2 приведены результаты сопоставительного семного анализа трактовки термина *отрицание* в лингвистике и математической логике

Таблица 2

Итог сравнительного анализа значений термина *отрицание*

Наименование признака	Лингвистика	Логика
Дифференциальные признаки		
Отрицание тесно связано с оценкой истинности	–	+
Правила использования отрицания, в частности задание сферы действия отрицания, однозначно определены и синтаксисом	–	+
Многообразие языковых форм выражения отрицания	+	–
Типология видов отрицания, используемых в рассматриваемом языке	+	–
Выражение с отрицанием синтаксически сложнее, чем то же выражение без отрицания	–	+
Отрицание может обладать аспектом субъективности	+	–
Интегральный признак		
Представление определённого положения дел как не соответствующего реальности	+	+

Термин *семантика*

I. Словарные толкования

В Словаре О. С. Ахмановой выделены три значения термина *семантика* в лингвистике: «1. Значение слова, оборота речи или грамматической формы. ...2. То же, что семасиология. 3. Один из планов, или аспектов, исследования языка, выделяющий отношение языковых единиц к обозначаемым ими предметам, процессам и т. п.» [Ахманова 1966: 400]. «*Семасиология* (семантика, сематология, сигнифика, учение о значении)... 1. Раздел языкознания, изучающий значение (содержание, внутреннюю сторону) языковых единиц. 2. Раздел языкознания, изучающий лексические значения слов и выражений и изменения их значений.» [Ахманова 1966: 401]

В ЛЭС также отражена вариативность трактовки термина *семантика* в лингвистике: «1) всё содержание, информация, передаваемая языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением); 2) раздел языкознания, изучающий это содержание, информацию; 3) один из основных разделов *семиотики*.» [ЛЭС 1990: 438]

Лингвистическая семантика фокусируется на языках описания смысла (метаязыках). В традиционной лингвистике значение понимается «прежде всего как понятие, а это означает, что основной становится задача представления этого понятия, или, иначе говоря, его записи. Таким образом, перед лингвистом, занимающимся семантикой, стоит в первую очередь не вопрос, что такое значение, а вопрос, как представить значение, как его записать. Именно поэтому одной из основных проблем в лингвистической семантике считается проблема метаязыка» [Кронгауз 2001: 77–78]. Смысл «не доступен лингвисту в прямом наблюдении ... в рамках научного исследования, мы, естественно, должны уметь описывать его на некотором (в достаточной степени формальном) языке» [Мельчук 1974: 10].

В математической логике *семантика* языка – «это общая теория значения его выражений» [Символическая логика 2005: 132]. Раздел логики, посвящённый изучению таких теорий, называют *семантикой*, что соответствует одному из указанных выше вариантов понимания термина *семантика* в лингвистике.

Для логической семантики важно понятие истинности. «В логике термин "истина" играет роль, подобную той, какую в этике играет термин "благо", а в эстетике – "прекрасное"» [Фреге 2000: 307]. Понятие истинности «является основным понятием логической семантики. Разные понятия истинности детерминируют различные способы рассуждения. В зависимости от того, каким условиям отвечает принимаемое в семантике понятие истинности, находят своё оправдание и обоснование те или иные правила логики» [Смирнова 2021: 13]. Истинность или ложность единиц логического языка устанавливается в результате их интерпретации, также осуществляемой по строго определённым правилам.

Логический термин *семантика* тесно связан по значению с терминами *интерпретация*, *модель*, *истинность*, *ложность*, которым в МССТ должны соответствовать отдельные согласованные друг с другом словарные статьи. Все эти термины необходимо рассматривать в комплексе. Кроме того, термин *семантика*, являясь важнейшим как для логики, так и для лингвистики, используется в разных теориях, сосуществующих в рамках этих дисциплин, что также должно быть ясным образом отражено и проиллюстрировано в словарной статье. Решение данных задач в полном объёме пока не завершено. Поэтому представленный далее семный анализ термина *семантика* рассматривается как предварительный.

II. Семный и экспертный анализ

Общая интегральная сема: *семантика* – это представление смысла знака некоторого языка (искусственного или естественного) на определённом метаязыке, предназначенном для описания значений единиц рассматриваемого языка или процедуры установления таких значений.

Прежде всего обратим внимание на то, что лингвистическая семантика определяется как присущая единицам языка, а не речи («всё содержание, информация, передаваемая языком или какой-либо его единицей»). Для логики разграничение языка и речи нерелевантно.

В логике семантика – это метаязык, на котором определяется процедура сопоставления каждому выражению логического языка его значения, такая процедура называется интерпретацией рассматриваемого языка. В разных семантических теориях логики эта процедура конкретизируется по-своему, например, существуют теоретико-модельная семантика, семантика возможных миров, теоретико-игровая семантика, ситуационная семантика и др. Общим является то, что в логической семантике порядок приписывания смысла выражениям логического языка регламентирован явно сформулированными правилами. При этом одно и то же правильное выражение логического языка может приобретать разный смысл при разных интерпретациях этого языка, количество таких интерпретаций потенциально не ограничено.

В лингвистике значение языковой единицы также зависит от контекста употребления этой единицы в речи, однако при построении семантики обычно стремятся, по мере возможности, выявить определённый инвариант контекстных значений, а зависящие от контекста аспекты – отнести к сфере прагматики. Здесь уместно вспомнить о трактовке смысла текста как инварианта всех синонимических преобразований данного текста (предполагается, что равнозначность – интуитивно очевидное отношение между текстами, относимое к числу неопределяемых понятий) [Мельчук 1974: 10]. Данная трактовка показывает границы лингвистического подхода к пониманию семантики.

В лингвистике разграничиваются семантика и прагматика. В область семантики включаются те аспекты смысла языковой единицы, которые минимально зависят от конкретной ситуации использования данной единицы

в речи, в идеале, это инвариант реальных случаев её осмысления в речи. В логических языках семантика и прагматика не разграничиваются. Прагматика фактически включена в семантику. То, что можно было бы поставить в соответствие лингвистической прагматике, в логике представлено, например, в понятии модели, на которой интерпретируется логический язык, или в понятии возможного мира. Примечательно, что теория Р. Монтегю, составляющая основу современной формальной (логической) семантики и используемая для представления семантики естественных языков, в разных публикациях называется как «прагматикой» [Монтегю 1981], так и «семантикой» или «грамматикой» ([Андреев 2014: 5], что подтверждает необходимость сравнительного анализа лингвистической и логической трактовок не только термина *семантика*, но и терминов *прагматика* и *грамматика*.

Под логической семантикой подразумевается семантика логического языка в целом. В лингвистике же объектом изучения часто является семантика единиц какого-то определённого класса, например, существуют специальные разделы лингвистики, объектом изучения в которых является лексическая семантика или семантика синтаксиса. Можно изучать отдельно семантику разных классов языковых единиц, например, семантика глаголов движения, семантика ментальных предикатов, семантика предлогов, семантика предложения, семантика текста. Становление семантики как раздела лингвистики началось в XIX в. с образования лексической семантика. В логике семантика тех или иных типов единиц логического языка обсуждается только в составе семантики языка в целом.

Логическая семантика характеризуется свойством композициональности, это означает, что смысл сложного логического выражения вычисляется на основе знания смыслов более простых языковых единиц, входящих в его состав. В лингвистике свойство композициональности не используется, так как для естественных языков часты его нарушения, в частности, смысл предложения определяется не только смыслами использованных в нём слов, но и синтаксической структурой, порядком расположения слов, влиянием контекста, интонацией и т. д.

В лингвистике идеальная цель построения семантики – формирование представления о процессах и результатах понимания смысла языковой единицы (морфемы, слова, предложения, текста) человеком. Иначе говоря, для лингвистики, особенно для её когнитивных направлений, смысл языковой единицы существует для человека. В логике описание семантики строится на математическом языке, соотнесённость которого с восприятием / пониманием человека не требуется.

III. Сводная таблица дифференциальных и интегральных признаков

В Таблице 3 приведены результаты сопоставительного семного анализа трактовок термина *семантика* в лингвистике и математической логике

Итог сравнительного анализа значений термина *семантика*

Наименование признака	Лингвистика	Логика
Дифференциальные признаки		
Чёткая регламентированность процедуры приписывания языковым единицам из семантики	–	+
Композициональность семантики языковых единиц	–	+
Целостность семантики языка, отсутствие в ней разделов, посвящённых семантике ограниченных классов единиц	–	+
Традиции автономного исследования единиц определённого языкового уровня, а также небольших групп языковых единиц	+	–
Наличие разделения на семантику и прагматику	+	–
Ориентация семантики языковой единицы на её восприятие человеком, на анализ её понимания человеком	+	–
Интегральный признак		
Представление описания или процедуры построения смысла языкового знака на определённом метаязыке, предназначенном для этой цели; использование того же термина <i>семантика</i> для наименования подраздела рассматриваемой научной дисциплины, включающего исследования в указанной области	+	+

Термин *формальный*

I. Словарные толкования

Формальный: «Исходящий из формы, основывающийся на особенностях выражения, служащий формой; связанный с выражением грамматического значения, относящийся к форме слов. *Формальный анализ. Формальный синтаксис. Формальная структура. Формальное членение. ... *Формальные языки... То же, что языки флективные.*» [Ахманова 1966: 501–502] (знаком «*» помечены малоупотребительные или устаревшие термины). Поскольку разным типам языковых значений соответствуют разные типы форм выражения, указанное базовое лингвистическое значение термина *формальный* конкретизируется по-разному в зависимости от

того, в каком терминологическом сочетании данное прилагательное использовано. Например, *формальное значение словосочетания*: «Значение словосочетания, выражаемое его синтаксическим построением, а не лексико-фразеологическими свойствами сочетающихся слов» [Ахманова 1966: 164]. *Формальное подлежащее* (формальный субъект): «Лексически ослабленное слово, используемое в языках номинативного строя в качестве главного (независимого, стержневого) элемента (основы) построения предложения» [Ахманова 1966: 330]. Ещё одним примером является рассмотренное ниже терминологическое сочетание *формальная грамматика*.

Как и в лингвистике, в математике прилагательное *формальный* обычно является частью терминологического сочетания, например, в МЭС определены сочетания *формальный язык*, *формальная система*, *формальная арифметика*, *формальная грамматика*.

Формальный язык (формализованный язык) – «искусственный (в отличие от естественных, например, русского) язык, характеризующийся точными правилами построения выражений и их понимания» [МЭС 1988: 609]. *Формальная система* – «уточнение понятия аксиоматической теории, характеризующееся представлением последней в виде исчисления. Процесс построения формальной системы в качестве точного аналога данной аксиоматической теории обычно называется *формализацией* этой теории. Построение всякой теории начинается с описания некоторого формализованного языка» [МЭС 1988: 610]. *Формальная арифметика* – «формальная система, предназначенная для формализации элементарной теории чисел» [МЭС 1988: 609]. Во всех случаях речь идёт об описании некоторого объекта средствами формального языка, то есть языка математики.

Особый интерес представляет терминологическое сочетание *формальная грамматика*. В словаре О. С. Ахмановой ему поставлено в соответствие следующее традиционное лингвистическое понимание: «Раздел языкознания, изучающий те грамматические отношения, которые имеют формальное выражение, и исключаящий из рассмотрения все значения отношения (грамматические значения), не имеющие выражения, т. е. не обозначенные грамматическими формами языка; грамматика, исключаящая из рассмотрения ритмомелодические признаки, актуальное членение и мыслительное содержание высказывания и ограничивающаяся лишь рассмотрением морфосинтаксических связей единиц, составляющих предложение» [Ахманова 1966: 113]. В математике *формальная грамматика* – это «общее название нескольких типов исчислений, используемых в математической лингвистике для описания строения естественных языков (а также некоторых искусственных языков, в частности языков программирования). Различают грамматики автоматные, бесконтекстные, порождающие и др.» [МЭС 1988: 161]. Иначе говоря, в математике *формальная грамматика* – это один из типов искусственных математических языков. В таких разделах современной лингвистики как математическая лингвистика и компьютерная лингвистика используется преимущественно математическая трактовка

термина *формальный*. В ЛЭС отсутствует отдельная статья для термина *формальный*, но ряд значений этого термина приведён в статье для термина *форма*. Термин *формальный* присутствует в ЛЭС в составе терминологического сочетания *формальная грамматика*, для которого дана только его математическая трактовка [ЛЭС 1990: 558], аналогичная приведённой в МЭС. Аналог приведённой выше лингвистической трактовки сочетания *формальная грамматика* [Ахманова 1966: 113] в ЛЭС отсутствует.

II. Семный и экспертный анализ

Общую интегральную сему в данном случае выявить непросто, так как она эксплицитно не выражена в определениях, в отличие, например, от определений термина *алфавит*. Тем не менее, опираясь на такие компоненты как «служащий формой», «значение словосочетания, выражаемое его синтаксическим построением», «грамматические отношения, которые имеют формальное выражение», «характеризующийся точными правилами построения выражений и их понимания», можно предложить следующую интегральную сему для свойства *формальный* в его лингвистическом и математическом вариантах: эксплицитные правила использования или проявления определённых единиц смысла, свойств, отношений, отвечающие требованиям точности, действующим в рассматриваемой области знания.

Математическое понятие *формальный* фокусируется на способе описания, а не на описываемом объекте, причём изучение такого способа может проходить автономно, без рассмотрения потенциальных объектов описания. Данный факт хорошо известен всем со времени обучения в начальной школе: учить таблицу умножения однозначных чисел и тренироваться в совершении других арифметических операций можно без уточнения того, какие именно количественные характеристики обозначены используемыми числами. В лингвистике, наоборот, в фокусе внимания – описываемый объект (тот или иной аспект естественного языка), и термин *формальный*, будучи использован в лингвистическом смысле, всегда привязан к определённому аспекту естественного языка.

В лингвистике *формальный* связано с формой, то есть со способом внешнего проявления определённого аспекта смысла. Например, можно говорить о формальных средствах выражения синтаксических отношений, о формальных средствах выражения просьбы или похвалы. Характеристика чего-то как формального в этом смысле означает потенциальную восприимчивость человеком. Математическая трактовка термина *формальный* связана не с *формой*, а с *формализацией*, и характеризует не восприимчивость, а соответствие определённым принципам описания.

Если в математике возникает задача формального описания определённого объекта, то считается уместным продумать вопрос: какой именно формальный способ описания (какую теорию) удобнее использовать для этой цели и как именно данный способ лучше применить. Теоретически выбор вариантов не ограничен.

В лингвистике в центре внимания описываемый объект и термин *формальный* обозначает внешние проявления этого объекта. Понятно, что изучение таких проявлений происходит в рамках определённой теории языка, но выбор теории обычно предопределён заранее или имеет небольшое количество альтернатив.

III. Сводная таблица дифференциальных и интегральных признаков

В Таблице 4 приведены результаты сопоставительного семного анализа трактовки термина *формальный* в лингвистике и математической логике

Таблица 4

Итог сравнительного анализа значений термина *формальный*

Наименование признака	Лингвистика	Логика
Дифференциальные признаки		
В фокусе внимания способ представления, а не объект, для представления которого этот способ применяется	–	+
Подразумевается множественность средств, которые можно использовать для формального представления заданного объекта	–	+
Способ представления теоретически может быть использован применительно к разным объектам, соответственно характеристика <i>формальный</i> не привязана к определённому классу объектов	–	+
Привязка формального описания к определённому аспекту фиксированного объекта (в лингвистике – к определённому аспекту естественного языка)	+	–
Термин <i>формальный</i> обозначает те аспекты знака, которые делают его воспринимаемым для человека, например, материальную сторону знака	+	–
Интегральный признак		
Эксплицитные правила использования или проявления определённых единиц смысла, свойств, отношений, отвечающие требованиям точности, действующим в рассматриваемой области знания	+	+

Перспективы

В настоящее время МССТ создаётся для двух пар дисциплин: лингвистики и математической логики, лингвистики и информатики. Ближайшие перспективы включают прежде всего завершение всех словарных статей, относящихся к терминологии этих областей, а также разработку и реализацию компьютерной версии. Для представления МССТ в электронной версии необходимо разработать структуру представления информации, определить возможности интерактивной работы по изменению и пополнению состава словаря, продумать принципы навигации по словарю, выбрать средства программной реализации.

Следующий по порядку исследовательский вопрос состоит в построении, изучении и стандартизации метаязыка словарных описаний. На данном этапе формулировки дифференциальных признаков строятся отдельно для каждой пары сравниваемых терминов. Соответственно возникают вопросы о единообразном описании сходных по содержанию сем, группировке близких по смыслу признаков, систематизации их описания и, в итоге, разработке общего представления об используемом семантическом метаязыке. Следует также детализировать и описать метод выявления дифференциальных признаков для его последующего единообразного применения при сопоставительном анализе терминов других пар дисциплин.

Более отдалённые перспективы касаются когнитивного терминоведения, актуальность которого была отмечена, в частности, в [Гринева-Гриневич, Сорокина 2018], и предполагают анализ всей системы дифференциальных признаков, выявленных в результате сопоставления трактовок консубстанциональных терминов двух научных дисциплин, и исследование общих познавательных установок, характерных для данных дисциплин. Например, предполагается, что для лингвистики нетипично использование пустых множеств объектов, то есть множеств, не содержащих ни одного элемента. Для математики же использование таких объектов нормально, причём они даже могут обладать внутренней структурой, хотя и не содержат ни одного элемента. В информатике также первоначально может определяться пустая структура (например, таблица, сеть) с тем, чтобы впоследствии её заполнить, если обнаружатся допустимые для этой структуры данные, которые теоретически могут и не обнаружиться.

В рамках междисциплинарных исследований лингвисты сотрудничают не только с математиками и программистами. Поэтому естественен вопрос о том, какие ещё пары дисциплин следует также включить в словарь. Возможно, при рассмотрении терминологических проблем взаимодействия лингвистов с представителями биологии, нейронауки, когнитивных наук, психологии, юриспруденция и др. выявятся другие семантические проблемы.

Более отдалённые перспективы могут включать также сравнительный анализ качественных и количественных характеристик метаязыков, построенных для разных пар взаимодействующих дисциплин; сопостави-

тельный анализ изменений значений терминов в диахронии; сравнительный анализ межъязыковых переводных соответствий терминов и выявление различий в их содержании.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМ СО РАН (проект № FWNF-2022-0012) и ИФЛ СО РАН (проект № 0263-2021-0003).

Список источников

1. Хаютин, А. Д. Термин, терминология, номенклатура: учебное пособие / А. Д. Хаютин. М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Самарканд: Самаркандский гос. ун-т им. Алишера Навои. Самарканд: 1972. – 129 с.
2. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – Москва: Московский лицей, 1993. – 309 с.
3. Рычкова, Л. В. Консубстанциональность терминов как проблема прикладной лингвистики / Л. В. Рычкова // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 6. – Минск: Белорусский Дом печати, 2012. – С. 55–59.
4. Борисова, Л. И. Ложные друзья переводчика: учебное пособие по научно-техническому переводу / Л. И. Борисова. – Москва: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2005. – 212 с.
5. Лесников, С. В. Типология русских словарей лингвистической терминологии / С. В. Лесников // Мир науки, культуры, образования. – № 6 (31). – 2011. – С. 6–10.
6. Бережанская, И. Ю. Консубстанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков (сравнительный анализ): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук 10.02.20. – Москва: МГОУ, 2005. – 311 с.
7. Тимофеева, М. К. Язык с позиции философии, психологии, математики: учебное пособие / М. К. Тимофеева. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2019. – 176 с.
8. Герд, А. С. Прикладная лингвистика / А. С. Герд. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 268 с.
9. Герд, А. С. Введение в изучение языков для специальных целей: учебное пособие / А. С. Герд. – 2-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2011. – 60 с.
10. Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь: учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2021. – 222 с.
11. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 4-е изд. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
12. Материалы к компьютерному тезаурусу лексики русского языка. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 232 с.
13. Символическая логика: учебник / под ред. Я. А. Слина, Э. Ф. Караваева, А. И. Мигунова. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 506 с.

14. Бочаров, В. А. Основы логики: учебник / В. А. Бочаров, В. И. Маркин. – Москва: ИНФРА, 2001. – 296 с.
15. Гладкий, А. А. Формальные грамматики и языки / А. А. Гладкий. – Москва: Наука, 1973. – 368 с.
16. Падучева, Е. В. Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – 304 с.
17. Кронгауз, М. А. Семантика: учебник для вузов / М. А. Кронгауз. – Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
18. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст": семантика, синтаксис / И. А. Мельчук. – Москва: Наука, 1974. – 315 с.
19. Фреге, Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. Учебное пособие для студентов вузов / Г. Фреге. – Москва: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
20. Смирнова, Е. Д. Основы логической семантики: учебное пособие / Е. Д. Смирнова. – 2-е издание. – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 144 с.
21. Монтегю, Р. Прагматика / Р. Монтегю // Семантика модальных и интенциональных логик. – Москва: Прогресс, 1981. – С. 254–279.
22. Андреев, А. В. Введение в формальную семантику: учебное пособие / А. В. Андреев, О. А. Митрофанова, К. В. Соколов. – Санкт-Петербург: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014. – 88 с.
23. Гринев-Гриневиц, С. В. Перспективные направления развития терминологических исследований / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 18–28.

Источники (словари)

1. Цейтлин, С. Н. Язык. Речь. Коммуникация: междисциплинарный словарь: лингвистам, преподавателям иностранных языков, методистам по развитию речи, учителям-словесникам, логопедам и студентам / С. Н. Цейтлин, В. А. Погосян, М. А. Еливанова, Е. И. Шапиро. – Санкт-Петербург: КАРО, 2006. – 128 с.
2. Ширшов, Е. В. Междисциплинарный словарь терминов: менеджмент, бизнес-планирование, информационные технологии в бизнесе, проектное управление, логистика: учебное пособие / Е. В. Ширшов, А. В. Пластинин, О. П. Сушко. – Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2020. – 166 с.
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. – Москва;

Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.

4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва: Сов. энцикл., 1966. – С. 608.

5. Математический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1988. – 847 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаева Фатима Эйваз кызы, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, 89609148343, fatima2888@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-2727-8128;

Байкова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Вятский государственный университет (Киров, Россия), тел.: +79127202650, e-mail: olga-baykova@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-4859-8553

Будейко Валерий Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, e-mail: btn2@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-2706-8051

Бутакова Лариса Олеговна доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, (Омск, Россия), e-mail: kafrusyaz@rambler.ru, orcid.org/0000-0003-3210-2311

Бухаров Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики немецкого языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия), тел.: +79159546309, e-mail: vabukharov@yandex.ru, orcid.org/0000-0003-3586-7547

Бушев Александр Борисович – доктор филол. наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета e-mail: Bushev.AB@tversu.ru ORCID 0000-0002-8730-0078

Денисова Эльвира Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, 89236112910, elvdenisova@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-4591-6576;

Курьянович Анна Владимировна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», историко-филологический факультет, кафедра теории языка и методики обучения русскому языку, заведующий кафедрой, профессор; +79138559328, kurjanovich.anna@rambler.ru, ORCID 0000-0002-3247-3975.

Песина Светлана Андреевна, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова, (Магнитогорск, Россия), e-mail: spesina@bk.ru, [orcid: 0000-0002-3728-2561](https://orcid.org/0000-0002-3728-2561)

Рабенко Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, 89049944535, rabenko@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-3434-8542.

Тивьяева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и переводоведения, зам. директора института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Россия). e-mail: tivyaeva@yandex.ru ORCID: 0000-0002-6316-784

Тимофеева Мария Кирилловна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН, +7 9069078673, e-mail: timof@math.nsc.ru, mtimof@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8999-2330>

Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией когнитивных исследований и компьютерной лингвистики, профессор кафедры переводоведения и лингвистики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия). e-mail: andfomin67@mail.ru ORCID: 0000-0002-2742-7747

Шелестюк Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, e-mail: shelestiuk@yandex.ru, orcid.org/0000-0003-4254-4439

Научное издание

ЗНАК, ЯЗЫК И ДИСКУРС В ДИНАМИКЕ И СТАТИКЕ

Монография

Под научной редакцией А. Г. Фомина

Авторский коллектив:

Ф. Э. Абдуллаева

О. В. Байкова

В. Э. Будейко

Л. О. Бутакова

В. М. Бухаров

А. Б. Бушев

Э. С. Денисова

А. В. Курьянович

С. А. Песина

Т. Г. Рабенко

И. В. Тивьяева

М. К. Тимофеева

А. Г. Фомин

Е. В. Шелестюк

16+

Технический редактор С. В. Плисенко

Подписано к использованию 28.11.2023. Заказ № 120.

Объем 2,8 Мб.

Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6.